

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ VIII РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2010

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VIII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 275с.

ISBN 978-5-94356-876-3

В сборнике публикуются доклады участников VIII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф. В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
д-р филос. наук, доцент Н. В. Головкин*

ISBN 978-5-94356-876-3

© Коллектив авторов, 2010

© ИФПР СО РАН, 2010

© Новосибирский государственный
университет, 2010

Содержание

Пленарные доклады 9

Аблажей А.М. Мифы и реалии российской науки: по материалам
полевых исследований 2009 - 2010 гг. 9

Бурмистров С.Л. О месте философии в системе наук 12

Попова С.С. Научный эксперимент в эпоху Просвещения..... 14

Оглезнев В.В. Аскрипции и дескрипции в аналитической
философии права..... 17

Петров В.В. Возможно ли инновационное образование в России? 20

Дидикин А.Б., Кружкова С.В. Правовой статус инновационного
центра «Сколково»: новеллы и противоречия нового закона 23

Раздел I. Социальные исследования..... 27

Ерохина Е.А. «Свои» и «чужие»: этносы-резиденты и этнические
диаспоры в современном российском мегаполисе..... 27

Винокурова А.В. Ценность супружества в структуре ценностных
ориентаций современной семьи (на примере семей
Приморского края) 32

Акулова Е.Ф. Социально-педагогические подходы
к совершенствованию дошкольного образования в России
(на примере г. Тольятти) 36

Волокитина А.А. Противоречия жизненных стратегий молодежи в
изменяющихся условиях выбора профессии..... 39

Нечипоренко О.В. Хозяйственные уклады в современном
российском селе: тенденции и перспективы развития 42

Зазулина М.Р. Проблемы совершенствования кадрового потенциала
органов местной власти 47

Корнеев В.А., Мартыненко-Фриауф А.А., Пустовойт Ю.А. Партийная
организация технического вуза в 80-е годы XX века. Штрихи к
политическому портрету 50

<i>Самсонов В.В.</i> Сектор личных (подсобных) хозяйств населения как социальное явление: сущностные особенности.....	52
<i>Кан В.С.</i> Положительные результаты строительства железной дороги и освоения месторождений в восприятии жителей Тувы	57
<i>Солодова Г.С.</i> Социальные установки мигрантов-мусульман – связь с конфессиональной составляющей	60
<i>Белоусова С.В., Киреева Ю.А.</i> Рост качества жизни населения как цель развития Байкальского региона	65
<i>Терентьев В.И.</i> Перспективы этнографических исследований в Западной Монголии	67
<i>Курмышева Л.К.</i> Социологический подход к исследованию социальной инклюзии молодых людей с ограничениями по здоровью	68
<i>Гомзова В.В.</i> Этническая и трудовая миграция глазами молодежи	71
<i>Якина Л.А.</i> Бюджет времени молодой семьи (на основе дневникового метода)	75
Раздел II. Философские исследования	78
<i>Философия, логика и методология научного знания</i>	<i>78</i>
<i>Литовка И.И.</i> Современная научная методология и методологическая специфика познания в глубокой древности	78
<i>Ходяков Д.С.</i> Структурный вариант основного аргумента в защиту реализма	83
<i>Головко Н.В.</i> Как возможна ироническая наука.....	85
<i>Баяндин Р.Б.</i> Концептуальные затруднения в современной эволюционной биологии	90
<i>Винник Д.В.</i> Проблемное поле современной философии сознания.....	93
<i>Игнатенко Е.Н.</i> Эмерджентизм: проблемы и перспективы.....	99
<i>Хлебалин А.В.</i> Фикционалистская программа устранимости математики	102

<i>Покасов Р.П.</i> К вопросу о четкости математических понятий.....	108
<i>История философии в новом интеллектуальном контексте</i>	110
<i>Тырбах Ю.В.</i> Аспекты символического рационализма и всеединая структура мира в философии Николая Кузанского	110
<i>Томюк М.А.</i> Религиозность сомнения Норберто Боббио: философский аспект	113
<i>Социально-философские исследования</i>	115
<i>Глебов Е.В.</i> Парадигма Аристотеля в «Политии» как мера демократичности строя.....	115
<i>Трофимцева С.Ю.</i> Парадигмальный подход к анализу развития европейской философии истории	119
<i>Королев Е.А.</i> Утопия и общество.....	121
<i>Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования</i>	123
<i>Колмакова Е.А.</i> К вопросу о способах объяснения мира в мифологии.....	123
<i>Шингаркина Д.А.</i> Проблема изучения доверия как социально - психологического феномена	126
<i>Капустина Н.Б.</i> Отражение проблем современного общества в правосознании личности	130
<i>Токарев В.А.</i> Современная компаративистика: сравнение способов правового бытия	134
<i>Скоробогатов В.Ю.</i> Обычное право как фактор устойчивого развития современного общества	136
<i>Рузанкина Е.А.</i> Формирование гендерной компетентности личности в высшей школе	139
<i>Брук Н.В.</i> К вопросу о сущности местного самоуправления	141
<i>Назмутдинов Б.В.</i> Понятие «формы правления» в трудах классиков Евразийства	143

<i>Дудчик А.Ю.</i> Осмысление антропологических аспектов проблемы колониальных цивилизаций в философии Х. Ортеги-и-гассета	148
<i>Шайкемелев М.С.-А.</i> К проблеме этнической и национальной идентичности	151
<i>Ешпанова Д.Д.</i> Интеграция общества в контексте взаимоотношения гражданской и этнической идентичности.....	155
<i>Попов О.Н.</i> Возможность формирования национальной идеи через осознание смысла жизни граждан	159
<i>Михайличенко Д.Г.</i> Стремление к свободе современного человека в условиях информационно-психологической репрессивности	161
<i>Камалова Г.Р.</i> Социальная идентичность в виртуальном пространстве: новые стратегии и подходы	164
<i>Никитин А.П.</i> Патриотизм в контексте консерватизма.....	166
<i>Колотыгина Ю.О.</i> Русская философия как сложный и самобытный процесс становления и развития духовной культуры России.....	168
<i>Климакова Е.В.</i> Ситуация войны и проблема экзистенциального поиска в интерпретации русской поэзии к. XX – н. XXI вв. (В.Высоцкий, А.Кутилов, Д.Мурзин).....	170
<i>Мартынюк Э.И., Никитченко Е.Э.</i> Глобализация как конвергентный процесс в религиозной жизни второй половины XX века.....	173
<i>Дьячкова О.Н.</i> Специфика классического подхода к определению творчества	175
<i>Булыгина Т.В.</i> Феномен детства в европейской культуре	178
<i>Мамедова Р.</i> Путь, ведущий к единству	182
<i>Калмазан А.В.</i> О генезисе понятия «качество образования»	184
<i>Сарматина О.С.</i> Информационное взаимодействие в преступном сообществе.....	190
<i>Шибяев М.В.</i> Особенности вербального выражения экстремизма.....	193

Раздел III. Теоретические проблемы права..... 199

<i>Бугаева А.С.</i> Взаимодействие и сотрудничество Европейской комиссии и Совета Европейского союза.....	199
<i>Бабин Б.В.</i> Программные правовые регуляторы современных международных отношений.....	201
<i>Дадашова Р.</i> Перспективы усиления активизации ООН в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе	203
<i>Серегин А.В.</i> Юридическая классификация республиканских форм правления	206
<i>Дидикин А.Б.</i> Модель конституционной реформы для России: эффективный парламентаризм и принцип разделения властей	209
<i>Мохначев К.С.</i> Пути совершенствования нормативно-правового регулирования инновационной деятельности	213
<i>Третьякова Е.-Д.С.</i> О методике осуществления правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации .	216
<i>Ряховская Т.И.</i> К вопросу о юридической природе постановлений Конституционного суда РФ	218
<i>Макарчук И.Ю.</i> К структуре правотворческого процесса.....	221
<i>Бороздин М.С.</i> Некоторые проблемы соотношения языкового законодательства и государственной службы в РФ	224
<i>Кинсбургская В.А.</i> Компенсационная и карательная ответственность в системе юридической ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах	227
<i>Козлова Н.В.</i> Роль Федеральной Миграционной службы в реализации норм о приобретении гражданства в Российской Федерации.....	229
<i>Шульга Р.Ю.</i> Современное состояние российского правозащитного движения: тенденции и перспективы развития	232
<i>Кружкова С.В.</i> Категория интереса в корпоративных нормах и нормах саморегулируемых организаций	235
<i>Салий И.С.</i> Проблемные аспекты терминологического (понятийного) характера действующего законодательства Российской Федерации	238

<i>Павлышин О.В.</i> Принципиально-схематические основания семиотики права как отрасли исследований: предмет, структура, специфика.	241
<i>Магомедов А.А.</i> Критерии выделения субъектов малого и среднего предпринимательства в российском законодательстве	244
<i>Загуляев А.В.</i> Проблемы правового регулирования имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации	246
<i>Парамонова С.Л.</i> Применение уголовного права в интернет-пространстве (на примере российского и немецкого законодательства)	249
<i>Гутник С.И.</i> К вопросу о персональных данных гражданина как об объекте повышенной охраны	251
<i>Пуляева Е.В.</i> Реализация права на образование и динамика законодательства: вопросы взаимовлияния.....	255
<i>Бойко Е.Ю.</i> Законодательные гарантии права на свободу и личную неприкосновенность человека	257
<i>Петренина Л.О.</i> Правовой статус религиозных организаций как формы обеспечения коллективного права на свободу вероисповедания ..	260
<i>Андрощук В.В.</i> Преступления антирелигиозной направленности в уголовном законодательстве России конца XIX в.	262
<i>Алиев Н.</i> Ответственность за неудавшееся соучастие по уголовному законодательству Азербайджана	264
<i>Исмаилова Н.Р.</i> Соотношение международно-правовых актов и национального законодательства в сфере социально-правового положения военнослужащих.....	269
<i>Рубец И.В.</i> Особенности договоров о суррогатном материнстве	269
<i>Губань Р.В.</i> К вопросу о теоретико-правовых проблемах связанных с использованием хиджаба при проведении спортивных соревнований	272

Пленарные доклады

МИФЫ И РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009 - 2010 ГГ.*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

Разнообразие мнений о положении дел в современной российской науке – великое множество. Кто-то, как исполнительный директор центра «Открытая экономика» А. Гордеев, клеймит «забросивших исследования» ученых (надо думать, речь идет об академических институтах – А.А.?), которые никакой наукой не занимаются, а только переписывают отчеты 40-летней давности. Журналисты ссылаются на отчеты самой РАН, исходя из которых делают вывод, что 90% доходов Академии наук – от сдачи в аренду помещений [Наука научилась...]. Представители академического руководства, напротив, сравнивая уровни финансирования науки и ее отдачу в виде статей и патентов в России и развитых странах, заявляют, что мы делаем невозможное и уж никак не отстаем от передовых в научном отношении держав. Поскольку в подобного рода дискуссиях явно не хватает статистики и мнений самих ученых, попробуем восполнить этот пробел, основываясь на материалах полевых исследований, проведенных в Новосибирском, Красноярском и Иркутском научных центрах в 2009 – 2010 гг. В данном случае первичному анализу были подвергнуты интервью с заместителями директоров по науке или учеными секретарями академических НИИ данных центров.

Немного о мифах. *Миф номер 1:* в России по-прежнему огромное количество ученых - более 1 млн. научных сотрудников, или 10% всех ученых мира, и учитывая весьма скромные успехи науки, встает закономерный вопрос об их профессиональной компетентности. На самом деле, конечно, эта цифра много и много меньше. По результатам пилотного проекта, реализованного в РАН в течение 2006 – 2008 гг., там осталось чуть более 50 тыс. (!) людей, занимающих должности научных сотрудников, от младшего до главного, т.е. собственно ученых. В данном случае мы не принимаем во внимание инженерный, лаборантский или административный персонал. Если даже мы прибавим сюда вузовских преподавателей с учеными степенями, миллиона не

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социологический мониторинг академических сообществ Сибири (Новосибирск, Красноярск, Иркутск)», поддержанного грантом РГНФ №10-03-18014е.

наберем никогда. И это при том, что, по разным оценкам, реальной наукой занимаются от 3 до 20% профессорско-преподавательского состава вузов.

Миф номер 2: «ученый в современной России – значит нищий», миф, сохранившийся с 1990-х гг. Никто не спорит, что в то время зарплата в науке была, мягко говоря, не самой высокой. Но ситуация существенно изменилась: на годичном собрании СО РАН по итогам 2008 г. была озвучена такая цифра – средняя зарплата по Отделению в 2008 г. составила порядка 37 тыс. руб., а в 2009 – более 40 тыс. (!). Это при том, что средняя зарплата по всем отраслям экономики в Новосибирской области за тот же период была около 17 тыс., т.е. более чем в два раза меньше. Понятно, что средняя зарплата – не очень корректный показатель, это как средняя температура по больнице, но все же.

Миф номер 3: в России катастрофически низкая эффективность труда ученых, мало публикуются (в целом по РАН – якобы меньше 1 статьи на научного сотрудника в год), совсем плохо внедрением научных открытий в производство. Но, как говорилось выше, стоит только сравнить уровень финансовой обеспеченности исследований, состояние материально-технической базы, и оценки тут же перестают выглядеть столь негативно.

Теперь о финансах подробнее. Проведенные интервью позволяют уверенно говорить о том, что сегодня в рамках академических институтов сложились две схемы, (типовые модели) распределения ресурсов, в первую очередь той их части, которая относится к конкурсному финансированию (гранты, хозяйственные договоры и пр.). Первую модель можно условно обозначить как *федеративную*: в рамках административно единого института существуют лаборатории (сектора, группы), обладающие той или иной степенью самостоятельности. Зарабатываемые ими деньги, за исключением определенной доли (в разных институтах она разная, но в целом колеблется вокруг цифры в 20%), отдаваемой в общеплановую кассу, они распределяют сами, внутри себя, не спрашивая мнение дирекции. Это, естественно, неизбежно приводит к тому, что появляются «бедные» и «богатые» и лаборатории, и научные сотрудники, со всеми вытекающим отсюда последствиями, не в последнюю очередь – в плане межличностных отношений между членами **одного** коллектива. Вторая модель условно обозначена как *унитарная*: все зарабатываемые институтом деньги сосредотачиваются в руках дирекции, которая при их распределении учитывает не только личный вклад ученого или лаборатории, но исходит в первую очередь из своего понимания того, как нужно распределить средства между подразделениями и отдельными людьми. Понятно, что при такой схеме на дирекцию падает большая доля ответственности за положение дел в институте, не исключая лоббистской деятельности в фондах, органах власти и т.д. Стоит, правда, отметить и то очень важное обстоятельство, что деление на «богатых» и «бедных» зачастую повторяет разделение на «фундаментальщиков» и «прикладников», при вполне справедливом негодании первых: ведь прикладные результаты, как правило, основаны на общеплановых фундаментальных результатах.

Кроме того, реальностью последних лет становится реальное падение доли свободно (на основании относительно прозрачных процедур) распределяемых средств на исследования. Меньше грантовых денег, меньше хоздоговоров – а это уже влияние кризиса. Произошел и заметный рост индивидуальных доходов, прежде всего за счет резкого увеличения окладов при реализации пилотного проекта.

Кадровая ситуация. Прежде всего стоит отметить консервацию кадровой структуры академических учреждений, поскольку одним из условий пилотного проекта был запрет на открытие новых ставок. Старшее поколение очень неохотно уходит на пенсию и нет возможности брать молодежь. Выходы самые разные: от дробления ставок до примеров содержания молодых за счет либо внутрилабораторных, либо институтских внебюджетных средств. В рамках СО РАН с 2007 г. реализуется проект организации специальных 2-летних ставок для молодых кандидатов (некий аналог постдоков), но поскольку они даются только на 2 года, непонятно, что делать с молодыми кандидатами дальше. Попытки РАН «выбить» в правительстве 1 тыс. специальных молодежных ставок пока не увенчались успехом. Неоднозначные последствия в целом ряде институтов вызвала и отмена возрастного ценза для занятия руководящих должностей.

Несколько слов о перспективах. Прогнозов много и большинство из них скорее пессимистические. Много говорят о том, что для выполнения высоких социальных обязательств, взятых государством, в первую очередь перед пенсионерами, придется на 2 ближайших предвыборных года пожертвовать наукой, что отчасти и заложено в проекте бюджета на 2011 – 2013 гг. Масса прогнозов, в т.ч. апокалипсических, в плане развития ситуации в кадровой сфере – уход старшего поколения, разрыв поколений, катастрофическая нехватка ученых среднего возраста, и т.д. Не стоит забывать и об объективно существующем стремлении профильного министерства сделать вузы альтернативой академии наук (вливание гигантских средств в федеральные, национальные исследовательские университеты и пр.). К чести институтов стоит отметить, что ученые в регионах уже адаптировались к этой ситуации: приборная база улучшается за счет того же Сибирского федерального университета, а реальные исследования на новых приборах проводят научные сотрудники академических институтов.

Литература

1. Наука научилась зарабатывать // Аргументы недели, 2009, № 22(60), 4 июня

ablazhey@philosophy.nsc.ru

О МЕСТЕ ФИЛОСОФИИ В СИСТЕМЕ НАУК

С. Л. Бурмистров

Санкт-Петербургский государственный университет

Уже очень давно перед философами стоит вопрос, на который пока не дано удовлетворительного ответа: если философия – наука, то каков ее предмет, каковы ее методы и как можно верифицировать или фальсифицировать ее утверждения? Если философия – наука, то каково ее место в системе наук и как она соотносится с другими научными дисциплинами? На этот вопрос дается множество разных ответов: философию называют и «наукой о мудрости» (не конкретизируя при этом, что такое вообще мудрость и не ставя вопроса о том, не является ли это свойство, даже если его конкретизировать, сферой интереса скорее психологии и культурологии, чем философии), и «наукой о самых общих формах мышления» (хотя претендовать на роль такой науки гораздо большее право имеют логика, математика и та же психология), и «учением об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру» [1, с. 695] (хотя «общими принципами познания» занимаются все те же логика и психология, «отношением человека к миру» – психология, биология, экология и т. п., а «общими принципами бытия» – вообще все без исключения науки). Словом, вопрос о предмете философии поныне остается открытым.

Так же открыт и вопрос о методах философского познания – если вообще (забегая вперед) можно говорить о познании применительно к философии. Есть ли у философии какие-либо иные, чем чистое умозрение, методы исследования? Насколько проверяемы выводы, к которым приходят философы при помощи своих методов? Возможно ли говорить в философии о чем-то *сущем*? Видимо, именно этот вопрос встал перед Мартином Хайдеггером, который в «Бытии и времени» прямо проводит различие между *сущим* и *бытием* и, соответственно, говорит о двух аспектах познания – *онтическом* (познание сущего) и *онтологическом* (познание бытия). Однако это различие не решает поставленной проблемы: есть ли в философии какие-то свои, специфические методы *познания*? А отсюда напрашивается и еще более радикальный вопрос: возможно ли вообще говорить о *познании* применительно к философии? И имеет ли она тогда право называться наукой?

Именно вопрос о познании при определении места философии в системе культуры оказывается ключевым. В конечном счете, дискуссия о научности или ненаучности философии вращается вокруг проблемы познания, причем сами философы в большинстве своем придерживаются убеждения, что роль философии, как и роль науки, – давать нам истинные знания о мире и человеке. Однако уже в первой половине XX века эта установка была поставлена под сомнение: в «Бытии и времени» Хайдеггер разводит «онтическое» и «онтологическое» спрашивание, полагая второе исходным по отношению к первому [2, с. 11] и, по существу, разделяя науку и философию, выводя вторую в особую сферу. Эту мысль он развивает в статье «Время картины мира», ин-

терперируя науку как исследование, учреждающее себя в качестве предприятия [3, с. 42]. Во-первых, это исследование касается только сущего, и очевидно, что философия, которая с точки зрения Хайдеггера имеет своим предметом бытие, наукой в этой концептуальной сетке быть не может. Во-вторых же, наука предполагает формирование *картины мира*, которая вовсе не обязательно свойственна любой культуре и любой ее эпохе. Философия же в этом контексте имеет совершенно иную роль: ее предмет – бытие, и ее задача – не исследовать, а вслушиваться и понимать. Ясно, что в отношении задач, стоящих перед философией, она уже не может считаться наукой.

Не меньший скептицизм относительно традиционных, пришедших из XIX в. представлений о месте и роли философии в культуре мы видим, например, и у французских структуралистов и постструктуралистов, у которых философия выступает всего лишь одной из форм дискурса, и ее роль, во всяком случае, имеет мало общего с ролью науки – философия представляет собой, скорее, метадискурс или критическую рефлексию над явно выраженными или имплицитно предполагающимися в текстах, порождаемых массовым сознанием, идеологическими клише. С этой позиции философия оказывается не наукой, а антиподом идеологии (в то время как наука вполне может выступать на стороне идеологии, вольно или невольно оправдывая и обосновывая ее).

Еще радикальнее – позиция современного американского философа Ричарда Рорти, который прямо говорит, что у здания философии нет фундамента, который имеется, например, у здания науки. Не существует никаких данных, однозначно подтверждающих или опровергающих философские положения, а сама философия представляет собой лишь систему языковых игр, ценность которых – не эпистемологическая, а сугубо прагматическая [4, с. 209]. Суть философии – не познание, а примирение несоизмеримых мировоззрений.

Как видно, в XX веке философия взяла прямой курс на размежевание с наукой и на выделение себя как отдельной формы культуры, и проблемой для нее оказывается поэтому не ее ненаучность, а, напротив, ее *чрезмерная научность*, усилие придерживаться научной рациональности, которая воспринимается как идеал научного знания до сих пор в ряде философских направлений (например, в аналитической философии) – той формы рациональности, которая фактически оказывается прокрустовым ложем для философии, и единственным разумным выходом для философии является отказ искать себе место в системе научного знания. Философия раньше была наукой вообще, в Новое время она стала одной из наук, сейчас же она постепенно обретает автономию по отношению к науке.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

2. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002.
3. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
4. Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век. М.: УРСС, 1999.

arrakis2001@yandex.ru

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

С. С. Попова

Институт философии и права СО РАН

Институт лазерной физики СО РАН

Эксперимент, его история и методология – это одна из самых актуальных тем в современной философии науки. Формирование науки современного типа неразрывно связано со становлением эксперимента и активным обсуждением методологических вопросов философами и естествоиспытателями.

Еще во время Возрождения обращение к природе, к окружающему миру становится активным и повсеместным, но основные черты научного эксперимента, методичного и планомерного, не сводящегося к простому накоплению фактов формируются только к XVII веку. К XVIII веку экспериментальная практика становится делом не только отдельных ученых, но является обязательным элементом подготовки студентов в университетах.

К тому же времени относится появление оборудованной физической лаборатории. У Ньютона, например, была химическая (точнее, алхимическая) лаборатория, но физические эксперименты он проводил без использования специально оборудованного помещения, и с помощью самостоятельно подготовленных приспособлений.

Характерные черты экспериментального метода исследования природы сформированы и особенности, являющиеся предметом обсуждения современной философии науки, можно выделить в работах того периода. Рассмотрим проблемы соотношения рационального и теоретического в эксперименте на материале научного противостояния двух итальянских физиков Луиджи Гальвани и Алессандро Вольта.

От поразившего Гальвани эффекта сокращения лягушачьей лапки без контакта с источником электричества до публикации труда, где была сформулирована его концепция, прошло десять лет напряженной экспериментальной работы. Гальвани пришел к выводу, что мышцам животных присуще собственное электричество, которое накапливается в них, аналогично тому, как это происходит в лейденской банке – первом конденсаторе, изобретенном в середине XVIII. Наиболее яркие эксперименты, которыми Гальвани подтверждал свою теорию, были связаны с сокращением препарированной лягушачьей лапки при соединении нерва и мышцы дугой, состоящей из двух

сортов металла. После ознакомления с работами Гальвани Вольта провел собственное исследование, которое привело его к открытию эффекта контактной разности потенциалов и изобретению «вольтова столба» - первого химического источника тока.

Спор между двумя учеными, отстаивающими свои позиции, был в центре внимания научной общественности в течение нескольких лет и закончился со смертью Гальвани. Несмотря на новые демонстрации биоэлектрических эффектов, исключаящие использование каких-либо металлических инструментов, изобретение нового эффективного источника электричества обеспечило (по крайней мере, в глазах многих ученых) победу концепции Вольта. Как показало дальнейшее развитие науки, несмотря на то, что Гальвани давал неверную интерпретацию наиболее ярким своим экспериментам, некоторые из наблюдаемых им явлений, действительно связаны с электрическими процессами, свойственными организмам. Источником электричества в основном изобретении Вольта была не контактная разность потенциалов, а химические процессы, природа которых была неверно проинтерпретирована. Таким образом, оба этих ученых не были свободны от заблуждений и оба сделали открытия, не потерявшие своей ценности через века.

Эта история рассказывается очень по-разному, в зависимости от позиции автора. Например, для тех, кто в эксперименте основным считает сам факт наблюдения, открытие Гальвани выглядит как случайно подмеченное сокращение конечности лягушки в момент разряда электрофорной машины. Нередко добавляются примечательные детали, подчеркивающие абсолютную случайность этого наблюдения. Например, упоминается, что принадлежала электрофорная машина не Гальвани, анатому и физиологу, а его приятелю-физику [1], упоминается жена ученого, причем, физиолог не просто препарирует лягушку, а разделяет по просьбе жены для приготовления блюда из лягушачьих лапок [2]. Доля истины в этих историях есть.

Лючия Галеацци, жена итальянского физиолога, действительно сыграла значительную роль в этом открытии. Но надо отметить, что была она одной из самых образованных женщин того времени и ассистировала в научных экспериментах своего мужа [3]. Упомянув в лабораторных заметках про жену [4], в опубликованном научном трактате Гальвани говорит только об ассистентах, не раскрывая родственных связей с одним из них именно потому, что наблюдательность и квалификация помощников экспериментатора сыграли здесь большую роль, чем семейные отношения. А вот электрофорная машина была, конечно, поставлена самим Гальвани и использовалась им для экспериментов с сокращениями мышц. Это было одной из характерных черт исследований, ведущихся в Болонском университете – активное экспериментирование, пересекающее границы физики, химии и медицины с использованием новейшего (для середины восемнадцатого века) оборудования, в частности электрического [3]. С современной точки зрения эти исследования можно бы назвать междисциплинарными, но необходимо учитывать, что дисциплинарная структуризация науки произошла много позже.

Таким образом, представление об открытии, как случайном наблюдении не соответствует имеющимся сведениям. К этому надо добавить, что, судя по лабораторным заметкам, тому эксперименту, который Гальвани называет «первым» в своей монографии предшествовали три месяца напряженной работы по выявлению электрических свойств нервных и мышечных тканей лягушки.

Однако вышесказанное нельзя считать достаточным обоснованием другой крайней точки зрения, утверждающей что постановка и интерпретация эксперимента полностью предзаданны теоретическими ожиданиями. Подчеркивая случайность «первого» результата, Гальвани стремится выделить, что он был совершенно неожиданным и необъяснимым с точки зрения существующих теоретических представлений. В то время широко обсуждалась гипотеза об идентичности электрического и нервного флюидов. Были представления, что процессы в мышцах происходят из-за того, что в них по нервам из мозга поступает особая жидкость – нервный флюид, а электрические процессы объяснялись течением другой жидкости – электрического флюида. Одним из основных возражений против их идентичности было таким: так как и нервная ткань и окружающие ее ткани являются проводниками электричества, то электрический флюид не может удерживаться в нервах и должен растечься до того, как попадет в мышцу и сможет вызвать эффект сокращения. Гальвани взялся за проверку свойств проводимости нервов и мышц, предполагая, что нервы, скорее всего, окружены изолирующим чехлом [5].

Конечно, и постановка экспериментов и используемые методы сильно зависят от теоретической позиции исследователя, но нельзя сказать, что полностью определяются ими. Гальвани несколько раз видоизменял условия эксперимента, добиваясь наиболее ярких результатов. Основной его результат, значение которого не потеряло своей ценности после существенного пересмотра научных теорий, состоит в том, что невидимый агент проявляет себя очевидным и недвусмысленным способом, вполне доступным для наблюдения. Сокращения лапки лягушки – это видимый эффект, связанный с наличием электричества, для определения которого в те времена не было более чувствительных приборов. Гальвани показал, что в отсутствие известных источников как электрического, так и нервного флюидов, появляется электричество. Значит, в эксперименты включен неизвестный источник.

Вольта и Гальвани по-разному определяют что является этим источником. Но важно отметить, что метод доказательства у них подобный. Гальвани исключает металлические предметы из опыта и показывает, что эффект наблюдается и без них. А Вольта находит другой способ сделать «невидимое» видимым, точнее, осязаемым – пробует контакт двух металлов на вкус. Важно отметить, что эти доказательства, не являются теоретическими, хотя и связаны с ненаблюдаемым непосредственно явлением.

Анализируя литературу, посвященную вопросу соотношения теоретического и эмпирического в научном исследовании, необходимо отметить, что каждая из крайних позиций не выражает специфики эксперимента во всей

полноте. С этим связано то, что в последние годы становятся популярными исследования дескриптивного типа: когда, обращаясь к историческому материалу, историки науки стремятся собрать большое количество фактов, избегая делать общие выводы и вставлять на какую-либо позицию. Однако этот вопрос остается актуален для современной философии науки, его невозможно избежать при методологическом анализе. Это заставляет нас искать подходы, которые позволили бы охватить все многообразие теоретических и эмпирических аспектов экспериментальной деятельности естествоиспытателей. Первые шаги в разработке такого подхода связаны с выделением в эксперименте эмпирических опосредующих структур [6].

Литература

1. *В. П. Карцев* Приключения великих уравнений. М.: Знание, 1986.
2. *I. R. Morus* Galvanic cultures: electricity and life in the early nineteenth century // *Endeavour* 1998. – v. 22 – pp. 7-11.
3. *M. Focaccia, R. Simili* Luigi Galvani, physican, surgeon, physicist: from animal electricity to electrophysiology // *Brain, Mind and medicine: Essays in Eighteenth-Century Neuroscience*. ed. by H. Whitaker, C.U.M. Smith, S. Finger. p. 145-158.
4. *M. Brsadola* At play with nature: Luigi Galvani's experimental approach to muscular physiology // *Reworking the Bench. Research notebooks in the history of Science*. ed. F.L.Holmes, J.Renn and H.-J. Rheinberger. – Kluwer academic publishers. – 2003. – pp. 67-92.
5. *R. W. Home* Electricity and the Nervous Fluid // *Journal of the History of Biology*. 1970. – v. 3. – pp. 235-251.
6. *Попова С.С.* Эмпирические опосредующие структуры. // *Философия науки*. 2010. – № 3(46) – стр. 81-91.

svetlanas_popova@mail.ru

АСКРИПЦИИ И ДЕСКРИПЦИИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА*

В. В. Оглезнев

Российская академия правосудия (Томск)

* Работа выполнена в рамках государственного договора на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

В юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, с одной стороны, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разъясняющих право произнесениями, с другой стороны, в отношении которых в отличие от дескриптивных предложений невозможно поставить вопрос об истинности/ложности.

Г. Харт отмечает [1], что многие из традиционных этических проблем могут быть актуализированы в рамках юридического языка через концептуализацию понятия «действия». Харт использует понятие «действие» в качестве морального термина; он пытается прояснить значение действия через референцию к этическим основаниям ответственности и права. А поскольку примеры из юридической практики лучшим образом могут подтвердить обоснованность некоторых выводов, поэтому Харт указывает существование особого вида языковых выражений, основная функция которых состоит не в описании конкретных ситуаций, а в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение [2].

В статье предлагается рассмотреть ряд проблем, на которые указывает Харт, – что такое действие, как понятие «действие» эксплицировано в языке. Харт считает, что анализ «действия» возможен только при правильной интерпретации употребления глагола «делать», так как использование этого глагола в настоящем и будущем времени дескриптивно, однако в прошедшем времени, как в высказывании «Это сделал он», он используется главным образом аскриптивно. Харт утверждает, что и старый и современный анализ понятия «человеческое действие» неправилен, потому что, как и в случае с договором, пытается определить понятие через формулирование необходимых и достаточных условий его применения. Сказать, «Х выполнил действие Y» с точки зрения и старого, и современного анализа, значит сказать нечто, что может быть выражено категорическими суждениями, описывающими, соответственно, движение тела X и его психическое отношение к содеянному. Харт считает логику этого анализа ложной, потому что предполагается, что понятие «человеческое действие» может быть определено только через дескриптивные высказывания, касающиеся отдельного индивида. Поэтому дескриптивные высказывания не пригодны для анализа предложений типа «Это сделал он». Анализ понятия человеческого действия, идентифицирующий значение недескриптивного произнесения, приписывающего ответственность, с фактическими обстоятельствами, которые подтверждают приписывание или являются его достаточными причинами, признавался ошибочным. Потому что факты относятся к правовым выводам так, как суждения о фактах могут относиться к дескриптивным высказываниям, которые они подтверждают. Вневременный правовой вывод не влечет подтверждающее его высказывание о временном факте. Поэтому нельзя провести различие между суждением «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без ссылки на недескриптивное употребление выражений, посредством которых

приписывается ответственность. Описание человеческого действия не одно и то же, что описание его телодвижения или ментального фактора, побудившего к этому.

Полное описание поведения X – и физическое и психологическое – плюс указание на определенные правила, на основании которых мы желаем рассмотреть его поведение, позволяет нам решить, в каком случае поведение X – действие определенного вида, и можем ли мы *приписать* ему права и ответственность. Поэтому тип *поведения* становится *действием* только при определенных правилах [3]. Другими словами, хотя, разумеется, не все правила, согласно которым в обществе мы приписываем ответственность, отражаются в нашем законодательстве, но и наоборот – понятие действия является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения. Поэтому Харт приходит к выводу, что по характеру понятие действия существенно не дескриптивно, а аскриптивно; оно представляет собой отменяемое понятие, определяемое посредством исключений, а не посредством множества необходимых и достаточных условий, физических или же психологических.

Неправильное приписывание же прав и обязанностей может произойти, если мы рассматриваем поведение с применением несоответствующего набора правил. Но как тогда определить, что действие X имеет соответствующий набор правил? Харт считает, что судья *приписывает/придает* действиям юридическое значение через установление соотношения факта и нормы права. Судья в теории Харта представляет собой некое конституирующее начало, задающее онтологические и гносеологические рамки юридического дискурса. Что способствует устойчивости семантической связи между фактом и правом и позволяет определить недескриптивность юридических понятий [4]. И только в этом смысле предложения, описывающие действия, согласно Харту, аскриптивны, но не дескриптивны.

То, чего действительно достигает критика Хартом общего определения человеческого действия, так то, что традиционное определение действия не пригодно для вынесения судебного решения; судье необходимо понимание действия сообразно специфических и определенных правил и исключений, т.е. как правила соотносятся с действиями. Дать определение понятию «Твое», по словам Харта, возможно лишь при учете его отменяемого (defeasible) характера: выражение «Это – твое» представляет собой смешение физического факта твоего владения с приписыванием права, если только ты это не украл, или не сделал чего-то такого, что смогло бы поставить под сомнение твое владение. Но Харт упускается важный момент, поскольку выражение «Это – твое» может быть расширено, например, до «Этот мышьяк (или сахар) твой», причем указание на «это» или «этот» совсем не предполагает признания/приписывания особых прав на мышьяк или сахар. Однако дескриптивное выражение «Он положил мышьяк (или сахар) в чай» имеет различные важные аскриптивные следствия: с одной стороны, в случае с мышь-

яком «Он» может быть субъектом состава преступления, а с другой стороны, в случае с сахаром – гостеприимным хозяином.

В юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, с одной стороны, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разясняющих право аскриптивными произнесениями, с другой стороны, в отношении которых в отличие от дескриптивных предложений невозможно поставить вопрос об истинности/ложности.

Литература

1. См.: Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on logic and language. – 1951. – Vol. 7. – P. 145-166.
2. См.: Афонасин Е. В., Дидикин А. Б. Философия права. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006.
3. См.: Yolton J.W. Ascriptions, Descriptions, and Action Sentences // Ethics. – 1957. – Vol. 67. – No. 4. – P. 307-310.
4. См.: Walsh V.C. Ascriptions and Appraisals // The Journal of Philosophy. – 1958. – Vol. 55. – No. 24 – P. – 1062-1072.

ogleznev82@mail.ru

ВОЗМОЖНО ЛИ ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ?

В. В. Петров

Новосибирский государственный университет

Сегодня традиционное образование как система получения знаний отстает от реальных потребностей современной науки и производства. Снижение конкурентоспособности традиционных институтов образования, а также недостаточная интеграция науки и производства свидетельствуют о необходимости создания принципиально новых учреждений высшего образования. Инновационное образование, развиваясь на базе традиционного, ориентировано не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем – по мере необходимости – приобретать знания самостоятельно. Такое образование связано с практикой более тесно, чем традиционное, и предполагает обучение в процессе создания новых знаний – за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства.

Вопрос инновационного образования на сегодняшний день невероятно актуален, о чем говорил в своем ежегодном Послании Президент Российской Федерации Д.А. Медведев: «<...> Будет сформирована комфортная среда для осуществления в России исследований и разработок мирового уровня. В своё

время французский ученый Луи Пастер очень точно заметил: «Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности». Прекрасные слова. В нашей стране всегда было много талантливых, открытых к прогрессу и способных создавать новое людей. Именно на них и держится инновационный мир и надо сделать всё, чтобы такие специалисты были заинтересованы работать в своей стране. <...>» [1]. Как видим, по словам Президента, на инновационное образование возлагаются определенные надежды, более того – развитие образования должно стать стратегической целью России.

Но может ли сегодня интенсивно развиваться инновационное образование? В проекте нового закона «Об образовании», парламентские слушания которого прошли в Государственной думе 13 октября 2010 года, образование определяется всего лишь как «услуга и общественное частное благо», то есть получается, что государство снимает с себя ответственность за образование. Закон, который занимает 460 страниц, подразумевает изменения более чем в 50 законах, в том числе в Бюджетном и Уголовном кодексах, законах о военных, о беженцах, об опеке и попечительстве, является всего лишь инструкцией об образовательной деятельности. При этом новый закон не дает ответа ни на один из ключевых вопросов – в частности, о соответствии нормам европейского законодательства в области образования. Параметры оценки качества образования, рассматриваемые в законе, несопоставимы с европейскими стандартами. В таких условиях наше образование оказывается неспособным к вхождению в мировое образовательное пространство, хотя именно для этого проводились реформы высшей школы (введение бакалавриата и магистратуры, прием в ВУЗы только по результатам Единого государственного экзамена) и болезненные изменения в средней школе (сокращение и перестройка общеобразовательной программы, введение тестов ЕГЭ и т.д.). Мы стремились во что бы то ни стало присоединиться к Болонской системе, чтобы наши дипломы признавались на Западе, но теперь речь идет о грядущем полном несоответствии европейским требованиям. Кроме этого, закон ухудшает в целом положение российской системы образования и закрепляет воспроизводство неконкурентоспособной рабочей силы, что неизбежно приведет к тому, что наши дипломы не будут признаны не только европейскими, но и отечественными работодателями.

Примечательно, что над проектом нового закона работала многочисленная группа чиновников из Минобразования, Минэкономики, Минфина, Минкультуры, Минздравсоцразвития, Минсельхоза, МВД, Минобороны, ФАС, ФСБ и даже представители РЖД. Высшая школа была представлена всего несколькими ректорами ВУЗов, а средняя школа – в лице единственного директора школы– члена Общественной палаты Ефима Рачевского, которые на общем фоне просто оказались незаметными и неуслышанными.

Об итоге работы этих людей ректор МГУ Виктор Садовничий заявил: «Закон полон хороших и красивых слов. Но если читать закон и спрашивать,

какие права и обязанности установлены, чьи это права и обязанности и что будет, если они нарушены, то окажется, что ответов не видно» [2].

По мнению заместителя председателя думского комитета по образованию Олега Смолина, в этом законопроекте нет ответов на главные вопросы образовательного процесса: чему будут учить, как будут учить, как будут финансироваться образовательные учреждения, будут ли налоговые льготы, каким образом и будут ли развиваться современные технологии [2].

Как видим, на сегодняшний день четкой концепции развития образования, закрепленной документально, не существует. Как результат, современная отечественная система образования переживает глубочайший кризис, который является следствием системного кризиса всего общества на фоне существенного ослабления государственной поддержки науки и образования. Этот кризис усугубляется кризисом мировой системы образования, переходящей к новой системе ценностей информационной цивилизации.

Распространение инноваций является защитным поясом, который надевает на себя образование, чтобы сохраниться каким-то образом от разрушительных тенденций, привносимых в него извне. Сейчас инновации представлены на самом маленьком уровне – это инновационные методики образования, которые имеют историческую подоплеку, начиная с 30-х годов прошлого столетия через таких инноваторов, как Макаренко, Шацкий и многие другие, которые действительно привнесли множество инновационных методик. Но противоречия, назревшие в сегодняшней системе образования, развиваются, сущность их углубляется, а между ними нет координационных взаимодействий и только глубокий философский анализ может позволить свести эти противоречия воедино, исследовать их и создать некоторую систему развития. Именно поэтому сейчас отсутствует стратегия в области образования и доминируют тактические вариации, которые в каждом регионе развиваются по своему [3].

Проблемная ситуация с одной стороны идет от практики, с другой – от теории. Практика такова, что современная социальность, современная экономика, все современные процессы нашего общества адекватно будут развиваться и выходить на мировой уровень только при мощной интеграции с наукой, которая возможна только на базе инновационного образования. Для того, чтобы процесс формирования инновационного образования произошел, необходимо сформировать концепцию инновационного образования, которая сможет четко показать смысл, сущность и формы его реализации. Только при наличии четко сформулированной концепции инновационного образования, окажется возможным прогрессивное развитие образования, экономики и науки.

Литература

1. Текст Послания Президента Российской Федерации (извлечение) // [Электронный ресурс]. <http://mon.gov.ru/press/news/6371/>

2. Без целей и задач. СМИ. Завуч-инфо // [Электронный ресурс]. <http://www.zavuch.info/component/content/article/40-prensa/1600-7656786.html>

3. Петров В.В. Роль инновационного образования в трансформирующейся России // Российское образование в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Бийск, 2010. С. 211 – 214.

vp@fija.nsu.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИННОВАЦИОННОГО ЦЕНТРА «СКОЛКОВО»: НОВЕЛЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НОВОГО ЗАКОНА

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

С. В. Кружкова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Объявленный российским Президентом Д.А. Медведевым в 2009 году курс на технологическую модернизацию экономики послужил дополнительным стимулом для разработки новых моделей инновационного развития страны [1]. В качестве одной из форм взаимосвязи между социальными институтами, научными учреждениями, государством и бизнесом был предложен комплексный проект – Центр разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково» (инновационный центр «Сколково»).

Попытки поставить российское государство «на инновационные рельсы» ранее предпринимались неоднократно – об этом свидетельствуют и тексты федеральных целевых программ (см., например, ФЦП «Национальная технологическая база» на 2002-2006гг., ФЦП «Развитие инфраструктуры нанотехнологий в Российской Федерации» на 2008-2010гг. и т.д.), и пять законопроектов об инновационной деятельности, последовательно внесенных на рассмотрение Государственной Думы РФ в период с 1997 по 2010 годы [2].

Вместе с тем, легального определения «инноваций», «инновационной деятельности», «инновационных организаций» до сих пор не существует. Единственный находящийся на рассмотрении Государственной Думы РФ законопроект №344994-5 определяет инновационную деятельность как деятельность, направленную на трансформацию результатов интеллектуальной деятельности в виде изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, баз данных, ноу-хау, программ для ЭВМ, результатов НИР и НИОКР в товары (работы, услуги), и их последующую реализацию непосредственно или в составе наукоемкой продукции (товаров, работ, услуг).

Некорректно сформулированный предмет правового регулирования, как представляется, создаст серьезные трудности при применении и толковании не только закона «Об инновационной деятельности в Российской Федера-

ции» (в случае его принятия), но и иных законов смежной тематики, в т.ч. закона «Об инновационном центре «Сколково»».

Несмотря на серьезные замечания экспертов – юристов, экономистов, политологов – законопроект №383610-5 (внесен Президентом РФ 31 мая 2010г.) беспрепятственно прошел все три чтения в Государственной Думе РФ и подписан Президентом РФ 28 сентября 2010 г. Незначительные изменения, внесенные в законопроект на основании заключений профильных комитетов-соисполнителей, практически не изменили его концепции [3].

Закон определил инновационный центр «Сколково» как совокупность инфраструктуры территории инновационного центра «Сколково» и механизмов взаимодействия лиц, участвующих в реализации проекта (предполагается, что это будут частные компании из сферы инновационного бизнеса).

Одной из значимых новелл закона выступает создание управляющей компании (УК), которой перейдут в собственность земельные участки и инфраструктура на территории центра. При этом полномочия УК – российского юридического лица – будут носить не только гражданско-правовой, но и в некотором смысле административный характер. Как следует из ст.ст. 5, 19 Закона, компетенция федеральных органов власти, органов власти Московской области и органов местного самоуправления городского поселения будет существенно сужена, что повлияет не только на функционирование системы управления, но и на жизнь граждан, проживающих на территории Сколково. Так, последние фактически будут лишены возможности реализовать предусмотренное Конституцией РФ право на самостоятельное решение вопросов местного значения.

Органы публичной власти смогут оказывать влияние на деятельность хозяйствующих субъектов только в пределах, установленных субъектом частного права – управляющей компанией, а в отдельных случаях, как предусмотрено законом, силами исключительно *специальных подразделений* федеральных органов власти (например, по вопросам миграции и пребывания на территории Сколково иностранных специалистов). По замыслу разработчиков закона, устранение управления «сверху» должно снизить административные барьеры в инновационном секторе экономики, однако предложенная схема передачи полномочий представляется странной или, как минимум, недостаточно разработанной. Подобные средства и приемы правового регулирования еще не известны российскому законодательству, что в перспективе, очевидно, создаст трудности в разрешении конфликтов между органами власти и УК.

Вызывают сомнения цели и задачи осуществления деятельности инновационного центра «Сколково». Даже ключевое понятие «проект» является неопределенным – конечной целью осуществляемых на территории центра мероприятий провозглашена не разработка и внедрение новых технологий, а «создание и обеспечение функционирования Центра». Буквальное толкование п.1 ст. 2 Закона позволяет сделать вывод, что инновационный центр

«Сколково» будет существовать единственно для поддержания своего существования.

Концептуальные и технико-юридические недоработки федерального закона делают практически бессмысленным установление требований к резидентам и участникам проекта «Сколково» (по непонятным причинам ими могут являться только хозяйственные общества) по получению конкретного результата. Широкое понимание авторами «исследовательской деятельности» позволяет отнести к ней не только сами исследования, но и *иные действия, необходимые для осуществления исследований, разработок и коммерциализации их результатов*. Не является ли это лазейкой для получения дополнительных льгот и преимуществ организациями, имеющими к науке лишь отдаленное отношение?

Предоставление управляющей компании и ее дочерним организациям неоправданно больших полномочий в ряде случаев не соотносится с положениями гражданского законодательства, а на практике может серьезно повлиять на осуществление другими лицами своих гражданских прав и обязанностей. Так, законопроект относит земельные участки и инфраструктуру (в т.ч. жилые помещения) к собственности УК. Каковы основания перехода к ней права собственности? Почему УК как собственник лишена возможности в полной мере распоряжаться своим имуществом (в т.ч. отчуждать и закладывать его)? Каковы правовые последствия создания недвижимого имущества иными лицами, кроме УК? На эти вопросы принятый федеральный закон не дает ответа.

Остаются нерешенными и иные вопросы, связанные с порядком подготовки УК градостроительного плана, выдачей разрешения на строительство, проведением экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, обеспечением населения и участников проекта электро-, тепло-, газо- и водоснабжением, оказанием УК услуг связи, медицинского и бытового обслуживания и т.д.

Предложенная авторами закона модель правового регулирования представляется несовершенной и недоработанной. В отличие, например, от математических моделей, в которых можно пренебречь некоторыми несущественными свойствами, механизм правового регулирования не допускает пробелов и коллизий. В противном случае эффективность правового регулирования будет сведена к нулю.

Очевидно, что с учетом современных экономических реалий и норм российского законодательства деятельность будущего инновационного центра «Сколково» должна определяться не существованием управляющей компании, на которую возложены функции по регулированию разнообразных общественных отношений, а особым правовым режимом *проверок и контроля над деятельностью хозяйствующих субъектов*. Только в этом случае функционирование инновационного центра «Сколково» способно обеспечить необходимое взаимодействие между авторами научных исследований, россий-

скими и зарубежными инвесторами, государством, и в итоге обеспечить производство и внедрение инновационной продукции.

Примечания

1. «Особые условия работы в Сколково – это не только создание потенциальной базы, структуры инноваций, но и особой атмосферы свободного творчества, научного поиска. И, конечно, речь идёт об отсутствии административных барьеров деятельности компаний, о том, чтобы максимально оперативно привлекать учёных и специалистов, которые работают в сфере передовых технологий. Конечно, речь идёт об эффективном использовании, о коммерциализации этих проектов. Именно поэтому и была предложена идея особого правового режима» (Д.А. Медведев) // Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России (Обнинск, 29 апреля 2010 г.) [www.i-russia.ru/sessions/reports/106.html].

2. Проекты федеральных законов №№97090719-2, 99029071-2, 271376-5, 327066-5, 344994-5 размещены на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [www.duma.gov.ru/faces/lawsearch/search.jsp].

3. Федеральный закон №244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»» от 21.09.2010 и федеральный закон №243-ФЗ от 21.09.2010 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об инновационном центре «Сколково»» // Российская газета. 2010. 30 сентября.

Раздел I

Социальные исследования

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: ЭТНОСЫ-РЕЗИДЕНТЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ДИАСПОРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ*

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН

Проблема этнического развития народов России весьма актуальна в силу полиэтничной специфики РФ. Существовавшая в XX веке гражданская общность советский народ уходит в прошлое. В настоящее время активно идет процесс становления нового общественного субъекта — гражданского общества россиян. В науке и в средствах массовой информации активно обсуждаются его социокультурные основания и возможные векторы развития.

Между тем, на наших глазах стремительно меняется этническая структура населения России за счет миграции из стран Средней Азии и Закавказья, а также внутренней миграции из северо-кавказских регионов в крупные российские города и мегаполисы. Можно двояко оценивать эти изменения: с одной стороны, миграции расширяют социальное и культурное многообразие, позволяют решить проблему дефицита трудовых ресурсов там, где она остро стоит; с другой стороны, миграции обостряют межэтнические отношения, приводят в движение этносоциальные процессы столь стремительно, что принимающее сообщество не успевает к ним гибко адаптироваться. Россияне воспринимают миграцию как внешний по отношению к большинству процесс и, по преимуществу, негативно.

Кто такие «этнические мигранты»? К этой категории в настоящее время принято относить имеющих неславянские корни иностранцев и граждан РФ, выходцев из кавказских и средне-азиатских республик, прибывающих в центральные регионы России, Сибирь и на Дальний Восток по экономическим причинам, и членов их семей. В стране исхода это наиболее энергичная и экономически предприимчивая категория населения. В стране размещения мигранты также являются частью экономически наиболее активных слоев населения.

Рассмотрение межэтнического взаимодействия как системы предполагает выделение ее базовых элементов: 1) субъектов взаимодействия (каковыми

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 09-03-00491а «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество».

являются этносы-резиденты и этнические диаспоры со своими потребностями), 2) объектов взаимодействия (предметы и явления природного и социального мира, на которые направлена активность субъектов); 3) результатов взаимодействия, в числе которых — межэтнические отношения. В центре внимания данной статьи будут находиться этнические субъекты взаимодействия в новосибирском мегаполисе — резиденты (русские по преимуществу) и этнические мигранты — выходцы из среднеазиатских и кавказских республик, а также один из результатов — характер межэтнических отношений между мигрантами и резидентами.

Этнические группы, которые имеют статус резидентов на территории страны размещения (т.е. в России), представляют собой устойчивые группы, сохраняющие свои границы, принципы идентификации принадлежащих к ним индивидов и передающих эти принципы из поколения в поколение. Их формирование невозможно без взаимного доверия и взаимной ответственности всех членов этнической «сети». Используя терминологию сетевого подхода, можно заключить, что общность культуры — это консенсус по поводу основных норм и ценностей внутри данной сети. Подчинение нормам опирается на внутренние и внешние инстанции контроля.

Несколько иной вариант социальной сети представляет собой этническая диаспора. С одной стороны, диаспоры связаны со страной выхода как с реальной и символической родиной. Тем самым приверженность к родине является, до некоторой степени, вызовом существующим в принимающем обществе государственным и гражданским институтам. С другой стороны, этническая диаспора является неотъемлемой частью гражданского коллектива на своей новой родине, и как часть этого коллектива имеет и определенные права, и определенные обязанности перед гражданским сообществом на новой родине. Такой двойственный статус этнической диаспоры позволяет зафиксировать ее периферийное положение по отношению к этносам резидентам даже в том случае, если члены диаспоры занимают высокие статусные позиции в структуре принимающего общества. Как бы ни был высок статус членов этнической диаспоры, сама диаспора в течение длительного времени может восприниматься как маргинальная группа.

Согласно методологическим положениям, выдвинутым теоретиками чикагской школы Р Парком и Э. Берджессом и концептуализированным Э. Богардусом, Центр конституирует периферию как своего «Другого». При этом край, граница как «Другое» становится условием возможности социальной целостности. «Другой» символически вытесняется из центра. В то же самое время он является составляющей доминантной культуры. Иными словами, без периферии, без «Другого» не может быть целостного социального пространства. «Другой» является необходимым условием существования данного социального организма [1].

Согласно теории семиозиса культуры Ю.М. Лотмана, каждая культура стремится обрести некоторую степень автономности, достигаемую через самоописание. Располагая «Другого» на границе круга, очерченного данной

культурой в процессе самоописания, этническое самосознание доминантной группы обозначает собственные границы. Образ «Другого» представляет собой часть культурного багажа доминантной культуры, что предполагает некоторую степень неадекватности в восприятии «другой» культуры [2].

О границах в этнокультурном значении писали в науке П. И. Кушнер, М. М. Бахтин, Ф. Барт, В.А. Тишков, Л.М. Дробижева. Общим постулатом как теоретических, так и эмпирических исследований этнических границ является положение, что выраженная этническая граница связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничение на межэтническое взаимодействие, тогда как «сглаженная» граница, предполагающая наличие контактных зон межэтнического «согласия» [3].

Следует согласиться с авторами коллективной монографии «Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России» в том, что этническая граница является актом сознания, а важнейший способ её изучения заключается в исследовании этнической идентичности. Действительно, только если люди (личности) разделяют представления, которые становятся общими, и действуют на их основе, они становятся группой, а этничность может приобретать организационные и институциональные формы. Этнические маркеры могут быть единичными или представлять некий набор, или, может быть, даже систему. И значение, и набор таких маркеров может меняться. Оппозиция «Мы-Они» является центральным компонентом различных концепций межгрупповых и межэтнических отношений. На эмпирическом уровне в качестве структурирующего принципа она используется в многочисленных исследованиях стереотипов, установок и ценностей как элементов этнического самосознания или идентичности [4].

В конкретно-социологическом исследовании «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество», осуществленном летом 2009 году в Новосибирске, были выбраны этнические мигранты из республик Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Мигранты распределились по предыдущему месту жительства следующим образом: Киргизия — 39,8%, Узбекистан — 25,8%, Таджикистан — 15,6%, Азербайджан — 9,7%, Казахстан — 3,8%. Все опрошенные находятся в трудоспособном возрасте. 95,7% респондентов в Новосибирске работают или учатся. Безработных, пенсионеров и домохозяек — менее 5%. В выборке преобладают мужчины (70,5%). Опрос проводился методом случайной выборки среди выходцев из стран ближнего зарубежья. Общий объем выборочной совокупности составил 190 человек.

Респондентам было предложено определить самостоятельно свою национальную принадлежность. Большинство из них — 44,8% — назвали свою этническую принадлежность (узбек, киргиз, таджик и т.п.). Примечательно, что численность русских респондентов оказалась искусственно преувеличенной: 17,8% опрошенных назвали себя русскими, хотя численность русских в выборке была незначительна. Таким образом, некоторые из участников опроса искусственно приписали себя к русским. 16% опрошенных отнесли себя

сразу к двум народам. 19,6% затруднились с выбором своей национальной принадлежности. Таким образом, можно зафиксировать значимость этнической составляющей идентификации. Для большинства мигрантов, также как и для большинства россиян, их национальность — это, прежде всего, их этническая принадлежность.

В структурировании этнической границы важное значение имеют этно-интегрирующие и этно-дифференцирующие признаки. В нашем исследовании они выявлялись в ответах на вопросы анкеты о том, что объединяет респондента с людьми одной с ним национальности, и о специфических особенностях, отличающих их от представителей других народов.

В числе признаков, связывающих представителей диаспор со своими этническими общностями на основе группового членства, были выделены следующие (в порядке убывания по степени значимости): родной язык (64,8%), обычаи и традиции (43,6%), любовь к родине (42,4%), общая история (35,2%), общая религия (33,9%). «*Быть кем-то по национальности*» (киргизом, узбеком, таджиком и т.д.) означает знать язык, знать и придерживаться обычаев и традиций своего народа (в том числе — религиозных), любить свою родину и помнить ее историю.

Этно-интегрирующие признаки не столько фиксируют особенности «своей» культуры, сколько выступают свидетельством осознания группового единства. Неслучайным оказывается, что, за небольшим исключением, набор маркирующих признаков (язык, обычаи и традиции, история и религия) повторяется в ответах на вопрос о специфических особенностях, отличающих один народ от другого. В числе значимых этно-дифференцирующих признаков респондентами — представителями этнических диаспор — были названы язык и речь (65,4%), обычаи и традиции (43,6%), религия и отношение к семье (по 37,7%), история (26,5%). Значимость языка, а также обычаев и традиций в фиксации групповой идентичности были подтверждены не только качественно, первыми местами в рейтинге критериев идентичности, но и количественно: доля выбравших эти маркеры в качестве этно-интегрирующих совпала с долей отметивших их в качестве этно-дифференцирующих. «*Назваться кем-то по национальности*» (киргизом, узбеком, таджиком и т.д.) означает знать язык, знать и придерживаться обычаев и традиций своего народа (в том числе — религиозных), по иному относиться к своей семье, не жели представители доминирующего большинства, знать историю своей страны и России.

В тоже время возрастает значимость внешнего вида (19,1%) и специфических особенностей одежды, жилища, кухни (17,3%) и поведенческих стереотипов (13%) в качестве этнических разделителей. Доля выбравших эти признаки в качестве этно-объединяющих существенно ниже: внешность — 7,3% против 19,1%, специфические особенности одежды, жилища, кухни — 12,7% против 17,3%.

Таким образом, получила подтверждение исследовательская гипотеза, которая была сформулирована благодаря методу включенного наблюдения на

предварительном этапе исследования. Согласно ей, отличающиеся определенными фенотипическими особенностями выходцы из пост-советских стран, слабо владеющие русским языком или говорящие на нем с акцентом, выделяются русскими. Их «права гражданства» в региональном сообществе и шире, в России, ставятся под сомнение. Россия, возможно, последней из стран бывшего Советского Союза вступила на путь нациестроительства и поиска абстрактных оснований для определения границ гражданского сообщества россиян. Однако массовый отток русских из регионов Средней Азии и Кавказа обернулся в ряде случаев ответным этно-национализмом русских. Экономическое неблагополучие обострило бытовой национализм, так как представители диаспор из пост-советских стран, как правило, конкурентоспособные и эффективные субъекты экономической деятельности.

Современная Россия позиционирует себя в отношениях с соседними государствами Ближнего зарубежья как «промышленный Севера», «динамичный Запад», страну с христианскими традициями, что символически предполагает «отсталый Юг», к «архаичный Восток», исламский мир. Это порождает определенные проблемы в самом российском обществе, в частности, когда возникает вопрос об идентификации этнических мигрантов, значительная часть которых ориентирована на принятие гражданства и интеграцию в российский социум, с общероссийской культурой.

Примечания

1. См.: *Баньковская С.П.* Парк Роберт Эзра // Современная западная социология. Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 256-257; *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная антропология. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. — С. 212.

2. См.: *Лотман Ю. М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. — М., 1977. — С. 14-15; *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. — Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 103; *Он же.* К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. — Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 119-120.

3. См.: *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге. — М., 2005. — С. 12.

4. См.: *Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН.* — М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. — С. 4-11.

leroh@mail.ru

ЦЕННОСТЬ СУПРУЖЕСТВА В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

А. В. Винокурова

Находкинский инженерно-экономический институт Дальневосточного
государственного технического университета им. В. В. Куйбышева

Разработка семейной проблематики является одной из самых актуальных в современной социологии. В настоящее время в социологической науке представлены разнообразные теории, дающие возможность осмысления и изучения семьи как социального явления. Одними из наиболее влиятельных концепций в этом отношении являются институциональный и микрогрупповой подходы.

В перспективе институционального подхода социальное пространство воспринимается как объективная реальность, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых частей. При этом вопросы, связанные с возникновением и развитием устойчивых социальных отношений – институтов, которые задают социетальную природу общества, являются ключевыми для институционализма. В классической социологии эта точка зрения представлена в трудах Г.Спенсера, Э.Дюркгейма, а в современной социологической науке – в работах М.Хоркхаймера, Э.Оукли, К.Делфи и др.

Следовательно, если применять институциональный подход к исследованию семьи, то необходимо отметить, что семья как социальный институт характеризуется совокупностью норм, санкций, образцов поведения, регламентирующих взаимодействие между супругами, родителями и детьми, другими родственниками.

Что касается микрогруппового подхода, то он основывается на идеях М.Вебера, в дальнейшем он получил развитие в работах Ч.Кули, Дж.Г.Мида, Э.Гоффмана и др. Главная характерная черта данной концепции состоит в том, что она анализирует способы, которыми взаимосвязаны небольшие объединения отдельных людей. В центре внимания оказываются межличностные отношения между индивидами, то, как к ним относятся другие, как они воспринимают и оценивают поведение друг друга.

Таким образом, учитывая вышеуказанное положение, с точки зрения микрогруппового подхода семья рассматривается как малая социальная группа. При этом акцент делается на исследовании взаимоотношений, межличностных взаимодействий членов семьи в различных ситуациях.

Выбор какого-либо одного из описанных подходов к изучению семьи не позволяет раскрыть всех ее аспектов и особенностей, поэтому представляется оптимальным сочетать институциональный и микрогрупповой социологические подходы. Соединение данных подходов в изучении семьи предполагает наличие адекватных концептуальных средств, способных зафиксировать реализацию специфических функций семьи на макроуровне в зависимости от

микровоздействий ее членов, связанных с удовлетворением индивидуальных потребностей и интересов.

Одним из вариантов интеграции институционального и микрогруппового подхода в контексте исследования семьи является работа в направлении анализа семьи как системы (Т.Парсонс, К.Дэвис, А.Г.Харчев и др.). Это предполагает изучение системных свойств семьи: целостности, структуры, уровней организации и т.п. В соответствии с данной концепцией, семья является подсистемой общества, обеспечивающей стабильность социума в целом на основе установления «инструментальных» отношений с другими социальными подсистемами и структурами, а также «экспрессивных» отношений внутри самой семьи, благодаря сохранению равновесия в межличностной динамике [1, с.172]. Следовательно, интеграция семьи зависит одновременно и от внешних, (социально-экономических, социально-политических, социально-культурных) влияний, и от внутренних взаимодействий между ее членами.

Исходя из этого, в соответствии с интегративным подходом к изучению семьи, под семьей следует понимать исторически конкретную систему взаимоотношений между людьми, связанных узами родства, родительства, супружества, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [2, с.75].

В современном социуме эта система характеризуется особой динамичностью и регулируется не только обществом, но и поддерживается имманентными семье ценностными ориентациями. Исходя из того, что семья представляет собой единство отношений «родство – родительство – супружество», в структуре ее ценностных ориентаций можно выделить три основных компонента: направленность на родство, родственные узы; ориентацию на родительство, т.е. принятие социальных ролей матери и отца, рождение определенного числа детей; ориентацию на супружество, включающую ориентацию как на сам брачный статус, так и ориентацию на брачного партнера.

Для выявления ценностных ориентаций современной семьи автором в 2008 году было проведено конкретное социологическое исследование. Объектом выступили полные семьи Приморского края, в качестве предмета исследования рассматривались мнения и суждения супругов, свидетельствующие о трансформации их ценностных ориентаций. Респондентами являлись супруги, состоящие в зарегистрированном браке. Исследование носило теоретико-прикладной характер, выборочная совокупность – квотная. В качестве квотируемых признаков были выбраны семейное положение, количество лет прожитых в браке, уровень образования супругов. Выборка пространственно локализована в пределах городов Приморского края (Владивосток, Находка, Арсеньев, Партизанск), объем выборки составил 500 семей (1000 человек).

При проведении исследования мы попытались выявить степень выраженности ценностных ориентаций супружества, родительства, родства в системе ценностных ориентаций семьи. В качестве основной гипотезы нами было

выдвинуто следующее предположение: в системе ценностных ориентаций семей Приморского края доминирующей является ценность супружества.

Для проверки этой гипотезы в анкете респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос: «Выберете одно наиболее подходящее суждение, характеризующее Ваше отношение к семье». Результаты исследования показали, что при ответе на этот вопрос большинство респондентов (45,7%) выбрали вариант «главное – поддержание своеобразия каждого члена семьи, воспитание самостоятельной творческой личности, самореализация каждого члена семьи». Менее популярным оказалось суждение «главное – это воспитание ответственной, нравственной личности. Дети – это то, ради чего необходимо жить», его выбрали 32,6% опрошенных. Что касается варианта «главное – это сохранение целостности семьи, успешная передача ресурсов последующим поколениям», то при ответе на данный вопрос его указали 21,7% от общего числа опрошенных. Следовательно, для основной части приморских семей наиболее характерными являются принципы функционирования, связанные с доминированием таких семейных отношений как индивидуализм, независимость, права личности, личные достижения, свобода выбора и т.п. Все это в наибольшей степени соответствует ценностным ориентациям супружества. Таким образом, в структуре ценностных ориентаций семей Приморского края ценности супружества являются наиболее значимыми.

Ориентация на супружество включает ориентацию как на сам брачный статус, так и ориентацию на брачного партнера. Это подтверждается результатами ответов на вопрос: «Какой способ организации семейной жизни является для Вас наиболее приемлемым?». Как было выяснено, для большинства опрошенных супружество не теряет своей высокой ценности. Подавляющая часть респондентов (90,3%) отметили, что для них официально зарегистрированный брак является наиболее предпочтительной формой организации семейных отношений. И только 4,3% опрошенных в качестве такового указали «гражданский брак». Еще для 5,4% респондентов не важно, зарегистрированы супружеские отношения или нет.

Мы разделяем мнение С.И.Голода, в соответствии с которым одним из важнейших показателей ценности супружества является мотивация вступления в брак [3, с.196]. В ходе исследования нами были определены основные мотивы вступления в брак. При ответе на вопрос: «Что послужило для Вас основным мотивом создания семьи?» 81,5% респондентов указали любовь, влечение; 47,8% – общность взглядов и интересов, притягательные черты характера; 39,1% – доверие, уважение, взаимопомощь; 20,6% – вероятность скорого рождения ребенка; 9,7% – стремление к независимости от родителей; 7,6% – избавление от одиночества; 4,3% – достижение материальной и жилищной обеспеченности; 4,3% – случайность.

Кроме того, высокая значимость ценностных ориентаций супружества подтверждается результатами ответов на вопрос относительно основных условий счастливой семейной жизни. В качестве таковых большинство респон-

дентов указали уважение и взаимную поддержку супругов (88,1%), взаимное доверие (72,8%). Чуть менее важными, по мнению опрошенных, для нормальной семейной жизни являются супружеская верность (61,9%), удовлетворенность сексуальными отношениями (55,4%). Еще менее значимыми для респондентов оказались такие факторы, как: наличие детей, материальная обеспеченность, готовность открыто обсуждать семейные проблемы, наличие отдельной квартиры, налаженный быт. Их указали 51,1%, 47,8%, 40,2%, 33,6% опрошенных соответственно. Наименьшую значимость для успешной семейной жизни имеют терпимость во взаимоотношениях с родственниками (16,3%), внешняя привлекательность супруга/супруги (2,1%), профессиональная занятость супруга/супруги (1,1%).

В целом, наиболее важными являются ценностные ориентации, включающие позитивные эмоциональные взаимоотношения между мужем и женой. Следовательно, подтверждается, что ценность супружества наиболее значима в структуре семейных ценностных ориентаций.

Высокая значимость супружества в структуре ценностных ориентаций семьи характерно не только для Приморья, но и для России в целом, что показывают результаты исследований, проведенных Е.И. Башкировой (2003), Ю.П. Лежниной (2009) и др. [см.: 4, 5]. Как показывают полученные ими данные, ценностные ориентации на брачного партнера, супружеский образ жизни являются более значимыми, чем ценностные ориентации на семью с несколькими детьми, родство и пр.

Мы полагаем, что преобладание в структуре ценностных ориентаций современной семьи ценности супружеских отношений объективно соответствует реалиям современного общества с его социальной мобильностью, высоким уровнем развития научных и промышленных технологий, информатизации, а, значит, и большим значением образования и профессионализма. В условиях осуществления социальных реформ этот тип ценностных ориентаций укрепляет свои позиции, а супружеская семья получает статус полноценной и конвенциональной структуры.

Субъект-объектные позиции семьи не остаются неизменными, они отвечают определенному историческому контексту, который в современном российском социуме характеризуется особой динамичностью. Наиболее адекватно «вписывается» в реальность трансформирующегося общества ориентация семьи на ценности супружества, поддерживающая индивидуальность человека и дающая возможность самоопределения всех членов семьи.

Литература

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. 880 с.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М. : Политиздат, 1979. 224 с.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : Питер, 2004. 272 с.

4. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 51-59.

5. Лежнина Ю.П. Семья в ценностных ориентациях // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69-77.

vinokurova77@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ Г. ТОЛЬЯТТИ

Е. Ф. Акулова

Российский государственный социальный университет (Тольятти)

В нашей стране происходит обновление системы дошкольного образования, этот вопрос требует серьезного изучения. Инновационным процессом является развитие дополнительного образования в России. Дополнительное образование детей является составной (вариативной) частью общего образования, позволяющего ребенку приобрести устойчивую потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределившись профессионально и личностно. Многими исследователями (Асмолов А. Г., Бруднов А. К., Калиш И. В., Панов В. И. и др.) дополнительное образование детей понимается как целенаправленный процесс воспитания и обучения посредством реализации дополнительных образовательных программ. Сам термин «дополнительное образование детей» появился в начале 90-х годов в связи с принятием Закона РФ «Об образовании». Дополнительное образование детей – это особая сфера образования, которая реализуется посредством дополнительных образовательных программ и услуг, как в учреждениях дополнительного образования, так и в общеобразовательных учреждениях. Дополнительное образование является подсистемой общего образования, но одновременно оно может рассматриваться как самостоятельная образовательная система, так как обладает целостностью и единством составляющих элементов, связанных друг с другом. Дополнительное дошкольное образование должно создавать возможность для обеспечения физического, нравственного, интеллектуального и личностного развития ребенка. Дополнительное дошкольное образование направлено на развитие детей в возрасте от 2 до 7 лет и может реализовываться в учреждениях дополнительного дошкольного образования, а также в учреждениях дошкольного образования. Учреждениями дополнительного дошкольного образования являются, например, центры раннего развития ребенка. Дополнительное дошкольное образование является сейчас одной из главных задач молодежной семейной политики.

Дополнительное дошкольное образование в нашей стране стало развиваться после 20 ноября 1917 года, когда была принята Декларация по дошкольному воспитанию. Концепция дошкольного воспитания легла в основу со-

временной системы дошкольного дополнительного образования. Основу данной концепции составляет гуманизация дошкольного образования и дошкольного дополнительного образования, сохранение и укрепление здоровья детей, личностный подход к каждому ребенку и индивидуализация воспитания. Важно отметить, что чем больше занят ребенок в детстве, посещая ту или иную спортивную секцию, музыкальную школу или кружок, тем быстрее вырабатывается у маленького человека полезная привычка трудиться, формируется внутренняя организованность, такой ребенок легче входит в режим дня.

Исследователи и практические работники в области дошкольного образования: Е.Н.Герасимова, О. Князева, Е.С. Комарова, М.Д. Маханева, Т.И. Оверчук, О.А. Сергеева, Н.А. Смирнова, Н.В. Федина [1] отмечают, что, являясь первым звеном в системе непрерывного образования России, дошкольное образование за последние 10-15 лет претерпело наиболее значительные изменения. На 40% сократилась сеть дошкольных учреждений. Охват детей дошкольным образованием снизился с 72% до 52%. «Остаточный принцип» финансирования детских садов (то, что останется после обеспечения учреждений так называемого «обязательного» образования) привел к значительному износу зданий дошкольных образовательных учреждений, состояние которых, по мнению специалистов системы здравоохранения, не позволяло в полном объеме решать их основную задачу охраны жизни и укрепления здоровья детей. Ситуацию в образовании в целом, а в дошкольном образовании особенно, можно охарактеризовать как кризисную. Любой кризис порождает острую необходимость в реформировании чего-либо.

Согласно Федеральному закону «Об образовании» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 22.08.2004 № 122 - ФЗ, решение стратегических проблем образования по-прежнему входит в компетенцию Российской Федерации. На основе исследования основополагающих федеральных документов, формирующих государственную политику в области образования, в частности образования дошкольного (разделы в Федеральных программах развития образования и развития воспитания в системе образования, Концепции модернизации российского образования до 2010 года, а также Программа развития новых форм российского дошкольного образования в современных социально-экономических условиях и Временные (примерные требования) к содержанию и методам воспитания и обучения, реализуемым в дошкольном образовательном учреждении) видно, что произошел массовый переход детских садов от различных ведомств в муниципальную собственность, решение вопросов выживания, функционирования и развития системы дошкольного образования зависит в настоящее время в основном от органов местного самоуправления. Анализ научных исследований и педагогической практики позволяет выявить противоречие между развернувшейся инициативой субъектов управления образовательной деятельностью и отсутствием эффективных социально - педагогических механизмов управления данным процессом.

Сегодня в г. Тольятти работает целая сеть традиционных детских садов и учреждений дополнительного образования, а также кружков, спортивных и музыкальных школ, секций. Система современного дополнительного образования детей функционирует в Тольятти уже более пяти лет. Деятельность этой системы направлена на повышение мотивации к познанию и творчеству, развитие склонностей и способностей каждого ребенка. О доступности дополнительного образования можно судить по охвату детей, которые занимаются в кружках, секциях и детских центрах: 27% - дети дошкольного возраста. Изменилась общая типизация учреждений для дошкольников, это - детский сад общеразвивающего типа; детский сад комбинированного типа; детский сад компенсирующего вида; детский сад – центр развития ребенка; детский сад - начальная школа; детский сад- начальная школа (прогимназия); центры лечебной педагогики; детский дом; учреждения дополнительного образования: детские музыкальные школы, детские художественные школы, студии, дворцы детского творчества, клубы, школы искусств, детские религиозные организации. Специалисты, разработавшие концепции и осуществляющие научное сопровождение модельных проектов и программ, видят перспективы развития детских учреждений в плане создания семейных центров, предоставляющих широкий спектр услуг и предложений детям и их семьям и являющихся важным звеном социальной программы.

Система дошкольного образования в г. Тольятти представлена детскими садами (146) и различными учреждениями дополнительного образования детей (96). Детские сады г.о. Тольятти подразделяются на муниципальные дошкольные образовательные учреждения (98) и учреждения АНО ДО «Планета детства «Лада» (48). В 2008 году детские сады посещало 28,7 тыс. детей города, однако степень охваченности детей дошкольного возраста местами в садах составляет всего порядка 74 %, что привело к появлению многочисленных очередей: на 1 августа 2009 года при полном отсутствии мест в садах в очередях находилось почти 12 000 детей. Проблема усугубляется тем, что в середине 1990-х многие сады были расформированы, а здания перепрофилированы под нужды различных учреждений либо коммерческих организаций. На сегодняшний день с целью разрешить подобную ситуацию в городе открываются новые дошкольные образовательные учреждения, например, детский сад №210 «Ладушки». Помимо дошкольных образовательных учреждений дети имеют возможность посещать учреждения дополнительного образования: детские центры раннего развития, спортивные школы, а также музыкальные, художественные, хореографические школы и учреждения искусств. Подобные учреждения востребованы и пользуются популярностью среди семей воспитанников. В детских центрах представлен широкий спектр платных услуг: проводятся развивающие занятия по современным российским и зарубежным методикам; организуются группы дневного и кратковременного пребывания, группы выходного дня; предлагаются услуги психолога, логопеда, дефектолога, няни и др.; проведение праздников и развлечений.

Однако есть еще неохваченные новые горизонты в образовательном пространстве дошкольников нашего города:

- расширение жизненного пространства детей в детском учреждении за счет разнообразно оборудованных территорий (например, проведение занятий на специализированных площадках) дает возможность повысить интерес к следующему виду деятельности; больше узнать о соответствующем инвентаре и инструментарии; проявить самостоятельность; приобрести многие умения и навыки, полезные в данном виде деятельности.

- открытие детского учреждения в мир социума способствует обогащению представлений детей об окружающем мире, о жизни микрорайона, о профессиях взрослых и т.д.

- овладение педагогами новыми формами и методами работы в кооперации с родителями и другими членами семей, друг с другом, с социальными центрами, различными социальными службами и общественными организациями повышает их квалификацию, расширяет кругозор, возникает чувство удовлетворения от работы.

- предоставление администрацией большей свободы действий воспитателям в творческом поиске способствует их самореализации и повышению ответственности за результаты деятельности.

- кооперация педагогов с социальными центрами помогает детям из неблагополучных семей и способствует овладению новой специализацией – практикой социальной работы.

- введение в образовательную деятельность ДОО должности социального педагога от социального центра конкретного микрорайона может стать началом реального межведомственного взаимодействия (по примеру организации работы медсестры в детском саду от поликлиники). Микрорайон в построении обновленного дошкольного образования также получает ряд преимуществ.

Литература

1. Н.В. Федина. Организационно-педагогические условия повышения эффективности муниципальной системы дошкольного образования : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 Елец, 2005 166 с. РГБ ОД, 61:06-13/532

tfmgsu@rambler.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

А. А. Волокитина

Московский гуманитарный университет

Проблема формирования и реализации жизненных стратегий молодежи вошла в круг проблем, пользующихся повышенным интересом как отече-

венных, так и зарубежных социологов. Ее актуальность обусловлена, прежде всего, теми противоречиями, с которыми сталкивается молодежь на этапе перехода из школы в структуры профессионального образования и далее в сферу профессионального труда. При этом социологи сходятся в одном: само наличие жизненной стратегии у молодежи является свидетельством ее социально-психологической зрелости, способности решать противоречия, возникающие в ходе жизненного пути. Иными словами, жизненные стратегии непосредственно связаны с механизмом самоопределения молодежи.

Жизненные стратегии молодежи имеют свою ярко выраженную групповую специфику и вытекают из специфики самой молодежи - ее возрастных особенностей, особенностей ее положения и сознания. Переходность, промежуточность, неустойчивость и маргинальность социальных статусов и жизненных позиций влияют на формирование и построение стратегий. Они, как правило, носят краткосрочный и переходный характер. А в условиях изменчивости конъюнктуры рынка труда и возможностей заработка они еще менее устойчивы и подвергаются постоянной переоценке. Более того, детерминация жизненных стратегий молодежи сильно варьируется, поскольку сама молодежь имеет дифферентный социальный статус и жизненный старт.

При анализе жизненных стратегий молодежи, необходимо рассматривать их в контексте самоопределения и проблем формирования ее социальной субъектности в профессиональной сфере.

С нашей точки зрения, **профессиональный выбор** можно определить как этап в жизни молодого человека, затрагивающий лишь «ближайшую жизненную перспективу»; социальное действие, которое может быть осуществлено как с учетом, так и без учета отдаленных последствий принятого решения. При этом процесс профессионального самоопределения длительный, о его завершенности можно говорить только тогда, когда у молодого человека сформируется положительное отношение к себе как к субъекту определенной профессиональной деятельности.

Исходя из общего понимания жизненных стратегий и особенностей молодежи как социально-демографической группы, такое комплексное понятие как *жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора* в наиболее общем виде можно охарактеризовать как систему представлений о целях жизненного пути и средствах его реализации в процессе профессионального самоопределения. Это способность молодых людей прогнозировать свою жизнь, способность к ее осмыслению и регулированию применительно к профессиональной сфере.

Что обуславливает проблему профессионального выбора молодежи в изменяющихся условиях? Во-первых, это противоречия между желаемым и возможным для конкретного молодого человека или группы молодежи. Выбирая ту или иную профессию для себя, молодежь при поступлении в учебное заведение взвешивает свои материальные возможности, востребованность данной профессии в перспективе, и желания, которые связаны с предпочтениями, хобби, умениями. Здесь в противоречие вступает духовное и

рациональное (инструментальное) начало, проявляющееся в жизненных стратегиях при выборе профессии.

Во-вторых, противоречие между ожидаемым и действительным. Определение результативности профессиональной социализации возможно путем выявления соотношения ее нормативной и реальной составляющих как степени воплощения существующих эталонов и стандартов профессионализации студентов. В современных российских условиях результативность профессиональной социализации и работа по специальности после окончания вуза остается низкой, в то время как реализация профессиональных компетенций оказывается успешной. Действительное зависит от материальной стороны жизни – деньги, общественные связи в профессиональной среде, наличие неформальных связей и т.д.

Обострение названных противоречий способно приводить к размыванию стратегий, различные формы отложенного выбора и ориентацию на «веерные» тактики как особенность жизненных стратегий и жизненных планов молодежи.

Поскольку противоречия обусловлены перекосом в системе профессиональных ценностей в связи с переходным состоянием экономики, то пока этот перекос будет существовать, профориентация должна в большей степени учитывать возможности достижения материального благополучия при выборе и освоении той или иной профессии и раскрывать эти возможности перед молодежью более полно.

Разрешение противоречия между сильной мотивацией овладения профессией и недостатком необходимых личностных качеств, можно осуществить по двум направлениям. Во-первых, молодому человеку можно посоветовать профессию, более соответствующую его личностным особенностям и обладающую определенными привлекательными характеристиками. Во-вторых, на основе многоуровневого подхода может быть ему предложена профессия, близкая по важным для него признакам к выбранной, но стоящая на более доступном уровне интеллектуализации профессиональной деятельности.

Наконец, разрешение противоречий, возникающих как следствие размывания жизненных стратегий, может осуществляться за счет раскрытия привлекательных сторон изучаемой профессии в зависимости от личностных особенностей молодого человека, в частности от его направленности, исходя из преобладания у него того или иного вида направленности (материальной, творческой, социальной, стремление к комфорту, к профессиональному росту и т.д.). Сложность, однако, заключается в том, что помощь в осознании того, какими возможностями избранная профессия располагает для удовлетворения их индивидуальных потребностей будет недостаточной, поскольку не структурированы сами потребности. Они-то и придают неопределенность жизненным стратегиям, а это, в свою очередь, сказывается на характере профессионального выбора.

Таким образом, в современной российской действительности процесс реализации жизненных стратегий молодежи в условиях выбора профессии

организован как социокультурный механизм разрешения противоречия между целерациональным и ценностно-рациональным действием. Для разрешения этой системы противоречий в обществе нелинейного развития актуализируется многоуровневая саморегуляция жизненных стратегий (их рационализация, на основе представлений молодежи о разумном).

volokitiinanastya@yandex.ru

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УКЛАДЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СЕЛЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

О. В. Нечипоренко

Институт философии и права СО РАН

Радикальные экономические реформы предусматривали конструктивные преобразования в аграрном секторе России и включали проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, развитие частного сектора аграрной экономики в целях повышения социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Однако население в условиях сокращения государственной поддержки социальной и экономической сферы села, оказалось вынуждено проявлять инициативу "снизу", формируя своеобразные адаптационные модели, возможно не соответствующие общей направленности рыночных преобразований, но соответствующие условиям социальной среды, и достаточно устойчивые, то есть сохраняющие, с небольшими изменениями, основные черты новой социально-экономической организации сельского мира России. Современные пути развития российского села связаны с несколькими ведущими хозяйственными укладами, возникшими в процессе адаптации сельского социума к процессу аграрной реформы, которая привела к резкому сокращению государственного сектора, объемы производимой им продукции сократились в 3-4 раза, и сейчас наиболее важную роль играют крупные сельхозпредприятия (реформированные в различные АО бывшие коллективные хозяйства), и хозяйства населения, учитывая значение которых в экономическом и социальном плане, исследователи уже давно не могут именовать "подсобными". Фермерские хозяйства, на которые была большая надежда, при отсутствии должной государственной поддержки не смогли развиваться нормально и лишь в незначительной мере смогли внести вклад в производство сельхозпродукции, развитие социально-экономической сферы села. Среди факторов, препятствующих развитию фермерства, в первую очередь следует указать общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру, связанную с продолжительным отсутствием социально-экономической стабильности и высокой степенью риска хозяйст-

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-03-00500а

венной деятельности, незавершенность формирования рыночной инфраструктуры.

Крупным производителям фермеры проигрывают в том, что им сложнее получить доступ к кредитам, наладить сбыт продукции, к тому же производительность труда в фермерских хозяйствах невысока, так как техническое оснащение недостаточно. Подсобным хозяйствам населения фермерские хозяйства проигрывают в том, что теряют постоянную связь с бывшим коллективным хозяйством, открывающим доступ к использованию его ресурсов, и вынуждены платить налоги, и проигрывают и по этому параметру неформальным хозяйствам населения.

По данным социологических исследований, проведенных в 1997-2010 гг. на территории Новосибирской, Кемеровской областей и в Республике Алтай во всех обследованных регионах зафиксировано преобладание домашней экономики ЛПХ, служащей основой адаптационных возможностей сельских локальных сообществ. Собственное хозяйство ведет подавляющее большинство населения (около 90% опрошенных во всех обследованных районах). При этом лишь меньшая часть производимой в этом секторе продукции поступает в товарную экономику. В сельских районах, удаленных от крупных городских центров, преобладание натурального сектора носит подавляющий характер. В связи с изменением роли сельских подворий серьезно меняется смысл и значение "личного подсобного хозяйства" (ЛПХ), развитие которого начинает определять положение дел в сельской местности. Именно состоянием этого сектора и определяется уровень зажиточности/нищеты в том или ином локальном сообществе, о чем свидетельствуют данные о значимости доходов от продажи продукции ЛПХ в бюджете жителей села (см. таблицу 2).

Таблица 1.

Экспертная оценка структуры денежных доходов в бюджете жителей села, %

Заработная плата			
	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.
До одной третьей	82	38	28
Две третьих	16	43	38
Более двух третьих	2	19	33
Средний показатель	22	43	50
Продажа продукции собственного хозяйства			
	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.
До одной третьей	11	16	45
Две третьих	45	48	42
Более двух третьих	43	36	14
Средний показатель	60	57	40

Применительно к феномену роста значимости подсобного хозяйства иногда говорят о возрождении крестьянского уклада. С точки зрения В.В. Пациорковского, понятие «личного подсобного хозяйства» уже не отвечает сущности явления, являющегося основным источником доходов для жителей села, и основным производителем сельхозпродукции, он допускает примени-

мость к ЛПХ понятия "крестьянское хозяйство", которое, впрочем, уже не может применяться столь категорично, как лет 80 тому назад [1]. Опираясь на свой человеческий и социальный капитал, сельские домохозяйства постепенно приобретают мелкотоварный характер посредством трансформации потребительского домохозяйства сперва в хозяйство с более высокой долей самообеспечения продуктами питания, а затем в мелкотоварное производство, близкое по экономической сущности к фермерскому. На данный момент, по мнению ряда российских исследователей мелкотоварные ЛПХ являются стратегическим резервом фермерства [2].

На наш взгляд, исследователи, полагающие что «именно личные подсобные хозяйства являются той питательной средой, из которой могут рекрутироваться мелкие сельские товаропроизводители, развиваться предпринимательство...» [3], существенно переоценивают возможности малых форм хозяйствования. Успехи в адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда, зачастую специалистами не-аграрного профиля, и ограниченного использования техники, кормов, удобрений, а также услуг крупных хозяйств. Очевидно, что нетоварное или мелкотоварное сельскохозяйственное производство может быть привлекательным только на определенном временном интервале – как феномен, сформировавшийся в качестве реакции на кризисные явления в социально-экономической сфере. Поэтому вряд ли имеют под собой основания надежды на модернизацию подсобных хозяйств и дальнейший рост товарного производства в них, равно как и создание устойчивой и конкурентоспособной системы сельскохозяйственного производства на основе экономики, базирующейся на архаичной системе социальных отношений.

Критически оценивая перспективы развития малых форм хозяйствования на селе, следует признать, что дело не только в низкой фактической товарности ЛПХ и высоком уровне трудоемкости продукции хозяйств населения (обусловленной их низкой технической оснащенностью). Необходимо также учитывать важное отличие ЛПХ от традиционных натуральных экономик прошлого, которое заключается в том, что она зависима от редистрибутивного потока, направленного из "большого общества" в мир сельских локальных сообществ и высокотехнологичных производств, откуда низкотоварное крестьянское хозяйство получает орудия труда и технику (для подготовки кормов, дров, переработки продукции и т.д.). Как правило, таким источником является «крупхоз», ресурсы которого доступны сети домохозяйств как на основе льготного пользования, так и в форме прямого присвоения (от неформальной «помощи» до прямых хищений), что дает исследователям возможность охарактеризовать подобные предприятия как консенсусные, смешанные общинно-хозяйственные образования [4]. Даже будучи формально предпринимательской структурой, современное российское сельскохозяйственное предприятие далеко не всегда представляет собой бизнес в чистом виде. С одной стороны такое хозяйство ориентировано на получение прибыли, а с другой – поддерживает сохранившуюся на селе социальную инфраструктуру

даже в тех случаях, когда последняя передана на баланс местных администраций, обеспечивает личные подворья кормами по заниженным ценам, не допускает массовых сокращений рабочих мест, то есть осуществляет массу операций не только не сулящих прибыли, но несущих прямой убыток.

Если в первые годы реформ взаимодействие крупхозов и ЛПХ населения носили преимущественно не-эквивалентный с экономической точки зрения характер (вследствие чего подобное взаимодействие часто определялось как «паразитический симбиоз»), то по мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения рыночной рациональности в деятельность реформированных предприятий, - ситуация частично изменилась. Прямое присвоение и безвозмездное использование ресурсов крупхозов уступает место кредитованию местного населения текущих расходов, и льготам по снабжению личного подворья кормами, что позволяет некоторым исследователям, отметившим эту тенденцию сделать несколько поспешный, на наш взгляд вывод, что «симбиоз семейного подсобного хозяйства, сельской общины и сельскохозяйственных предприятий новых» организационно-правовых форм - АО, ТОО, СХПК - крупхозов, практически распался, и началось формирование автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное хозяйство» [5].

Как правило, без постоянной помощи со стороны крупхозов экономика личных хозяйств населения не может существовать сколько-нибудь значительное время. На примере сел, где в настоящий момент ликвидировано крупное производство, отчетливо просматривается зависимость экономики ЛПХ от бывших коллективных предприятий [6]. Как правило, после ликвидации крупного хозяйства, сокращаются и масштабы трудовой деятельности в ЛПХ населения, так как домохозяйства лишаются не только бесплатных или приобретенных по льготным ценам кормов, но и технической помощи, а также каналов сбыта продукции. Спусковым механизмом полной деградации таких населенных пунктов выступает локальная миграция наиболее трудоспособных жителей села в поисках работы, после чего на селе остаются либо пенсионеры, либо маргинализированные прослойки, не способные к самостоятельному хозяйствованию.

Подобное положение дел не может не отразиться на той роли, которую различные хозяйственные уклады играют в жизни современного российского села. По данным наших исследований, крупные сельскохозяйственные предприятия занимают второе по значимости место для жизни сельских локальных сообществ, после личных подворий.

Таблица 2.

Экспертная оценка роли различных форм хозяйств в поддержании уровня жизни села, %

Крупхозы (бывшие колхозы/совхозы)			
	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	82	68	79
Не очень важны	16	9	12
Не играют роли	2	23	9

Фермерские хозяйства			
	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	8	21	38
Не очень важны	28	36	24
Не играют роли	64	43	38
Личные подворья			
	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	95	98	96
Не очень важны	5	0	0
Не играют роли	0	2	4

Несмотря на то, что постепенно возрастает понимание важности фермерских хозяйств, данные исследований показывают, что в отличие от начального периода аграрной реформы, когда делалась ставка на расформирование (реформирование) бывших коллективных хозяйств и внедрение фермерства, в последние годы населением осознается необходимость укрепления крупных сельскохозяйственных предприятий. Очевидно, что наиболее приоритетными в настоящий момент направлениями развития государственной социальной политики на селе должно стать совершенствование стихийно сложившейся редистрибутивной системы, играющей жизненно важную роль в социально-экономическом существовании села и переход к продуманной и дифференцированной политике, учитывающей специфику сложившегося сельского образа жизни. Повышение уровня жизни сельского населения невозможно также без дополнительного широкомасштабного инвестирования государственных средств в развитие сельхозпредприятий, что обеспечит, наряду с подъемом сельской экономики, преодолением проблем с занятостью населения, также рост адаптивных возможностей сельского социума.

Литература

1. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2002 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. СС. 60-62, 84-87, 92,108, 193-195 и др.
2. П.Великий Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. №12.
3. Галин Р.А., Ларцева С.А. Личное подсобное хозяйство в республике Башкортостан // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 67.
4. См.: Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. - М.: Финансы и статистика, 2003.
5. См.: П.Великий Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. №12. с. 59.
6. См.: Фадеева О.П. Сосуществование хозяйственных укладов в российском селе // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / Под общ. ред. А.М.Никулина. - М.: МВШСЭН, 2007.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

Введение в действие в полном объеме Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (далее — Закон о МСУ № 131) в масштабах всей территории Российской Федерации означает начало нового этапа муниципальной реформы. Между тем, анализ последствий первого этапа реформ и данные исследований, проведенных в 2005-2009 гг. в Новосибирской области (где система местного самоуправления была реорганизована в 2003 г.), — показывают, что осуществление инноваций привело к возникновению ряда проблемных ситуаций, имеющих непосредственное значение на перспективы социально-экономического развития территорий.

С одной стороны, в рамках реформы осуществляется модернизация организационной основы местной власти, что позволяет 1) сделать этот вид управления более «приближенным» к гражданам благодаря повсеместному введению поселенческих органов МСУ, 2) повысить степень независимости низовых управленческих структур, четко определив права и полномочия муниципальных органов власти. В то же время серьезно снизили эффект от реформы такие факторы как противоречивость законодательства и слабая разработанность нормативной базы, неурегулированные имущественные отношения между органами регионами и муниципалитетами, слабость финансовой базы органов МСУ, проистекающая из особенностей налоговой политики и «депрессивного» характера развития российской глубинки, особенно сельских районов страны. В ходе реформы произошло неизбежное усложнение системы взаимодействий и связей как вертикального (между поселенческими и районными администрациями), так и горизонтального типа (между органами МСУ). Нарушение властной управленческой вертикали на самом низовом уровне существенно снижает эффективность управления социально-экономическим развитием муниципальных образований. В ситуации практически полной независимости местных муниципалитетов от властей районного уровня, каждая администрация вынуждена самостоятельно вырабатывать стратегии решения вопросов местного значения. Особо значимый характер эта проблема приобретает вследствие недостатка квалифицированных кадров, вследствие чего органы местной власти зачастую оказываются не готовы, или не способны реорганизовать свою работу на новых принципах. Лишь незначительная часть представителей органов МСУ является «дипломированными управленцами», то есть имеет базовую специальную подготовку; многие из пришедших на муниципальные должности, особенно на выборные, впервые столкнулись с таким объемом и характером управленческих работ.

По данным субъектов Российской Федерации на 1 ноября 2007 года, высшее образование имеют только 71.5% муниципальных служащих (в то время

как среди госслужащих области людей с высшим образованием подавляющее большинство – почти 90%.); 67.6% глав муниципальных образований, и менее половины (48.6%) депутатов представительных органов муниципальных образований. В Новосибирской области имеют высшее профессиональное образование только 56% муниципальных служащих, 63% глав муниципальных образований. Почти никто из государственных и муниципальных служащих не является «дипломированным управленцем», то есть не имеет базовой специальной подготовки. Конечно, большая часть имеющихся кадров обладают личным управленческим опытом, что немаловажно, но не ликвидирует «минусов» отсутствия специальных знаний.

Особенно остро проблема формирования кадрового потенциала стоит в малых городах и районах, а также сельских муниципальных образованиях. К сожалению, часто профессиональный уровень муниципальных служащих и лиц, занимающие выборные должности в системе МСУ не соответствует требованиям сегодняшнего дня. Основными барьерами на пути развития кадрового потенциала муниципальных образований «глубинки» и сельских районов являются процессы неконтролируемой миграции и социальной деградации территорий. Наиболее существенное давление на кадровую ситуацию оказывает соседство крупного мегаполиса, который, с одной стороны, оттягивает на себя кадровые ресурсы, а, с другой, формирует зоны социального неблагополучия за счет социальных групп, отторгнутых городом.

Как показали данные социологических исследований, осуществленных в Новосибирской области, 28% представителей органов МСУ оценивают уровень своей профессиональной подготовки как «низкий», и только 3% - как «высокий». Как следствие, представители органов МСУ критически оценивают собственную деятельность по управлению социальным развитием территорий – лишь около 10% представителей исполнительных и представительных органов местной власти оценивают свою работу «хорошо» или «отлично».

Особенно проблемным вопросом, как показали данные социологического обследования 2010 г., является отсутствие законодательно закрепленных требований к профессиональной квалификации выборных должностей органов МСУ, что вступает в логическое противоречие со здравым смыслом и квалификационными требованиями, предъявляемыми федеральным и региональным законодательством к муниципальным служащим, занимающих подчиненное положение по отношению к главам поселений и районов. Например, Закон Новосибирской области «О муниципальной службе в Новосибирской области» (№ 157-ОСД от 26 октября 2007 г.) предписывает, что в число квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы высшей, главной и ведущей групп входит наличие высшего профессионального образования (ст. 3). Между тем, исходя из анализа текста Закона о МСУ № 131, следует, что единственным требованием к кандидатам на должность главы муниципального образования и выборных (представительных) органов местной власти является наличие гражданства РФ. Закон Ново-

сибирской области от 11.06.1997 № 65-ОЗ (ред. от 16.10.2003) «О местном самоуправлении в Новосибирской области» также не предусматривает каких-либо профессиональных квалификационных требований к выборным должностям, осуществляющим местную власть.

Отсутствие квалификационных требований и образовательного ценза к кандидатам на выборные должности в законодательстве о местном самоуправлении лишь дублирует нормы законодательства, регламентирующее занятие выборных должностей в органах государственной власти, также не выдвигающих каких-либо профессионально-квалификационных требований к претендентам, и по умолчанию предполагающего наличие у широких масс населения определенного уровня политической культуры, препятствующей избранию, например, на пост Президента РФ, необразованных, или не способных исполнять такие полномочия граждан. Однако, как показывает практика, в случае местной власти, особенно в «глубинке» и сельских районах (где, как было сказано ранее, существует ситуация «кадрового голода» и социального неблагополучия), данное законодательное «умолчание» не оправдано. В ходе интервьюирования представителей сельских администраций и муниципальных служащих Новосибирской области был зафиксирован целый круг проблем, связанных с отсутствием профессиональной подготовки у ряда глав поселенческих администраций и претендентов на выборные должности, особенно обострившихся после реорганизации МСУ. Серьезную конкуренцию управленцам, ответственно относящимся к исполнению возложенных на них репрессивных по своей сущности функций пожарного, санитарного и пр. контроля, составляют «протестные» претенденты с популистской предвыборной агитацией или даже прибегающие к прямому подкупу избирателей. В этом плане показателен скандал в Доволенском районе Новосибирской области, где на выборах главы района в 2010 г. неожиданно победил ничем до этого не выдающийся кандидат (В. Турков, «протестный кандидат» от ЛДПР, не имеющий профессионального образования), который так и не приступил к своим обязанностям, отказавшись от должности в день официального принятия полномочий.

Таким образом, учитывая большой объем полномочий, которые осуществляет местная власть, формальную независимость выборных представителей самоуправления, непростую практику становления его новой организационной структуры, необходимым представляется законодательное закрепление минимальных квалификационных требований к претендентам на выборные должности руководителей муниципальных образований и районов.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что объективный анализ качественного состава органов МСУ, свидетельствует о том, что требуется принятие неотложных мер, в том числе и на государственном уровне, по созданию специальной системы их кадрового обеспечения. Прежде всего, целесообразно всесторонне и объективно проанализировать кадровую ситуацию, сложившуюся в органах МСУ, извлечь уроки из практики решения кадровых вопросов на региональном и местном уровнях. Опыт последних лет в сфере

реальной практики становления местного самоуправления в Российской Федерации показывает, что низкий профессиональный уровень лиц, замещающих выборные муниципальные должности и должности муниципальной службы, отсутствие у них необходимых знаний и профессиональных навыков и, соответственно, низкая эффективность управленческих решений приводят к снижению авторитета органов местного самоуправления в глазах населения.

Кадровый потенциал органов местной власти (понимаемый как совокупность способностей и возможностей представителей органов местного самоуправления, которые реализуются для достижения текущих и перспективных целей в интересах местного сообщества, региона и государства) — является элементом территориального социально-экономического потенциала территорий, поэтому эффективность кадрового потенциала — это обратная сторона кадрового ресурса, отражающая степень его реализации. В свою очередь качественный уровень кадрового потенциала взаимосвязан со степенью социально-экономического развития. Становление социально-профессиональной группы работников, выполняющих функции муниципального управления, и формирование ее профессионального потенциала отражает общие тенденции развития института муниципальной службы и института местного самоуправления в России и человеческого потенциала общества, в целом.

olganechiporenko@yandex.ru

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В 80-Е ГОДЫ XX ВЕКА. ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

В. А. Корнеев, А. А. Мартыненко-Фриауф, Ю. А. Пустовойт

Сибирский государственный индустриальный университет (Новокузнецк)

Состояние партийных организаций в 80-е годы минувшего века, то есть в канун и период перестройки обычно принято оценивать с двух взаимоисключающих позиций.

Сторонники первой позиции (здесь показательны работы С.Г. Карамурзы) утверждают, что партийные организации в 80-е годы представляли собой хорошо организованные и вполне дееспособные структуры, включающие в себя наиболее активных членов социалистического общества и проводящие вполне адекватные жизненным реалиям политику. И только активная деятельность противников коммунизма привела к дискредитации партийных структур и развалу СССР.

Сторонники второй точки зрения (здесь показательна работа М. Восленского «Номенклатура»), утверждают, что партийные организации скорее нужно рассматривать как элемент тоталитарной системы управления, где на них возлагалась функция административного контроля. Состав партии по-

полнялся в основном за счет лиц ориентированных, прежде всего, на карьеру и привилегии, поэтому, не удивительно, что к 80-м годам в этой группе корпоративные интересы стали выше интересов государства и населения, что в конечном итоге привело к моральной и интеллектуальной деградации.

В рамках этого сообщения мы приведем некоторые предварительные суждения, для уточнения политического портрета низовой партийной организации как социальной общности способной или не способной стать субъектом политических преобразований. Настоящее исследование носит локальный характер и ограничено доступными нам материалами в той профессиональной сфере, которую знаем лучше всего.

Наше исследование ставит своей целью оценить состояние партийной организации ВУЗа в 80-е годы на основе критериев социальной мобилизации выделенных А.Туреном (партийная организация по конституции представляла собой не только организованного активного целенаправленного субъекта, но и выступала в качестве такового для всего общества). Поводом для исследования послужило нахождение части партийного архива. Документальный материал был дополнен сбором данных из музея и серий интервью. В качестве теоретической базы мы ориентировались на основные положения теории социальной мобилизации Алена Турена:

- Механизмом консолидации общности выступает осознание ею наличия общего противника.
- Наличие программы преобразований, сформулированной в качестве привлекательных по содержанию и туманных по подтексту лозунгов.
- Необходимость в демонстрации силы.
- Выдвижение харизматического лидера, обладающего высокой степенью личного доверия.

Обращаясь к собранным данным, отметим, что основной массив архива составляют «Учетные карточки члена КПСС» в количестве 139 штук, что составляет около трети общего состава. Полученные данные были дополнены серией интервью. Среди опрошенных были члены парткома и секретари партийной организации ВУЗа.

Документы архива хорошо сохранились, заполнены каллиграфическим подчерком, без помарок и исправлений. Если же говорить о содержательной части, то при том многообразии данных, которые возможно указать в учетной карточке, заполняется она по определенному стандарту, который, на наш взгляд, призван минимизировать любую негативную информацию. Например, только в одной карточке имеется пометка в пункте 20 (Записи о партийных взысканиях).

Наиболее информативным оказался раздел 19 Учетной карточки члена КПСС (Род занятий с начала трудовой деятельности). Поскольку трудовая деятельность была неразрывно связана с партийной карьерой, то и любые взлеты и падения отражались на трудовой карьере. Как правило, вступление в партию приводило через какое-то время к служебному повышению.

В целом по итогам исследования можно утверждать следующее: не смотря на все утверждения опрошенных респондентов о том, что в 80-е годы партийная организация обладала достаточно высоким мобилизационным потенциалом, обращение даже к официальным партийным документам, а так же к некоторым их высказываниям позволяют несколько скорректировать эту точку зрения.

Партийная организация ВУЗа не была сплоченной, не имела единой программы, не демонстрировала организационные силы и не выдвигала самостоятельных лидеров. Во-первых, судя по нашим данным, организацию сложно назвать однородной. Общий враг идеологический противник в лице капиталистического лагеря имел скорее мифологическое значение. Судя по интервью, для членов партийной организации больший смысл имели локальные внутри институтские профессиональные и карьерные конфликты, разрешениями которых и занимались выбранные партийные руководители. Во-вторых, программы преобразований, сформулированные М.С. Горбачевым, разделили членов партии по оценке их притяжения и неприятия. Наиболее активная часть в течение времени перешла в структуры созданные сторонниками демократических преобразований и какое-то время достаточно успешно выступала в депутатском корпусе на всех уровнях. Противники же довольствовались отдельными критическими выступлениями. В-третьих, мобилизация организационного потенциала была связана с инициативами исходящими от партийных структур более высокого ранга, хотя интервьюеры подчеркивают безусловную эффективность партийных групп при организации студентов и сотрудников на уборку снега, территории и т.д. В-четвертых, лидерство скорее переместилось в официальные административные структуры, а именно руководство ВУЗа выступало в качестве «генератора идей» и центра инициатив. Именно ректорат определял приоритеты развития ВУЗа, оставляя за партийной организацией функции коммуникации с другими партийными структурами, модераторов во внутри институтской жизни и арбитров конфликтов, возникающих во внепрофессиональных сферах. Таким образом, на основе полученных данных можно сделать вывод о том, что трансформация партийных структур в 80-е годы была неизбежна.

pustovoit1963@gmail.com

СЕКТОР ЛИЧНЫХ (ПОДСОБНЫХ) ХОЗЯЙСТВ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

В. В. Самсонов

Институт философии и права СО РАН

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-03-00500а

Социально-экономическая трансформация аграрной сферы российского общества вызвала резкий экономический спад, вызванным противоречивым и хаотичным реформированием (по сути дела, - сломом) колхозно-совхозной системы. В условиях резкого снижения жизненного уровня жителей села возникают устойчивые модели приспособления к изменениям, в основе функционирования которых выделяются две основные группы экономических субъектов: 1) Личные (подсобные) хозяйства населения – являющиеся первичным элементом социально-экономической структуры сельского социума, выполняющие основную роль в процессе его воспроизводства (путем самообеспечения и частичного «встраивания» в рыночные отношения). 2) Крупные формальные структуры, («деревне-образующие») сельскохозяйственные предприятия, реформированные колхозы и совхозы, играющие роль не только локального центра, вокруг которого выстраивается сеть реципрокных по своему характеру отношений, выступающих также в качестве локальных редистрибутивных структур, и опосредующих взаимодействие микро-экономик личных хозяйств населения с внешней, формально-рыночной средой. Взаимодействие этих двух основных типов социально-экономических субъектов зачастую принимающее форму симбиоза, определяет специфику адаптации сельского социума, особенности его внутренней организации (на микро-уровне поселений-сообществ), перспективы и направление развития отдельных сельских территорий и всего сельского социально пространства в целом.

Характеризуя значение личных хозяйств населения, следует согласиться с мнением исследователей, согласно которому данные субъекты социально-экономической жизни села заполнили экономическое пространство, оставленное колхозами и совхозами, и сельскохозяйственная продукция, производимая и реализуемая хозяйствами населения, по существу спасла российскую глубинку от голода и социального взрыва [1], в трансформирующемся российском обществе «огородная» («дачная») экономика оказалась самым распространенным способом выживания не только в селах, но и в провинциальных городах. При этом некоторые исследователи считают, что феномен «дачи» является прямым проявлением живучести социокультурных и трудовых традиций русского села. Как пишет А. Никулин, в России «... всегда было трудно понять, где начинается рабочий, кончается крестьянин и наоборот... И через сто лет, после форсированной индустриализации, нынешние российские горожане, бывшие крестьяне или дети крестьян, по-прежнему комбинируют доходы города и деревни. Знаменитые шесть соток и сельский труд по выходным и в отпуск есть великая эксплоярная примета современной России» [2].

Хозяйства сельского населения (далее мы будем прибегать к распространенному сокращению ЛПХ), ставшие ведущей сферой приложения трудовых ресурсов населения и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающим домохозяйства необходимыми для выживания продуктами и деньгами — обладают тремя важнейшими для понимания сущности этого

феномена признаками: натурально-потребительский тип производства; семейный тип организации; вовлеченность в неформальные социальные и экономические практики.

Преимущественно потребительский (натуральный) характер ЛПХ проявляется в том, что произведенная сельскохозяйственная продукция используется в основном в целях воспроизводства сельской семьи, для удовлетворения личных нужд семьи (домохозяйства), и обладает малым коэффициентом товарности. Единственно значимой формой товарно-денежных отношений является реализация некоторой части продукта через частных скупщиков. В связи с последним обстоятельством в экономической литературе нередко можно встретить положения, по сути дела, отрицающие потребительский характер личных хозяйств населения: на основании того, что значительная часть ЛПХ производит сельскохозяйственную продукцию, хоть и нерегулярно, на продажу, некоторые исследователи предлагают ввести новую классификацию сельскохозяйственных предприятий, в которой ЛПХ относились бы к предпринимательским типам [3].

Однако, такое понимание природы ЛПХ противоречит реальной практике их функционирования. Во-первых, продажа части продукции хозяйства на рынках и имеет вынужденный экономический характер. Во-вторых, часть продукции, которая реализуется сельскими домохозяйствами на рынке, является не излишком, а представляет часть необходимого продукта данных производителей. В-третьих, для основной массы таких домохозяйств характерна «многоканальная» модель адаптации, использование и смешение всех видов ресурсов, совмещение функций традиционного крестьянского хозяйства и занятости в качестве наемных рабочих. В-четвертых, полученный денежный доход, как правило, используется для чисто потребительских, а не производственных целей. Данную позицию разделяют ряд экономистов-аграрников, считающих, что хозяйства населения могут реализовывать сельскохозяйственную продукцию не ради прибыли, а только потому, что им необходима денежная выручка для выполнения тех или иных жизненно важных семейных функций [4]. Особая природа экономики ЛПХ нашла отражение в законодательстве, опосредующим социальные отношения в сельском социуме. Непредпринимательское понимание хозяйств населения закреплено Федеральным законом «О личном подсобном хозяйстве» №112-ФЗ от 7 июля 2003 г., определяющим ЛПХ как форму непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции (ст. 1).

Вторая наиболее сущностная черта хозяйств населения, после непредпринимательского типа производства заключается в том, что они выражают собой наиболее последовательный семейный тип хозяйства [5]. Эти две характеристики ЛПХ взаимосвязаны, можно сказать даже, что семейный тип хозяйствования выступает адекватным способом существования натурально-потребительского типа производства. Потребительский характер личных подсобных хозяйств предполагает и особую, специфическую внутреннюю их организационно-производственную структуру. Главным принципом органи-

зации личных подсобных хозяйств является то, что в них домашнее семейное хозяйство недифференцированно (необособленно) от хозяйства производственного [6]; ведение домашнего хозяйства и производство сельскохозяйственной продукции представляют собой внутренне единый процесс жизнеобеспечения семьи; процесс производства интегрирован с семейным бытом.

В этом проявляется родство современных личных подсобных хозяйств с традиционным крестьянским хозяйством. Характерным свойством крестьянского хозяйства А. В. Чаянов считал симбиоз экономики, демографии и культуры, подчеркивая, что в трудовом крестьянском хозяйстве стимулом к работе являются потребности семьи и степень их удовлетворения; в капиталистическом хозяйстве – уровень сдельной и поденной оплаты труда, а также «принуждение хозяйствующей воли», боязнь потерять работу, штрафы. Производственная деятельность, согласно мнению Чаянова, лишь одна сторона крестьянского хозяйства. Она неотделима от социально-демографических функций, а крестьянский двор непрерывно связан с жизнью всего деревенского социума и обществом в целом [7].

Третья важная особенность натурально-потребительского сектора сельского социума заключается в том, что, по сути, «самообеспечение» сельских домохозяйств является легальным «производственным цехом» неформальной экономики. Осуществляемые в наши дни социологические исследования свидетельствуют о специфической пространственной локализации неформальных (эксплоярных) практик – гораздо более частому обращению к ним сельских жителей (46 % в городах, и 87,4% - в селах) [8]. По данным официальной статистики, доля сельского населения, занятого в неформальном секторе, превышает аналогичный показатель для городского населения почти в 3 раза (33% против 13%) [9].

К числу наиболее распространенных видов неформальной деятельности, по данным исследования, могут быть отнесены: а) теневая рыночная активность домохозяйств населения (проявляющая в «скрытой» товарности ЛПХ); б) промыслы населения и выход с продукцией промыслов на «серый» или «черный» рынок; в) вторичная «скрытая» занятость, временные, сезонные подработки, «отходничество». Последнее характерно для сельских сообществ, близких к крупным рынкам труда. Также и для развития промысловой деятельностью необходимо не только наличие соответствующих природно-географических ресурсов, но и близость рынков сбыта.

Реализация рыночного потенциала хозяйств населения не является единственной функцией, которые выполняют неформальные социально-экономические практики населения – помимо своего очевидного экономического значения, неформальные взаимосвязи и взаимодействия сельских жителей включены в процессы воспроизводства экономических ресурсов домохозяйств и социального капитала сельских сообществ. Формы экономической деятельности в рамках семейного хозяйства укоренены, растворены в широком контексте неформальных взаимодействий и редко когда ориентированы просто на прибыль или развитие производства [10]. Использование нефор-

мальных практик на селе в первую очередь является адаптационной стратегией выживания, приспособления к меняющемуся социальному окружению, актуализирующей все возможные ресурсы адаптации, в том числе социокультурные традиции неформальных (сетевых, эксплоярных) взаимодействий. Жизнь современной российской деревни и современная неформальная сельская экономика основываются на системе социальных взаимодействий, целью которых является поддержание существования локального сообщества, создание гарантийно-страховой системы, преследующей следующие цели: физическое выживание; воспроизводство экономических ресурсов хозяйств населения; сохранение социальной идентичности путем воспроизводства родственных социально-экономических структур, укрепления горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами [11]. Реципрокные по своему характеру отношения является не дополнительным, или вторичным аспектом повседневной жизни россиян, а важным элементом социальной реальности: стратегии выживания сельского населения зачастую базируются на комбинации экономических и морально-экономических действий, направленных не только на воспроизводство конкретного домохозяйства (семьи), но и более широкомасштабных социальных организаций (соседских объединений, территориальных общностей); причем поведение социально-территориальных общностей следует понимать как производное от социальных сетей, элементами которых оно выступает. В нашем обществе эта система сетевых взаимодействий играет роль стабилизирующего фактора в экономической жизни крестьянской семьи и частично компенсирует слабость государственных институтов и формальных структур.

Литература

1. Проблемы фермерского движения в Пыталовском районе Псковской области. Материалы выездного расширенного заседания Ученого совета Всероссийского института аграрных проблем и информатики / Под ред. А.В.Петрикова, Р.Э.Прауста. — М., 2000. С. 8.
2. Никулин А. Жизнь неформальная, очень даже правильная // Первое сентября. 1999. № 44. с. 6.
3. См.: Пашенко А.И. Личные подсобные хозяйства в структуре многоукладной аграрной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 5. Вып. 3 (№ 21). С. 67.
4. Прауст Р.Э. Развитие личных форм хозяйствования в аграрном секторе: Науч. тр. ВИАПИ. Вып. 2. — М., 1998. С. 32.
5. См.: Пашенко А.И. личные подсобные хозяйства в структуре многоукладной аграрной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 5. Вып. 3 (№ 21). С. 69.
6. Прауст Р.Э. Семейные хозяйства, их роль в жизнеобеспечении сельских жителей депрессивных регионов России // Проблемы фермерского движения в Пыталовском районе Псковской области. — М., 2000. С. 14; Емельянов А.

Коллизии становления многоукладности аграрного сектора экономики // Российский экономический журнал. 2001. № 5–6. С. 54.

7. Егорова О.И., Полушкина Т.М. Трудовая активность работников сельского хозяйства: мотивы и стимулы // Studium. 2008. № 3 (8). - <http://www.sarki.ru/studium/publ3/egorova.pdf>

8. Запорожец О. Игра в рынок: диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде) // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимповой. – СПб., 2003. С. 129

9. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат.сб. — М., 2006. С. 90

10. Виноградский В.Г. Вне системы: крестьянское семейное хозяйство // <http://www.nir.ru/sj/sj/34-vino.htm>

11. См.: Запорожец О. Игра в рынок: диспозиция сил... С. 128-135.

olganechiporenko@yandex.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ОСВОЕНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ТУВЫ*

В. С. Кан

Тувинский институт гуманитарных исследований

Республика Тува является одним из немногих регионов Российской Федерации, не имеющим железнодорожного сообщения. С одной стороны, определенная изолированность от внешнего мира способствовала сохранению уникальной природы, минерально-сырьевой базы, самобытной национальной культуры народов Тувы. С другой стороны, неразвитая инфраструктура стала фактором, негативно влияющим на социально-экономическое развитие республики. Сегодня Тува – это депрессивный регион с низким уровнем социального развития и распространенностью таких неблагоприятных явлений как безработица, алкоголизм, преступность и социальные болезни.

Важным фактором социально-экономического развития, выходом из сложной ситуации, по мнению федеральных и местных властей, будет строительство железной дороги «Курагино–Кызыл» (с 2011 г.). Ожидается, что получат импульс развития не только горнодобывающая, но и топливно-энергетическая, лесоперерабатывающая, строительная отрасли промышленности, торговля и туризм.

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект 09-03-63205а/Т) и гранта Председателя Правительства РТ для поддержки молодых ученых.

Сама идея таких крупных преобразований имеет сторонников и противников. Ожидается, что реализация этих проектов позволит увеличить наполнение республиканского бюджета собственными доходами, приведет к созданию новых рабочих мест и росту благосостояния граждан. В то же время, некоторые эксперты и местные жители небезосновательно опасаются ухудшения экологической обстановки, углубления существующих и появления новых социальных проблем.

С этой точки зрения важно изучать, анализировать общественные настроения и ожидания, в том числе с целью формирования адекватного отношения и подготовки населения Тувы. В настоящей публикации освещается часть результатов социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи Тувы в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений»*, проведенного сотрудниками ТИГИ в 2010 г. Параметры выборочной совокупности пропорциональны численности социально-демографических групп населения Тувы (по данным переписи 2002 г.)**.

Результаты исследований говорят о том, что единого мнения по вопросу строительства железной дороги и освоения месторождений у жителей Тувы нет. Почти половина респондентов выразила положительное отношение к строительству железной дороги (48%), видя в этом начинании больше позитивных сторон. Чуть более трети участников опроса оценила данный проект отрицательно (35%). Эта тема не интересует 11% ответивших, 6% - затруднились дать ответ. При суммировании отрицательных и безразличных значений ответов мы получаем цифру в 46%. Это серьезный показатель, если учитывать почти такое же число респондентов с положительной оценкой (48%).

Статистически значимая связь прослеживается между характером отношения и национальностью. Среди русских почти в 1,6 раза больше тех, кто выразил положительное отношение к строительству железной дороги (70%,

* В исследовании реализована многоступенчатая стратифицированная выборка с пропорциональным распределением по типам населенных пунктов (город, поселок городского типа, село) и маршрутным способом набора респондентов по квотируемым признакам (пол, возраст, образование). Методом стандартизированного интервью было опрошено 1191 человек в Тоджинском, Кызылском, Пий-Хемском, Барун-Хемчикском, Чеди-Хольском, Бай-Тайгинском, Тандынском, Улуг-Хемском, Эрзинском, Овюрском, Дзун-Хемчикском, Монгун-Тайгинском районах и Кызыле.

** 48% респондентов составили люди в возрасте 15-29 лет, 23% – 30-44 лет, 29% - 45-60 лет (контрольная группа). 45% – мужчины, 55% – женщины. 26% респондентов имели высшее или незаконченное высшее образование, 5% – начальное, 31% – среднее общее, 38% – среднее специальное образование. 82% - тувинцы, 17% – русские, 1% – представители другой национальности. 51% отнесли себя к «работающему» населению, 19% – безработным, 19% – учащимся, 11% – пенсионерам и домохозяйкам.

тувинцы 43%). И, наоборот, по сравнению с русскими (16%) среди тувинцев в 2,5 раза больше тех (40%), кто относится к предстоящему событию «отрицательно». Одинаковое число респондентов из числа русских и тувинцев выразили безразличные оценки. Положительные оценки больше были свойственны людям с высоким уровнем обеспеченности. Отрицательные и безразличные чаще выражали люди с низким уровнем дохода. Изменить отношение этой многочисленной в Туве группы в лучшую сторону очень сложно. В этом направлении необходимо предпринимать системные меры социально-экономического и социокультурного характера.

К освоению месторождений население выразило в целом положительное отношение (56%). Негативное отношение выразил каждый четвертый респондент, безразличное – каждый одиннадцатый.

Понимание населением позитивных следствий строительства железной дороги и освоения месторождений представляется важным в преддверии перемен. Многие из опрошенных согласились, что в связи с этим возможны: 1) экономический подъем, развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли и туризма (64%); 2) повышение уровня жизни населения (42%); 3) снижение цен на товары (32%); 4) улучшение транспортной доступности региона (22%); 5) снижение цен на услуги ЖКХ (16%); 6) снижение цен на горючее и топливо (14%).

Среди других положительных результатов реализации инвестиционных проектов респонденты чаще отмечали: 1) появление новых рабочих мест и сокращение безработицы (76%); 2) повышение престижа республики, укрепление межрегиональных и международных связей (42%). В меньшей степени люди указывали на возможность профессионального роста (22%) и повышение квалификации и образованности населения Тувы (27%). Больших различий в ответах на это вопрос среди различных социально-демографических групп мы не обнаружили.

Результаты социологического исследования говорят о противоречивом отношении местного населения к строительству железной дороги и промышленному освоению, которое в основном все же положительное. Социальные ожидания жителей Тувы связаны с экономическим развитием (промышленности, сельского хозяйства, бизнеса и туризма) и решением социальных проблем (снижение безработицы, повышение уровня жизни населения). Требуется серьезного внимания тот факт, что у большого числа жителей (46%) сформировалось отрицательное или безразличное отношение к строительству железной дороги. Изменить отношение этой группы теоретически возможно, но практически весьма трудно.

Проект строительства железной дороги и освоения месторождений не будет иметь социально-экономического успеха без поддержки населением региона, их активного участия. Потенциал изменения социального отношения достаточно высокий. Мы выяснили, что исключительно перспективно регулярное информирование как условие изменения отношения почти 30% (!) населения Тувы. Исследование показывает, что крайне необходимо на всех

этапах реализации проекта обеспечивать население полной и разносторонней информацией, разрабатывать и внедрять программы профессиональной ориентации и стимулирования социальных инициатив местных жителей.

kan-tuva@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН – СВЯЗЬ С КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ*

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН

Работа выполнена на стыке двух основных понятий – ислама и миграции. Основная задача – некоторым образом приблизиться к раскрытию социальных представлений, содержащихся в исламе, и попытаться оценить их возможное влияние на успешность вхождения мигрантов-мусульман в российское общество. В тексте приведены лишь отдельные теоретические положения и эмпирические результаты.

Религиозное сознание имеет мировоззренческий, фундаментальный характер. Оно определяет обыденное сознание, унифицирует восприятие и интерпретации, формирует идентичные паттерны поведения. Особая роль религиозной формы общественного сознания в мусульманских странах является признанной. Охватывая и регламентируя разные стороны жизни, основной теологический трактат ислама дает определения и предписывает законы, относящиеся не только к культу, но и к социальной и политической жизни верующих, регулирует, организует отношения разного рода: брачно-семейные, государственно-политические, экономические, культурно-просветительские. Религия вносит внятные и устойчивые нормативные рамки человеческого существования, «законодательные предписания о гражданской жизни», выполняет роль религиозного, социального и политического кодекса.

Среди наиболее общих и очевидных, последствий глобализации – рост взаимных зависимостей экономик, народов, государств, культур. Разные по направленности и интенсивности, связи могут иметь неоднозначный характер и отличаться по результатам для каждой из взаимодействующих сторон. Неизменна сама безальтернативность включения в общемировое пространство социальных взаимодействий. Одним из проявлений процесса глобализации является интенсификация территориальных перемещений. Традиционно входя в сферу интересов демографов, сегодня тема миграции – предмет междисциплинарного изучения. В исследовании причин и последствий территориальных перемещений свою нишу находят политики, экономисты, социологи. К основным предпосылкам, способствующим расширению геогра-

* Исследование «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-03-00491а)

фии миграционных потоков, можно отнести следующие: во-первых, современное общество располагает техническими, транспортными возможностями для активных территориальных передвижений. Во-вторых, трансформация международных отношений, социальная политика и условия большинства государств, явно не препятствующие межгосударственным миграциям. Далее – изменения в экономической сфере, создание транснациональных корпораций, расширение рынков труда.

Существование межгосударственной, межэтнической и межконфессиональной миграции предполагает сохранение некоего баланса, определенного соотношения между приезжим и местным населением, между ввозимой и принимающей культурой, языком и религией. Большая или меньшая степень социокультурного и религиозного равновесия и предсказуемости является условием социальной стабильности общества, способствует предотвращению напряженности в межнациональных отношениях и возникновению этно-религиозных конфликтов. Необходимо соподчинение этнических и конфессиональных аспектов задаче поддержания общесоциального единства и общегражданской солидарности.

Успешность и потенциальный ресурс интеграции мигрантов в принимающее общество определяется факторами трех уровней. Микроуровень включает как личные адаптивные и коммуникационные способности индивидов, так и налаженность, плотность и широту сложившихся до приезда социальных сетей соотечественников, родственников, друзей, их вовлеченность в жизнь принимающего общества. Средний уровень предполагает управленческую готовность местных властей к принятию и инкорпорированию мигрантов. Не останавливаясь на законодательной составляющей макроуровня, отметим, что чем меньше культурная дистанция между обществами, чем длительнее опыт взаимодействия между народами, тем с большей вероятностью можно рассчитывать на нетравматичное и успешное вхождение в новое культурное и языковое поле. Особенностью межкультурных и межконфессиональных взаимодействия местного российского населения и мигрантов-мусульман, приезжающих из стран ближнего зарубежья, является общая история, часто насчитывающая столетия. Недавнее совместное проживание в одном государстве, несмотря на разный уровень проникновения национальных культур, создали, как минимум фон нечуждости, а в некоторых ситуациях – мощной духовной и родственной близости. Исходя из этого, приезд выходцев из бывших советских республик это не китайская и не вьетнамская иммиграция. Вероятность потенциальной интеграции в данном случае изначально выше, т.к. культура мигрантов некоторое время назад была составной частью общей советской культуры. Это, в своем роде и до определенной степени, национальная, этническая культура, преломленная общей историей. Иначе говоря, постсоветское коммуникативное пространство, в отличие от европейского, располагает мощным, исторически сложившимся ресурсом для успешного межкультурного и межконфессионального взаимо-

действия и последующей продуктивной интеграции мигрантов в принимающее общество.

Среди факторов, детерминирующих сохранение социального порядка и социальной солидарности принимающего общества – реальные намерения и готовность мигрантов интегрироваться. В 2009 году в Новосибирске – крупном миграционно привлекательном городе, было проведено исследование «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество». Объем выборки составил 190 человек, из них мужчин 71%. Все опрошенные активного трудоспособного возраста – до 50 лет. Распределение мигрантов по своему предыдущему месту жительства было следующим: Киргизия – 42,2%, Узбекистан – 27,7%, Таджикистан – 15,0%, Азербайджан – 9,2%, Казахстан – 1,2%. По образовательному уровню это преимущественно люди со средним, среднетехническим и среднеспециальным образованием, соответственно – 36,8%, 12,1% и 21,3%.

В работе была сделана попытка некоторого соотнесения богословских канонов, присутствующих в исламе, с взглядами и повседневными практиками мигрантов-мусульман, в свою очередь в большей или меньшей степени преломленными реальным историческим и культурологическим контекстом. Абсолютное большинство опрошенных мигрантов верит в Бога – 97%, столько же из них придерживается ислама. Степень религиозной вовлеченности различна – ежедневную молитву после приезда в Россию совершает примерно треть опрошенных, не молится вообще также треть – 30%, постятся один раз в год (в рамадан) и реже 63%, не соблюдают пост на новом месте жительства – 28%. Несмотря на то, что соблюдение обрядности в исламе в большей степени прерогатива мужчин, нежели женщин, значимых различий в регулярности выполнения некоторых из рассматриваемых религиозных требований не выявлено.

В Каирской декларации о правах человека в исламе отмечается: «Все люди образуют одну семью, члены которой объединены повиновением Господу и являются потомками Адама. Все люди равны в основополагающем человеческом достоинстве и основополагающих обязательствах и обязанностях без какого-либо различия по признаку расы, цвета кожи, языка, пола, религиозной веры, политических взглядов, социального положения и других оснований» (Статья 1). Практическая реализация данных положений предполагает уважение к верованиям и культуре других людей. В связи с этим, нашим респондентам предлагалось ответить на вопрос, как они относятся к людям с другими традициями, культурой. Приведем некоторые из полученных результатов. Большинство этнических мигрантов-мусульман ответили, что к представителям других народов относятся с симпатией и интересом (63,6%). Нейтральная позиция «мне все равно» зафиксирована у трети опрошенных (31,2%). Очевидно, что доминирующим является позитивное восприятие носителей других культур. Можно предположить, что само решение об отъезде на работу или учебу в другую страну заведомо приемлемо лишь для людей, относящихся к другим народам без предубеждений.

Уважительное отношение к представителям иных верований, веротерпимость сегодня в буквальном смысле жизненно необходимы. В исламе признаются предыдущие Пророки и их Книги, отрицается насильственное навязывание религиозных норм – «Нет принуждения в религии» (Коран, 2:256). В Суре Мумтахана говорится: «Аллах запрета не дает вам доброту и справедливость проявлять к тем людям, кто за вашу веру с вами не сражался, не изгонял из дома вас – поистине Он любит справедливых!» (Коран, 60:8). Дополнительный исторический экскурс позволяет говорить, что «население арабских городов жило смешанно: купцы и ремесленники, мусульмане и христиане, арабы и евреи жили бок о бок не только в соседних домах, а даже в соседних квартирах и комнатах» [1, с.197]. Некоторая детализация отношения мигрантов к представителям других культур включала вопрос об отношении к исповедующим православие. В данном случае речь идет об основной части населения Новосибирска и России в целом. Конкретизация вопроса выявила большую сдержанность, чем в ответе на предыдущий вопрос. Преобладающим стало нейтральное отношение «нейтрально, мне все равно» – 56,1%. Доброжелательное – «с симпатией и интересом» восприятие людей, придерживающихся православия продемонстрировали 32,9% этнических мигрантов-мусульман. Каждый десятый настроен «не очень хорошо» – 9,1% или резко отрицательно» 1,8%. Для сравнения можно сказать, что, к примеру, к буддистам опрошенные проявили заметно меньший уровень симпатии. Наибольшая степень неприятия обнаружилась в отношении к сектантам, представителям нетрадиционных религий, в целом носителям западной цивилизации.

Традиционно стараясь поддерживать приветливые отношения и быть хорошими соседями, свои соседские предпочтения мигранты связывают в первую очередь с простыми человеческими качествами. Выбор отдается просто хорошим людям, вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Так на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Вашими соседями были: 1) люди одной с Вами национальности, 2) одного с Вами вероисповедания, 3) разных национальностей и вероисповеданий, 4) главное, чтобы это были хорошие люди», 90,4% опрошенных выбрали последний вариант ответа. Тех, кто предпочел в качестве соседей людей своей национальности или единоверцев по 2,4%. Полученные результаты можно рассматривать как показатель высокой степени адаптивности приезжих и их готовности к выстраиванию своих социальных сетей на основе более широкого диапазона признаков, нежели этнический и конфессиональный, которые в данной ситуации не носят основополагающего критерия.

В исламе признается высокая ценность семьи, большое значение придается родственным и родовым связям. Создание семьи и рождение детей является религиозной обязанностью мусульманина. «Одна молитва с двумя поклонами, совершаемая женатым человеком, более угодна Аллаху, чем ночные молитвы и дневной пост, совершаемые холостяком на протяжении всей жизни». Подтверждением значимости родственных связей служит то, что кон-

центрация, сосредоточение власти в мусульманском обществе происходит в определенных родах, т.е. присутствует феномен родовой (семейно-родственной) власти. Причины высокой ценности семейно-родственных отношений кроются в истории арабских народов, кочевом образе жизни бедуинов. Именно на основе родственных связей, приобретших универсально-идентификационную функцию и характер, устраивался брак, определялись права и обязанности, осуществлялась месть и оказывалось гостеприимство.

Полученные эмпирические результаты подтверждают действенность этого принципа в современной реальной практике. К примеру, основными каналами миграции в Россию были использование родственных связей (37,3%) и самостоятельный приезд (46,4%). Однако о самостоятельности в данном случае можно говорить лишь в относительных значениях, т.к. даже в случаях организованного набора работодателем мигрантов (11,4%), изначальное распространение информации о вакансиях носило довольно избирательный, нередко закрытый характер, т.е. реальный подбор и прием на работу часто основывался на родственных, дружеских связях. Стоит отметить, что зачастую человек, рекомендовавший принять на работу своего родственника или знакомого, отвечает за его профессиональное обучение и поведение после приезда.

Известно высказывание Пророка «Разрывающий отношения со своими родственниками не войдет в рай». Вместе с тем, современные мигранты-мусульмане не однозначно отнеслись к этому предписанию. Мнения полностью его разделивших и, напротив, не согласившихся с ним, разделились поровну – по 40%. Подобные результаты вполне вписываются в современный контекст и объясняются усложнением общества, ростом территориальной мобильности и вытекающей отсюда пространственной оторванностью. Урбанизация жизни ведет к приданию большей значимости дружеским, профессиональным связям, имеющим духовную и деловую подоплеку. Зачастую их проще и удобнее поддерживать. Иначе говоря, снижение интенсивности и насыщенности родственных контактов выглядит скорее закономерным, нежели случайным. В качестве лейтмотива дополнительно высказанных опрашиваемыми соображений можно привести два основных – «нельзя ругаться, нужно дружно жить» и «главное – не ссориться с людьми, что просят родители – делать».

Оценивая уровень потенциальной интеграции в целом, отметим, что на локальном уровне стремление к сближению с принимающим сообществом выражено отчетливо. Почти три четверти этнических мигрантов-мусульман (72,4%) хотели бы стать ближе к местным жителям, соседям. Наряду с этим и в силу разных причин, в том числе временности своего пребывания, оставшаяся треть не видит в подобном сближении необходимости, т.е. потребность стать «своим» не обозначена. Отметим, что приезжающие ориентированы на изучение и общение на русском языке. Определенная языковая компетентность является необходимой предпосылкой успешного межкультурного взаимодействия, в том числе, не только с русскими, но с представителями

других национальностей. 89,5% опрошенных высказались за то, что «приезжающие должны стараться научиться хорошо говорить по-русски». Тех, кто полагает, что «это не обязательно» немного – менее 3%. Вместе с тем, при интервьюировании выявилось значимое уточнение, связанное с глубиной межкультурного проникновения – «выучить русский, но не соблюдать традиции». Выражена потребность в сохранении собственной религии, языковой среды и культуры в целом. Этнические мигранты-мусульмане боятся потерять свои традиции, культуру, язык.

Продуктивным с научной и с практической точек зрения является выявление как постулатов, способных служить источниками потенциальных противоречий и конфликтов, так и, что более важно, поиск религиозных положений и воззрений, способствующих конструктивному и бесконфликтному взаимодействию представителей разных конфессий и культур.

Литература

1. Очерки истории арабской культуры (V – XV вв.). М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 1982.

solodova@mail.nsk.ru

РОСТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

С. В. Белоусова, Ю. А. Киреева

Отдел региональных экономических и социальных проблем ИНЦ СО РАН

Вопрос формальной или неформальной интеграции и объединения регионов очень актуален в частности в связи с необходимостью выравнивания их социального положения, крайняя неравномерность которого является угрозой фактором современного развития России. Байкальский регион, ассоциативно включающий в себя Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край является ярким примером с одной стороны, высокой степени разрыва между регионами в экономическом и социальном развитии, с другой стороны, наличием значительного совместного природного, географического, инфраструктурного и иного потенциалов для реализации общих социально-экономических проектов. Однако целью последних должно быть в первую очередь рост социального развития, повышение благосостояния граждан регионов.

Современный вопрос установления и реализации новых целей макро и мезоразвития является крупнейшей цивилизационной задачей. Такая задача стоит как в связи с предельностью экономического роста для развитых стран, наглядно изложенной в докладе Римского клуба «Пределы роста», так и в связи с противоречивостью последствий экстенсивного экономического рос-

та развивающихся стран и территорий мало влияющего на изменение жизни их граждан. Дискуссия по вопросу выбора и формализации подобных целей идет полным ходом, однако должного прорыва в этом вопросе пока нет. Особенно это касается установления привлекательного и простого целевого индикатора развития общества, который на текущий момент в большей степени рассматривается в рамках концепции оценки «качества жизни».

Под качеством понимают совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворить установленные и предполагаемые потребности или набор существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих один предмет или явление от другого. Соответственно под качеством жизни понимается совокупность характеристик процесса жизнедеятельности человека на основе которых этот процесс можно анализировать, изучать, сравнивать, сопоставлять и т.д. в зависимости от установленной цели.

Универсального определения качества жизни не существует. Это понятие сложное многомерное, зависимое от контекста и ракурса рассмотрения. Так, исходя из разнообразных областей знаний качество жизни в каждом отдельном случае имеет свою особую интерпретацию. С общепризнанной экономической точки зрения качество жизни это мера оценки удовлетворенности материальных, социальных духовных и др. потребностей человека или еще шире своими возможностями, а также уровень реализации ожиданий людей или индивидуальных их жизненных целей.

С экономической точки зрения подобными целями могут быть удовлетворение потребностей человека, повышение его независимости, устойчивости и конкурентоспособности в реальном мире, рост экономической безопасности, повышение эффективности жизнедеятельности и др. Вопрос множественности целей связан, в том числе с признанием человека как рефлектирующего субъекта, который в зависимости от собственных или заимствованных им оценок принимает ту или иную жизненную стратегию. Говорить о качестве жизни только в рамках степени удовлетворенности материальных, социальных и иных потребностей не стоит, поскольку в этом случае оценка жизнедеятельности носит ограниченный характер только рамками пассивной ее части. Жизнь человека может рассматриваться как с позиции статического состояния связей, отношений и механизмов в которых человек задействован в обществе, так и с позиции характеристики процессов жизнедеятельности как результата рефлектирующих действий. Именно положительная динамика принимаемых решений и действий человека может говорить о повышении качества его жизни и наоборот.

В отношении Байкальского региона такие «действия» могут интерпретироваться, в том числе, рядом демографических показателей: рождаемость, смертность, миграция и др. Так для Байкальского региона характерен крайне высокий уровень смертности мужчин. По отдельным возрастным группам – 45–50 лет и 55–59 лет – смертность мужчин превышает смертность женщин аналогичных возрастов в два-три раза. В структуре смертей от неестествен-

ных причин убийства и суициды составляют 18,5 и 18,3% соответственно, транспортные травмы – 13,7%, случайные отравления алкоголем – 10,5%.

Отрицательная миграция населения с годами только нарастает в Байкальском регионе. В основном, регион покидают люди трудоспособного возраста до 40 лет, наиболее активные, мобильные, образованные и др. Соответственно структура населения по качественным характеристикам резко ухудшается, что создает дополнительные негативные моменты для населения и его перспектив в целом.

С учетом большого числа социальных проблем развития Байкальского региона, как объединенного сообщества, так и каждого административного субъекта в частности выбор их решений должен быть основан в первую очередь на понимании того как формируются составляющие качества жизни с последующим выстраиванием социально-экономического механизма их оптимизации.

belousova@oresp.irk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

В. И. Терентьев

Кемеровский государственный университет

С 2001 года Западная Монголия выделена в отдельный административно-территориальный регион и включает в себя Баян-Ульгийский, Увс, Ховд, Завхан и Гоби-Алтай аймаки.

Территория преимущественно населена ойрат-монголами, тувинцами (алтайскими урянхайцами) и казахами, что отличает этот регион в этнокультурном плане от Халхи (Центральной Монголии).

В связи с интеграционными процессами и, наоборот, дальнейшей локализацией этнических групп в Западной Монголии интересны и малоизученны современные этнические процессы у ряда ойротских этносов.

Изучением казахов комплексно занимаются научные центры Республики Казахстан, где в 2003 была принята фундаментальная программа “Казахи Монголии (историко-этнографическое исследование)”.

Комплексное изучение этнографии тувинцев проводят сотрудники Тувинского госуниверситета, результаты которого изложены в работе к.и.н. Е.В. Айыжы «Тувинцы Кобдосского аймака Монголии: этничность и культура».

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ ЕЗН 2.13.08, з/н №13 «Изучение этнокультурных взаимодействий в Центральной Азии: Россия и Монголия с эпохи колонизации Сибири до современности»

Основной тенденцией российского монголоведения постсоветского периода становится заключение договоров между научными центрами России и Монголии. Тому свидетельством может служить Международная Центральноазиатская историческая экспедиция 2001-2007 гг. (Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ, Институт истории АН Монголии и Улан-Баторский государственный университет), совместные исследования археологических памятников АлтГУ и Ховдским госуниверситетом, договора между ТГУ и ХовдГУ. Результатами этих договоров является исследование в первую очередь археологических памятников.

Экспедиции 2000-2002 гг. на основании программы «Алтай-Орхон» Института алтаистики им. С.С. Суразакова и Горно-Алтайского госуниверситета под руководством Т.М. Садаловой в течение трёх лет ежегодно совершались комплексные международные экспедиции «Алтай – наш общий дом» на территорию Западной Монголии для изучения этнокультурных связей алтайского и западномонгольских народов. Руководство экспедиции в 2000 г. заключило договор о сотрудничестве с Баян-Ульгийским научным центром при АН Монголии и Ховдским филиалом Монгольского госуниверситета (ныне ХовдГУ).

Таким образом, наиболее изученным продолжает оставаться Ховдский аймак, чему благоприятствует наличие здесь университета. Казахи Баян-Ульгийского аймака изучаются в основном учеными из Казахстана.

Изучая с 2008 года этнокультурные взаимодействия в Западной Монголии, сотрудники Кемеровского госуниверситета под руководством д.и.н. В.М. Кимеева пришли к выводу, что практически неизученными продолжают оставаться дербеты западной части Увс аймака (котловина озера Уурэг-нуур). Первым через эти места прошел Г.Н. Потанин во время Второй монгольской экспедиции 1879 года, он оставил краткое описание историко-культурных и природных памятников. В настоящий момент заключается договор между КемГУ и Музеем Увс аймака имени Ю. Цэдэнбала, результатом которого станет комплексное обследование и фиксация памятников этнокультурного наследия и разработка проекта строительства первого в Монголии экомuzeя, что позволит сохранить историко-культурное наследие региона.

vlad33@bk.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ ПО ЗДОРОВЬЮ

Л. К. Курмышева

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

План стратегического развития Российской Федерации до 2020 года своей главной целью ставит развитие человека, которое является необходимым условием для прогресса современного общества. В связи с этим актуальным является вопрос, связанный с поддержкой государственными и муниципальными органами, а также бизнес-структурами гражданских инициатив и населения различных категорий. Как следствие, особого внимания заслуживает рассмотрение сложных процессов консолидации всех слоев современного общества, а также социальная политика государства и роль приоритетных национальных проектов в формировании гражданских инициатив.

Начиная с 2005 года, основную роль в реализации социальной политики государства играют национальные проекты. Подобный формат управления социальным развитием страны позволяет сфокусировать социально-экономические усилия в области строго определенных задач. Так с 2009 года на территории г. Москвы был объявлен год равных возможностей, который будет продлен до 2010-2011 годов. В рамках данного проекта планируется трудоустройство людей с ограниченными возможностями по здоровью, а также расширение образовательных возможностей для молодых людей с ограничениями по здоровью.

Обращаясь к вопросу интеграции людей с ограниченными возможностями в жизнь общества следует отметить, что помимо социального эффекта она имеет и экономический эффект. Во-первых - расширяет рынок труда, и как следствие повышает качество жизни в регионе/городе, во-вторых - повышает социальный, экономический статус инвалидов.

Таким образом, вопросы связанные с интеграцией различных категорий населения, в том числе незащищенных, в жизнь общества должны выходить на первый план и поддерживаться на всех уровнях власти.

В настоящее время на территории Российской Федерации существует несколько некоммерческих организаций, реализующих проекты по социальной интеграции людей с ограниченными возможностями по здоровью. Одной из таких организаций является Региональная общественная организация инвалидов «Перспектива», которая работает с 1997 года. Основными направлениями деятельности организации являются: изменение негативного отношения и стереотипов, существующих в обществе по отношению к людям с инвалидностью; повышение эффективности работы общественных организаций инвалидов; оказания помощи людям с инвалидностью и их семьям в приобретении навыков и знаний, необходимых для полноценного участия в общественной жизни и для получения доступа к инклюзивному образованию и трудоустройству; подготовка специалистов, государственных служащих, родителей, учащихся, работодателей и других членов общества с целью преодоления физических и психологических барьеров, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями [1].

Проблеме социальной интеграции в последнее время отводится значимое место в ряде социально-гуманитарных и педагогических наук. Проводятся исследования по социальной инклюзии людей старшего поколения и школь-

ников с ограниченными возможностями по здоровью. Апробируются новые программы социальной интеграции, проводятся экспертные опросы руководителей муниципальных органов власти, местного самоуправления, активистов общественных объединений, ученых – социологов.

В настоящее время в российской социально-гуманитарной науке происходит постепенный переход от термина социальной интеграции к термину социальной инклюзии. Л. А. Солдатова, кандидат социологических наук, доцент, докторант Российского государственного социального университета определяет социальную инклюзию как процесс, основанный на диалектической взаимосвязи социализации, интернализации и институционализации, предполагающий разработку и применение организационных мероприятий, направленных на равноправное социальное взаимодействие индивидов или социальных групп (в первую очередь социально незащищенных слоев), по поводу их включенности в социум, результатом которого является увеличение степени активного участия в жизни общества личности или группы, независимо от их демографических, экономических, политических и культурно-духовных характеристик [2, 20].

Таким образом, инклюзия – это процесс реального включения инвалидов, сирот, людей старшего поколения в жизнь общества (экономическую, социальную, политическую, академическую).

Международное бюро просвещения (МБП) с 25 по 28 ноября 2008 года в Женеве проводило конференцию на тему «Инклюзивное образование: путь в будущее». Главной целью данного мероприятия стал международный обмен опытом по проблеме инклюзивного образования для всех категорий детей с ограниченными социальными, психологическими и физическими возможностями.

В рамках исследования социальной инклюзии молодых людей с ограничениями по здоровью предполагается: анализ законодательной базы РФ по данному вопросу; политика государства; позиция местных органов власти и некоммерческих организации, а также бизнес-структур. Важной частью исследования станет непосредственный опрос молодых людей с ограничениями по здоровью, который позволит определить основные перспективные векторы работы по данному вопросу в нашей области.

Литература

1) Региональная общественная организация инвалидов «Перспектива» <http://www.perspektiva-inva.ru/index.php?about>

2) Л. А. Солдатова Социологические подходы к изучению социальной инклюзии старшего поколения в местное сообщество // Социальная политика и социология, №1, 2009 – с. 20-34

kkm4@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

В. В. Гомзова

Новый сибирский институт (Новосибирск)

Миграция является сложным общественным процессом, затрагивающим многие стороны социально-экономической жизни, и включающим в себя, разные виды миграции: этническую, социально-экономическую, трудовую, интеллектуальную и другие. В данной статье мы остановимся на рассмотрении этнической миграции, которая связана с различием характеристик принимающего сообщества по отношению к мигрантам; и на трудовой миграции, которая возникает вследствие перемещения людей из одних сфер занятости, видов трудовой деятельности и рабочих мест в другие.

На характер миграции влияют процессы адаптации мигрантов, которые зависят от ряда внутренних и внешних факторов.

К внутренним факторам относятся такие, например, как, самоактуализация и самореализация мигрантов в деятельности (цели, интересы, потребности, ценностные ориентации, мотивы, установки); личностные и демографические характеристики (возраст, пол, и т.д.)^{*}. К внешним факторам - степень принятия проблем мигрантов со стороны принимающего общества, например, социально-экономические условия определенного региона и населенного пункта; возможности получения российского гражданства, официального статуса и прописки; отношение населения, проживающего на территории въезда.

Если на внутренние факторы повлиять достаточно сложно, а некоторые и вовсе невозможно, то на внешние факторы можно, и они зависят в первую очередь от социально-экономических условий развития региона.

В обществе наиболее восприимчивой и мобильной группой является молодежь, которая формирует свое мировоззрение и способная быстрее других

^{*} Выявлению внутренних факторов адаптации мигрантов способствовал проект № 09-03-00491а, реализованный сотрудниками Института философии и права СО РАН и Института экономики и организации промышленного производства при поддержке РГНФ «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» в 2009 году, рук. Г.С. Солодова. Для реализации поставленных задач был проведен экспертный опрос руководителей и активных членов национально-культурных автономий и организаций, руководителей промышленных, строительных и торговых организаций, использующих труд иностранных рабочих-мигрантов в Новосибирской области и непосредственно самих мигрантов из стран ближнего зарубежья. Было опрошено 190 человек.

Проведенный опрос выявил определенные цели, потребности и ценностные ориентации мигрантов и показал, что на исследуемой территории не происходит процесса интеграции мигрантов с принимающим обществом.

усвоить новые взгляды. И то, как данная группа относится к процессам миграции, может повлиять на социальное, экономическое, политическое и культурное развитие города, региона и всего общества.

Цель данной статьи – провести анализ отношения совершеннолетней молодежи к мигрантам, на примере Новосибирской области и Красноярского края, и выявить общие и отличительные тенденции.

Для реализации этой цели используются результаты социологических исследований 2009-2010 годов, непосредственным участником которых была автор статьи*.

Молодежь является инициативной и мобильной, в социальных позициях данной группы формируется отношение индивида отношению к Родине, к окружающему сообществу.

В рамках данных исследований совершеннолетней молодежи Новосибирской области и Красноярского края были заданы несколько вопросов, касающихся их отношения к миграции.

Трудовая миграция в последние годы стала неотъемлемым элементом социально-экономического развития. В этой связи во всех сообществах возникли интенсивные отношения новых групп: коренных жителей – мигрантов; российских граждан – мигрантов; «своих» - «чужих».

Анализ полученных данных показывает, что в Красноярском крае со стороны молодежи сложилось восприятие мигрантов преимущественно как «чужих», «не наших», «не своих» (39,4%), хотя каждый третий опрошенный считает, что это восприятие носит индивидуальный характер, то есть не каждый мигрант чужой (33,3%). Но нет дистанции между местными и мигрантами только у 14,6% респондентов, и не ответили на данный вопрос 12,7% (см. Таблицу 1).

При ответе на вопрос, о том присутствует ли у населения Новосибирской области в восприятии мигрантов такая характеристика как «чужие», «не наши», «не свои» - 54,9% опрошенных ответили «преимущественно да», 18,6% - ответили «преимущественно нет» и 25, 6% - сказали, что «это очень индивидуально» (см. Таблицу 1).

Таблица 1

* Исследование «Оценка населением социально-экономической ситуации в Красноярском крае в 2009 году» проводилось АНО ВПО «Новый сибирский институт» в сентябре 2009 года в Красноярском крае. Объем выборочной совокупности был равен 1800 единицам анализа. Смещение в выборочной совокупности составило в среднем 0,6%, что позволяет сделать вывод о репрезентативности полученных данных.

Исследование «Социальный мир молодёжи» проводилось АНО ВПО «Новый сибирский институт» в августе 2010 года в Новосибирской области. Объем выборочной совокупности составил 500 единиц анализа. Смещение в выборочной совокупности составило $\pm 4\%$, это позволяет сделать вывод о репрезентативности полученных данных.

Распределение ответов на вопрос: «По-вашему мнению, присутствует ли у населения в восприятии мигрантов такая характеристика, как «чужие», «не наши», «не свои»?

(в % от каждой совокупности опрошенных)

Варианты	Опрошенные (молодежь в возрасте 18-29 лет)	
	Красноярский край	Новосибирская область
нет ответа	12,7	0,9
преимущественно да	39,4	54,9
преимущественно нет	14,6	18,6
это очень индивидуально	33,3	25,6

На основе полученных данных можно сделать вывод, что наиболее обострено восприятие мигрантов как инородной группы для молодежного сообщества Новосибирской области. Но при показателях большей лояльности к мигрантам у молодежи Красноярского края, следует иметь ввиду, что здесь ушли от ответа 12,7% респондентов, что в 12 раз выше, чем в Новосибирской области.

Скорее всего, они не относятся к тем, кто позитивно настроен на приход новых групп в свое сообщество. Корни нелояльного в большей степени отношения населения к мигрантам лежат в положении мигрантов в том или ином сообществе. Если положение мигрантов лучше положения местных жителей, это формирует недовольство и неприязнь. Если положение обратное, это формирует у местного населения опасения, что это состояние будет угрожать им, что мигранты в борьбе за улучшение своего положения будут претендовать на ресурсы сообщества. В данном случае на данных рассматриваемых территориях, скорее присутствует вторая тенденция.

По мнению молодежи Красноярского края, приток этнических мигрантов представляет угрозу, опасность для национального развития российского общества, затрудняет сохранение национальных традиций и обычаев. С таким утверждением фактически согласна почти половина опрошенных (47,9%) и только 15,6% не согласны (см. Таблицу 2).

В Новосибирской области же, с таким утверждением фактически согласны 60,6% опрошенных и не согласны только 10,3% (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Некоторые считают, что приток этнических мигрантов представляет угрозу, опасность для национального развития российского общества, затрудняет сохранение национальных традиций и обычаев. Согласны ли Вы с этим?»

(в % от каждой совокупности опрошенных)

Варианты	Опрошенные (молодежь в возрасте 18-29 лет)	
	Красноярский край	Новосибирская область
нет ответа	11,9	0,4
да, полностью согласен	19,7	35,7

отчасти согласен	28,2	24,9
не согласен	15,6	10,3
трудно сказать	24,6	28,7

Очевидно, характер кризиса повлиял на отношение молодежи к трудовой миграции в целом. Так в Красноярском крае только 25,8% респондентов считают необходимым привлекать на предприятия и стройки Красноярского края трудовые ресурсы из других городов и регионов, и 70% опрошенных заняли противоположную позицию (см.Таблицу 3).

В Новосибирской области ситуация несколько иная, так здесь в 2 раза больше опрошенных (52,6%) ответили о необходимости привлечения трудовых ресурсов из других городов и регионов, когда только 26,1% заняли позицию, которая состоит в отказе от привлечения в регион трудовых ресурсов из других городов и регионов (см.Таблицу 3).

Таблица 3

Отношение молодежи к трудовой миграции
(в % от каждой совокупности опрошенных)

Варианты	Опрошенные (молодежь в возрасте 18-29 лет)	
	Красноярский край	Новосибирская область
нет ответа	10,4	21,3
да, нужно	25,8	52,6
нет, не нужно	63,8	26,1

Исходя из полученных данных, можно говорить, о том, что в Красноярском крае и Новосибирской области прослеживаются общие тенденции в отношении восприятия молодежью мигрантов преимущественно как «чужих», «не своих», и в отношении того, что приток этнических мигрантов представляет угрозу, опасность для национального развития российского общества, затрудняет сохранение национальных традиций и обычаев.

В отношении же молодежи к трудовой миграции, в связи с необходимостью привлечения на предприятия и стройки трудовые ресурсы из других городов и регионов, в Новосибирской области в 2 раза больше опрошенной молодежи (52,6%) ответили о необходимости привлечения трудовых ресурсов из других городов и регионов, что позволяет судить либо, о более лояльном отношении молодежи Новосибирской области по отношению к мигрантам, либо о нежелании молодежи работать в определенных отраслях деятельности.

atsuaki@mail.ru

БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ (НА ОСНОВЕ ДНЕВНИКОВОГО МЕТОДА)*

Л. А. Якина

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск)

Бюджет времени одна из важнейших характеристик повседневной жизни человека. Данные о бюджете времени отражают распределение семейных обязанностей, степень родительского участия в воспитании ребенка, соотношение рабочего и досугового времени и т.д.

Материалом для анализа послужили дневники 15 молодых семей, которые заполнялись информантами в течение недели. В зависимости от типа семьи было выделено две модели бюджета времени.

Модель бюджета времени молодой семьи без детей. День молодых семей без детей довольно четко структурирован: подъем, утренняя гигиена и макияж, завтрак, дорога на работу или на учебу, работа, возвращение домой, ужин, свободное время и досуг, сон. Дневниковые записи показывают, что определенные нагрузки по выполнению домашних дел, связанных с уборкой квартиры и приготовлением пищи берут на себя родители молодоженов. Из дневников: «Ужин! Ох, до чего же вкусно готовит свекровь...»; «Завтрак... Спасибо свекрови, все готово!».

Занятия, связанные с уборкой квартиры, покупкой продуктов выполняют молодые супруги вместе. Из дневника: «Пылесосил квартиру, помогал жене с уборкой квартиры».

Характер досуга в молодых семьях без детей складывается под влиянием определенных обстоятельств, но, судя по дневниковым записям, определенного планирования того, как пройдет выходной день или вечер не происходит. Молодые супруги могут пассивно провести вечер, просто заниматься «ничегонеделанием» или смотреть телевизор, играть в компьютерные игры или быть в Интернете, читать книги. Из дневников: «Перекусы бутербродами, сериалы, бесконечный Фэшин ТиВи, MTV мультики, поедание конфет»; «Сериалы, шоу, игра Sims 3, йога, книги. Все в любом сочетании друг с другом и последовательности».

«Внедомашний досуг» в структуре бюджета времени связан с тем, что нередко молодые супруги общаются с друзьями (Из дневника: «пили пиво с друзьями»), ходят в гости к родственникам (Из дневника: «была у крестного в гостях»), гуляют по центру города (Из дневника: «прогулялся с женой по центру»), ходят в кинотеатр, суши бары, посещают спортивные залы, боулинг, играют в «Ночную зону».

В целом структура времени молодой семьи без детей отражает эгалитарный тип отношений. Наиболее общие признаки данной модели можно оха-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда и Правительства Республике Мордовия (грант № 09-03-23302а/В)

рактизовать следующим образом: оба супруга либо работают, либо обучаются, сообща занимаются домашними делами, уборкой дома, покупкой продуктов, ходят в кино, гуляют по городу, просто отдыхают дома. В целом, в молодых семьях без детей складывается вектор «одомашивания» [1]. Бюджетный круг замыкается на оплачиваемой работе или учебе, традиционных досуговых формах, главными из которых выступает отдых дома, общение с друзьями и родственниками, Интернет.

Модель бюджета времени молодой семьи с детьми. Данная модель предполагает трудовую оплачиваемую занятость одного из супругов (обычно мужа), домашние дела и занятость по уходу за ребенком. День мужа в данном типе семьи может складываться по нескольким вариантам. Если место работы мужа территориально находится там, где живет семья, то день структурируется условно по следующему алгоритму: подъем, завтрак, дорога на работу, возвращение домой, ужин, домашние дела, уход за ребенком и досуг, сон. В последнее время крайне распространенной стала практика работы мужчин в других городах, например в Москве, тогда мужчина может отсутствовать от недели до нескольких месяцев, а по приезду домой его день складывается из подъема, завтрака, домашних дел, ухода за ребенком, досуга и сна. Из дневника: *«Сейчас нахожусь в отпуске, но еще недолго осталось, неделька. А вообще работаю, можно сказать – вахта. Вот и стараюсь провести больше времени со своими любимыми женой, дочкой, мамой».*

Распределение времени в течение дня у жены четко структурировано. День складывается из подъема, который зависит от ребенка, завтрака, кормления ребенка, сбора мужа на работу, домашних дел и сна. Дневниковые записи позволили почувствовать, какие систематические перегрузки ложатся на плечи молодой мамы с рождением ребенка. Из дневников: *«Ночь прошла как всегда, раза три встанешь то накормишь, то просто так, укачать. Я уже начинаю привыкать, правда, мне не очень нравится ходить не выспавшись».*

У молодых мам с малолетними детьми крайне мало свободного времени. Условно оно появляется лишь тогда, когда ребенок спит. Обычно в это время, как показали дневниковые записи, мамы читают книги, смотрят телевизор, слушают музыку. Но также занимаются и домашними делами. Вместе с тем, согласно дневниковым записям молодые отцы также живут в напряженном ритме, после работы занимаются домашними делами. Из дневников: *«21.15 – 22.00 – Глажу белье, общаюсь с женой, параллельно смотрю телевизор»; «20.50 – 21.30. – Ремонтирую дверь в ванной. 21.30 – 22.30 – Смотрю телевизор, глажу белье».*

Семейные дела и обязанности молодых родителей не оставляют сил и достаточного времени для активных форм досуга. Поэтому в структуру бюджета времени входят только доступные формы досуга молодых семей, среди которых просмотр телевизора, общение с родственниками и соседями, которые приходят к молодым домой, Интернет. Из дневников: *«Папа занят те-*

перь уже компьютером, похоже надолго»; «14.10 - 14.20 - Укладываю ребенка спать. 14.30 – 15.30 – Интернет».

Матрица жизни молодой семьи довольно четко структурирована по времени и сведена к домашне-ориентированной деятельности. Структура бюджета времени в молодой семье с детьми по своей сути является естественной и неизбежной, с рождением ребенка резко увеличивается гендерный дисбаланс.

По структуре бюджета времени можно судить не только о распорядке дня, распределении времени, но и о качестве жизни молодой семьи, о трудовом и материально-экономическом потенциале семьи, качестве отношений между супругами и родственниками.

Литература

1. Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования, 2009. № 12. - С. 61

kateri02@yandex.ru

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЗНАНИЯ В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН

В отличие от естествознания для исторических наук методология выступает в «двух лицах», одновременно являясь и нормативной и дескриптивной. Цель истории и философии науки - прежде всего, дать верное описание событий прошлого, и это должно быть логически организованное изложение, опирающееся на современные научные методы, но на какие конкретно? Наиболее простое и общее определение методу дал в свое время Р. Декарт: «Под методом я разумею точные и простые правила, строгое соблюдение которых ... постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствуют тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно». [1] К сожалению, набором точных и простых правил не ограничивается даже методология современного естествознания, не говоря уже об исторических науках, где «зыбкость» методологии всегда являлась скорее нормой, нежели исключением.

Историк науки, специализирующийся на исследовании исторического материала глубокой древности не может воспользоваться преимуществами, которые дает метод непосредственного наблюдения, как его коллеги - представители естественных наук, имеющие возможность проводить непосредственные и опосредованные наблюдения и ставить эксперименты. Как отмечает С. Р. Микулинский: «В историографии науки эксперимент применим лишь в редких случаях и только к относительно частным вещам. Например, к проверке работоспособности того или иного предложенного в истории научного прибора, к выявлению состава какого-либо описанного вещества и т. п.». [2]

Строго говоря, историк не может себе позволить и опосредованного наблюдения, т.е. соприкосновение с фактами, представляющими материал исследования доступно для него только через изучение источников. В нашем случае между историком и фактами лежит огромная дистанция длиной более

двух тысяч лет и как принято считать, единственный возможный способ получения информации изучение археологических артефактов, т. е. первоисточников. «Ни один египтолог не видел Рамсеса, - пишет французский историк М.Блок - ...Мы играем роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором он сам не присутствовал...». [3]

Историк не способен как-то влиять на события прошедшей действительности, а также непосредственно контактировать с объектом своего исследования (во всяком случае, в отношении далекого прошлого), но вместе с тем, ему дана власть реконструировать это прошлое, опираясь на современные критерии научного познания. Но и здесь предмет научного исследования накладывает свои ограничения.

Невозможно описать явления далекого прошлого, не нарушив даже два базовых научных критерия об истинности и непротиворечивости знания. Нельзя сказать, что историки повсеместно и грубо нарушают эти основополагающие требования, предъявляемые к результатам познания, но очевидно, что в отношении исторических наук они применимы не в полной мере.

Так, рассматриваем ли мы непосредственные первоисточники или опосредованные данные, или даже исследования других историков, мы в любом случае вынуждены доверять той части информации, которую невозможно перепроверить. Истинность знания в истории не может быть доказана с помощью дополнительной серии экспериментов и подтверждена их результатами. [4] Тоже самое можно сказать и в отношении логической непротиворечивости исторических данных. В случае с Древним Египтом и Месопотамией, мы можем постараться дать непротиворечивое описание языковыми средствами, но систематизировать материал исследования таким образом, чтобы его компоненты не имели внутренних противоречий невозможно.

Проиллюстрируем ситуацию на тривиальном примере с египетскими пирамидами. Около трех тысяч лет до нашей эры были построены эти самые древние архитектурные сооружения человечества, которые до сих пор может осмотреть любой турист, посетивший плато Гизы. Уже для египтян живших в эпоху XVIII-XIX династий, спустя примерно полторы тысячи лет после постройки пирамид, они были глубокой древностью, и вместе с тем до наших дней остается открытым вопрос о технологии строительства пирамид.

По количеству выдвигаемых гипотез эта проблема вероятно может обогнать многие более насущные вопросы современного естествознания, хотя сама постановка проблемы является научной только в сугубо прикладном значении, и ее решение не способно пролить свет на вопрос о существовании теоретического уровня в системе знаний древних египтян. Почему же столь долго и упорно исследователи штурмуют этот частный факт из египетской истории? Ответ найти не сложно: именно потому, что между наглядным фактом существования египетских пирамид и исторической реконструкцией системы знаний древних египтян в области точных наук существует большое количество противоречий. Все они сводимы к главному вопросу: Как, не

имея серьезных достижений в области математики и астрономии, египтяне смогли возвести эти архитектурные сооружения?

Ведь известно, что четыре стороны пирамиды ориентированы в точном соответствии с расположением сторон света: север, восток, юг, запад. Это указывает на тот факт, что уже на заре египетской истории проектировщики пирамид имели четкие пространственные представления, а подобные знания у древних народов формируются, прежде всего, как следствие большого опыта астрономических наблюдений. Или, например, все углы пирамиды почти точно прямые, с отклонениями в доли минут и секунды, что для таких грандиозных сооружений является уникальным фактом сопоставимым разве что с возможностями, которые предоставляют современные инженерно-проектировочные средства. Без существенных успехов в развитии математических дисциплин и, прежде всего, в области геометрии достичь подобной точности в расчетах при строительстве пирамид было бы невозможно.

Подобных противоречий между материально наглядными фактами из египетской и месопотамской истории и современными научными представлениями об уровне точных наук и естествознания в этих регионах очень много.

Задача же исследователя – дать непротиворечивое описание, таким образом, чтобы компоненты систематизированного материала на вступали между собой в отношения противоречия, - становится невыполнимой. Для того, чтобы избежать этих противоречий придется либо игнорировать существование памятников материальной культуры, сосредоточившись лишь на изучении письменных первоисточников, либо, встав на скользкий путь исторической реконструкции «по воображению», изобретать собственные методы, приписывая их на счет древних. Комплексное исследование материала не оградит ученого от внутренних противоречий, но в попытках их разрешения возможно и заключается смысл исторического научного исследования и в любом случае следует осознать, что абсолютно адекватное понимание недостижимо. Очевидно, что процесс исследования исторических документов не может сводиться к следованию некому набору логических схем, в результате применения которых исследователь получает «чистое» объективное знание. И это утверждение будет вдвойне верным в отношении истории протонауки глубокой древности, где отсутствует какая-либо однозначность и информационная согласованность между первоисточниками, опосредованными источниками и явлениями материальной культуры. На этой «зыбкой почве» отсутствия четких научных критериев получения знания, методологические установки исследования выполняют функцию «спасательного круга».

Опираясь на любые методологические установки все же не стоит забывать, что они являются продуктом современных научных представлений и здесь важно не перепутать методологию «внутреннюю», т.е. особенности процесса получения знаний и методов, которые использовались древними народами, и методологию «внешнюю» – т.е. тот набор средств, которым оперирует современный исследователь реконструируя систему знаний древних народов. Именно такое отождествление методологий мы наблюдаем

народов. Именно такое отождествление методологий мы наблюдаем в работах О. Нейгебауэра, когда опираясь на собственные современные познания в алгебре, он в этом же духе интерпретирует вавилонскую математику и не находя близких ему методологических установок в египетской математике, объявляет последнюю безнадежно «примитивной».

Между нормативной протонаучной методологией древних народов и современной дескриптивной историко-научной методологией не может быть непосредственных прямых преемственных связей, и пытаюсь постулировать некое методологическое тождество мы совершаем ничем не оправданный скачок через несколько тысячелетий развития науки и научной методологии.

Создатели трудов по истории и философии науки совершенно напрасно игнорируют древнейший этап развития естествознания и точных наук, как несущественный и никак не повлиявший на формирование такого сложного социально-культурного явления как наука вообще и современная наука в частности. Мы попытаемся детально рассмотреть те проблемы, которые связаны с исследованием древнейшего культурного наследия в области естествознания и точных наук, а также обосновать идею о концептуальной значимости этих исследований для философии науки в целом.

Источники, как и наблюдения, могут быть непосредственными и опосредованными. Так если мы изучаем творчество Аристотеля, то его сочинения будут являться для нас непосредственными источниками или выражаясь иначе первоисточниками. Если же мы исследуем естествознание и точные науки древнего Египта, то сведения, которые мы сможем почерпнуть на эту тему у античных авторов, будут являться опосредованными источниками. Информация, получаемая «из вторых рук» всегда менее предпочтительна, однако это не значит, что она не заслуживает внимания. Сохранилось катастрофически мало первоисточников из древнего Египта в области естествознания и точных наук. В связи с этим обстоятельством наиболее низкой оценки удостоены египетская математика и астрономия. Вслед за профессором О. Нейгебауэром этой линии придерживаются большинство авторов, пишущих о достижениях древних египтян в области точных наук. Предмет изучения в данном случае – всего лишь несколько неполных папирусов, в отношении которых так и не установлено, чем же они являлись для египтян: научными трудами, учебными пособиями для начальной школы или практическими руководствами для чиновников и строителей. Совсем иную оценку достижений египетских математиков и астрономов мы находим в сочинениях античных авторов. Упоминания о египетской науке в этих опосредованных источниках многочисленны, но к сожалению не содержат развернутых описаний системы знаний египтян. Так, например, веский аргумент противников существования «египетской астрономии» можно сформулировать в виде следующего вопроса: Почему Птолемей, который жил и работал в Египте в своем «Альмагесте» приводит данные вавилонских астрономических наблюдений, но ни разу не ссылается на данные египетских наблюдений? И действительно, Птолемей создал свой «Альмагест» по сведениям историков около 150 г.

н. э. [5] Фонды Александрийской библиотеки, которые к тому моменту еще не были уничтожены, были для него вполне доступны и там «по логике вещей» должны бы были храниться данные египетских астрономических наблюдений, если таковые существовали, и тем не менее Птолемей в «Альмагесте» никак их не упоминает.

Попытаемся выдвинуть контраргумент. Птолемей использовал в своей работе очень большое количество данных наблюдений, относительно которых он не дает никаких ссылок, но вместе с тем они не могли быть его собственными, так как имеют гораздо более раннее происхождение. Исследователи «Альмагеста» до сих пор по крупицам выявляют эти неизвестные источники данных Птолемея, проводя сопоставления текста с текстами имеющихся папирусов, и иногда не безуспешно. Пример такой попытки сопоставления можно обнаружить в работах А. Джонса. [6] На основании изучения им папируса Оху.LXI 4133, А. Джонс делает вывод, что одним из неизвестных источников Птолемея были данные наблюдений Юпитера из рассматриваемого папируса. К сожалению, возможности подобной идентификации ограничены из-за отсутствия достаточного количества первоисточников. Причины пробелов указания источника данных в «Альмагесте» могут быть различными. Птолемей, будучи сам египтянином по каким-то причинам не нашел нужным делать ссылки на египетские источники, указав лишь на данные иноземного происхождения. Каковы бы ни были причины, обвинения в плагиате, предъявляемые Птолемею современниками также не основательны, так как этика написания научных работ, как и критерии отбора материала во времена Птолемея могли существенно отличаться от современных требований. [7] Помимо этого, сочинение известное нам под названием «Альмагест», дошло до современников не в виде первоисточника, а в средневековых арабских переводах и по поводу возможных искажений первоначального текста в научном мире все еще ведутся оживленные дискуссии.

Значимость опосредованных источников информации обычно не принимается во внимание и вместо того, чтобы признать тот факт, что нам в сущности ничего не известно об астрономии и математике Древнего Египта, отрицается сама возможность существования познавательной активности в долине Нила.

Литература

1. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Изд-во полит. лит, 1950.–С.89
2. Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. – М: Наука, 1988. – С. 79
3. Блок М. Антология истории или ремесло историка. – М: Наука. 1973.–С.30
4. См. Родный Н. И. Очерки по истории и методологии естествознания. – М: Наука, 1975. – С. 317–335
5. Бронштэн В. А. Клавдий Птолемей. – М: Наука. 1988. – С. 14

6. См. Jones A. A Likely Source of an Observation Report in Ptolemy's Almagest. // Archive for History of Exact Sciences. – Springer-Verlag, 1999, Vol. 54, num. 3. – P. 255–258; а также Jones A. Astronomical Papyri from Oxyrhynchus. – Philadelphia: Memoirs of the American Philosophical Society 233, 1999.

7. Подробно по этому вопросу см. статью Литовка И.И. «Альмагест» Птолемея: дискуссия о подлинности. // Философия науки. – 2004, № 2 (21) – С. 85–98

proton@philosophy.nsc.ru

СТРУКТУРНЫЙ ВАРИАНТ ОСНОВНОГО АРГУМЕНТА В ЗАЩИТУ РЕАЛИЗМА

Д. С. Ходяков

Институт философии и права СО РАН

Невероятная успешность современной науки и современных нам научных теорий ставит перед нами вопрос: почему наука так успешна? Потому ли, что нам удалось ухватить истину за хвост, и современные нам теории описывает (пусть и довольно неточно) реальный, существующий объективно, независимо от нашего сознания внешний мир? Или это просто случайность, или..? В течении всего XX века кипели споры между реалистами и инструменталистами, эмпирицистами и конвенционалистами [2].

Самым сильным аргументом в поддержку реализма можно спокойно называть так называемый "no miracles argument" (NMA, «чудеса не принимаются»). Наибольшую известность этот аргумент получил в формулировке Хилари Патнэма «Позитивным аргументом в пользу реализма является то, что это единственная философия, которая не эксплицирует успех науки как чудо.» [5, p.73] Или, другими словами: успешность наших лучших научных теорий может объяснена только тем, что эти теории либо истинны, т. е. описывают объекты и отношения между ними именно так, каковы они есть на самом деле (в реальности), либо они истинны приблизительно (хотя и с высокой вероятностью).

В настоящее время научный реализм, по-видимому, является единственной достаточно респектабельной онтологической платформой, пригодной для адекватной трактовки содержания научного знания. Число сторонников, круг решаемых вопросов и уровень исполнения говорят о том, что научный реализм является доминирующей доктриной в области анализа проблем философско-методологического обеспечения научного знания(см. например [1]).

Вместе с тем, NMA плохо совместим с основным аргументом против научного реализма: «pessimistic meta-induction» (PMI, пессимистическая мета-индукция). Пессимизм следует, по выражению Ларри Лаудана, из представления о том, что с точки зрения будущих исследований мы должны критически относиться к объектам, постулируемым теориями сейчас, возможно, эти

объекты не существуют, и мы откажемся от них в будущем [4]. Или, как сформулировал это Х. Патнэм: «Поскольку никакие из терминов, использованных в науке в течение более пятидесяти (или около того) лет, не имеют референтов, то может оказаться, что и никакие из терминов, используемых сейчас (за исключением терминов наблюдения, если такие вообще есть), также не имеют референтов». [6, p.25]. В качестве примеров можно привести флогистон, теплород и эфир.

Джон Уорралл предложил соединить два столь разных мира, предложив свой вариант решения этой проблемы: структурный реализм[7]. По сути, Дж. Уорралл заменил NMA на свой вариант: теории успешны не потому, что они (приблизительно) истинны, а потому, что они (приблизительно) истинно описывают отношения между объектами реального мира, часть из которых недоступна для наблюдения (возможно, принципиально).

Однако спасает ли эта замена NMA на его структурный вариант от другого возражения, выдвинутого Басом ван Фраассеном: «Я утверждаю, что успех современных научных теорий не является чудом. Он не удивителен даже для учёного, придерживающегося дарвинистского подхода. Любая научная теория рождается в жёсткой конкуренции, как в джунглях, где побеждает сильнейший. Только успешные теории выживают – такие, которым действительно удаётся зафиксировать присутствующие в природе закономерности.» [3, p.40]

Таким образом, Б. ван Фраассен предлагает рассматривать развитие науки по аналогии с биологической эволюцией. Современные нам теории прошли суровый отбор, выдержав жесточайшую конкуренцию со стороны множества канувших в Лету альтернатив, и давление отбора было направлено в сторону успешности.

Однако, как пишет Стасис Псиллос [6, p.93-94], предложенный Б. ван Фраассеном способ объяснения хоть и прекрасно объясняет почему существуют успешные теории, но совсем не объясняет почему эти теории успешны.

На мой взгляд, несмотря на то, что успешность совсем не означает истинного описания объективной реальности, успешная теория приблизительно верно описывает отношения между объектами — иначе она не смогла бы быть успешней своих альтернатив. Таким образом, структурная версия NMA вполне годится в качестве лучшего аргумента в защиту структурного реализма.

Литература

1. Головкин Н. В., 2007. *Картина мира и методологический реализм: теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки*. Новосибирск: Параллель.
2. Пассмор, Джон. Современные философы. – М.: Идея-пресс, 2002
3. Fraassen, B. C. Van, 1980. *The Scientific Image*. Oxford: Oxford University Press.

4. L. Laudan. A confutation of convergent realism. *Philosophy of Science* 48: 19–49. 1981
5. Putnam, H., 1978. *Meaning and the Moral Sciences*. London: Routledge & Kegan Paul.
6. Psillos, S., 1999. *Scientific Realism: How Science Tracks Truth*. London: Routledge.
7. J. Worrall. Structural realism: The best of both worlds? *Dialectica* 43: 99–124. 1989

gest@ngs.ru

КАК ВОЗМОЖНА ИРОНИЧЕСКАЯ НАУКА*

Н. В. Головкин

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

Прежде чем проиллюстрировать возможность иронической науки, закрепим план изложения материала. Мы начнем с краткой иллюстрации того, с какими проблемами сталкивается современная физика. В частности, приведем ряд примеров, иллюстрирующих то, что требование математической согласованности физической модели явления способно, в определенном смысле, расширить традиционное представление об эмпирической успешности научного знания (хорошая теория должна делать проверяемые предсказания). Мы остановимся на иллюстрации свойства T -дуальности, характерного для многих моделей теории струн, а также на примере кинематики гипотетического «планкеонного эфира» (гипотетической феноменологической модели вакуумоподобной среды в которой, в частности, удовлетворительное объяснение получает такое явление как расширение Вселенной). Следующий вопрос, который мы рассмотрим, можно сформулировать как: «Чем, в данном случае, может помочь философия?». Здесь мы остановимся сразу на нескольких элементах того, что в дальнейшем, возможно, послужит основанием некоторого общего представления о сути иронической науки, о характере ее теорий и описываемых объектов. В частности, будут затронуты вопросы, касающиеся проблемы построения натурализованной метафизики, отвечающей представлению об ироническом характере знания, а также интерпретации проблем недоопределенности теории данными, объективности и развития теории в области иронической науки. В заключении будет отмечено, что при

* Тезисы представляют собой расширенный план версии одноименного доклада, прочитанного на Ежегодной конференции по философии науки в Международном университетском центре г.Дубровник (Хорватия), 12-16 апреля 2010г.

ближайшем рассмотрении развитие иронической науки может подчиняться, в определенном смысле, расширенной гипотетико-дедуктивной модели, в которой направляющим требованием выступает не столько эмпирическое подтверждение или фальсификация теории, сколько подтверждение посредством выдвижения определенного теоретического принципа (например, преобразование симметрии), способного привести к более адекватному (связному, широкому, обладающему большим эвристическим потенциалом) пониманию теоретической картины явления.

В свое время Дж.Хорган провозгласил конец эмпирической науки, апеллируя к тому, что математика давно вытеснила физику (эксперимент с позиции, определяющей представление о прогрессе научного знания (эксперимент перестал быть движущей силой научного прогресса) [1]. Как отмечает Р.Дэвид: «Прогресс в фундаментальной физике больше нельзя представлять как последовательность замкнутых физических теорий, описывающих каждая свою область исследований (“Механика Ньютона – СТО – ОТО” – *Н.Г.*). Скорее можно говорить о поиске новых аспектов одной общей теоретической схемы, чья общность укладывается в обыденное представление о Теории Всего и чья комплексность полностью разрушает представление о возможности закончить ее хотя бы в обозримом будущем» [2]. Подчеркивая развивающийся иронический характер современного фундаментального естествознания Р.Дэвид пишет: «Значение обнаружения наблюдаемого явления необычайно принижено. В частности, можно отметить следующие факторы, которые косвенно ответственны за это: 1) Физика элементарных частиц потеряла свою прямую связь с техническим прогрессом; 2) Явления, находящие объяснения в рамках физики элементарных частиц, являются значимыми исключительно в контексте конкретных теорий; 3) Стремительно увеличиваются технологические трудности воспроизводства явлений, анализируемых физикой элементарных частиц; 4) Неограниченно возрастает уровень абстрактности и сложности соответствующих теорий; 5) Эксперимент перестает быть основной движущей силой научного прогресса» [там же].

Какими соображениями можно было бы дополнить то, что уже было отмечено, в частности, Дж.Хорганом и Р.Дэвидом? Во-первых, разговор от «конце эмпирической науки» может не выглядеть чересчур трагично, если допустить, что в определенных случаях традиционную гипотетико-дедуктивную схему развития научного знания можно дополнить каким-то методологическими соображениями, учитывающими теоретический, фундаментальный характер проводимых исследований. Фундаментальное научное знание всегда было в достаточной мере опосредовано теоретическими представлениями и сам факт того, что его обоснование сталкивается с эмпирическими трудностями, не может вызывать особого удивления. В данном случае, речь не идет об отрицании гипотетико-дедуктивной модели или исключении из науки так горячо любимого многими «эмпирического духа» исследования. Речь идет о ситуации, когда вместо «эмпирических данных» дедуцируемое из теории (гипотезы) следствие будет проверяться только на основании «теоре-

тических аргументов», а именно о такой ситуации и идет речь, когда мы говорим, например, о структурно однозначной теории [3]. Находясь в рамках иронической науки, мы не можем просто сказать, что «ненаблюдаемый» объект существует, поскольку теория истинна, мы просто не можем говорить об истинности «наблюдаемых» предсказаний. В то же время, будучи уверенными, что в настоящее время большинство физиков, работающих в области физики высоких энергий, все таки являются настоящими учеными, нацеленными на то, чтобы раскрыть «тайны Вселенной», мы *обязаны* предположить и рассматривать ироническую науку именно как специфический вид стандартно понимаемой науки.

В качестве наглядных примеров, демонстрирующих вполне научный и, в то же время, выделенный характер иронической науки рассмотрим преобразование T -дуальности в теории струн и свойство инвариантного покоя «планкеонного эфира» в модели дискретно-непрерывной структуры пространства-времени. Не существует принципиальной возможности «проверить», в традиционном эмпирическом смысле, ту или иную модель, связанную преобразованием T -дуальности. По определению, преобразование T -дуальности связывает две модели: модель в которой длина струны – l , количество оборотов – n , «радиус» измерения – R и момент – m , и модель, в которой количество оборотов – m , «радиус» измерения – l^2/R и момент – n [4]. Под свойством «неразличимости», в данном случае, понимается то, что все результаты проверки теории на определенных масштабах будут «эквивалентны» проверки теории как на масштабах «более мелких», так и – «более крупных». Те, кто помнят школьную физику, могут вспомнить пример эквивалентности описания систем, в которых рассматриваются механические маятники с пропорциональными соотношениями длины и веса (это простейший пример T -дуальности). Одним из наиболее примечательных свойств модели дискретно-непрерывной структуры пространства-времени является инвариантный покой фундаментальной среды [5]. В данном случае, этот пример хорош тем, что принципиально не допускается возможность эмпирически «выйти за пределы» области исследований, которую очерчивают релятивистская квантовая механика и общая теория относительности. Объяснение «наблюдаемого» явления расширения Вселенной использует теоретический объект, который принципиально является «ненаблюдаемым».

Чем в данном случае может помочь философия? Какими с точки зрения философской теории должны быть объекты и теории иронической науки. На наш взгляд, необходимо отметить, по крайней мере, следующие вещи. Во-первых, нужно зафиксировать объект иронической теории, во-вторых, показать принципиальную возможность развития такой теории, т.е. изменения представления об объекте, а, в-третьих, закрепить конкретную модель развития теории, которая бы отвечала общей цели нашего анализа, – представить ироническую науку, как своего рода вырожденный случай нормальной науки.

Что можно сказать о статусе объективности объекта иронической теории (струны)? В свое время Б.Тэйлор предложил один из возможных подходов к интерпретации объективности в терминах интересубъективности с использованием термина «возможная эпистемологическая точка зрения» [6]. Очевидно, объект (струна) схватывается конкретной моделью теории, в которой он описывается (например, моделью в которой длина струны – l , количество оборотов – n , «радиус» измерения – R и момент – m). Эта модель и есть одна из возможных «эпистемологических точек зрения». Один из ключевых моментов построений Б.Тэйлора – необходимость наличия нескольких «принципиально различных» «эпистемологических точек зрения» (человек, Бог, марсиане). На наш взгляд, различные модели теории струн можно отождествить с различными «эпистемологическими точками зрения». Стоит отметить, что даже такое необычное отношение эквивалентности, как T -дуальность, по видимому является лишь одной из многих симметрий открытых в теории струн к настоящему времени. Теория струн не закончена, но уже сейчас мы понимаем разницу в том, насколько могут отличаться выразительные способности «более крупных» и «более мелких», с эмпирической точки зрения, моделей. И то, что эти модели, с эмпирической точки зрения, принципиально неразличимы, как раз указывает на то, что они могут быть различными «эпистемологическими точками зрения». Объект принимает подлинный объективный статус, если существует в различных «эпистемологических точках зрения». Те объекты, относительно которых удалось показать, как они объясняют явления в других моделях «награждаются» объективным статусом.

Почему объекты иронической теории будут обладать дополнительным содержанием? В общем случае предполагается, что объект научной теории обладает дополнительным содержанием, т.к. теория недоопределена эмпирическими данными. Как можно представить «теоретическое дополнительное содержание», которым, очевидно, должны обладать объекты иронической теории? Следуя Г.Рейхенбаху, выводимый объект второго рода уже по определению является неэмпирическим теоретическим объектом [7]. Что такое выводимый объект второго рода для струны? Выводимый объект второго рода должен иметь внутреннюю проекцию, которая связывает его с исходным «эмпирическим» объектом. Здесь в качестве «исходного» объекта будем понимать саму струну, а в качестве «выводимого» – конфигурацию, которая будет существовать на другой модели, и которая (например, в силу T -дуальности) будет отвечать исходной. Следуя приведенным соображениям о различности «эпистемологических точек зрения», объекты иронической теории также могут иметь дополнительное, но теперь уже «теоретическое», содержание.

Отличительная особенность научного знания заключается в том, что развитие собственно научных теорий можно представить как развитие исследовательских программ. Согласно Л.Лаудану эта последовательность исследовательских программ (теоретических ядер) также должна «сходиться» [8]. Что можно сказать о сходимости различных моделей теории струн? Во-

первых, все модели теории струн являются частными моделями одного «струнного подхода» к описанию реальности. Данное обстоятельство задает уверенность в том, что, по крайней мере, о критерии «сравнения моделей» можно говорить осмысленно. Во-вторых, связав каждую модель с соответствующей «эпистемологической точкой зрения» мы можем закрепить методологический критерий сравнения двух моделей. Различные «эпистемологические точки зрения» можно эмпирически сравнивать, если перейти к натуралистической перспективе. В ее рамках все, что подразумевается под «эпистемологической точкой зрения» укладывается в понятие «выразительные возможности» теории (в данном случае, анализируемой модели) [9]. В качестве критерия «сходимости» можно, например, закрепить представление о том, что новая модель должна давать более аккуратное теоретическое объяснение явления.

Таким образом, ироническая наука возможна. Ее развитие подчиняется, в определенном смысле, расширенной гипотетико-дедуктивной модели, снабженной соответствующими представлениями об объектах и теориях (моделях). Отметим, что необходимым элементом приведенных построений, в первую очередь, является натуралистическая перспектива. Ироническая наука так и останется «пустой», пока мы не согласимся с тем конкретно-научным методом исследования, который полагается абсолютно достоверным с точки зрения большинства физиков, работающих в области физики высоких энергий в настоящее время.

Литература

1. Хорган Дж. *Конец науки*. М. Амфора, 2000
2. Dawid R. Underdetermination and Theory Succession from the Perspective of String Theory, *Philosophy of Science*. 73 (2006): 298–322.3. См., например, Головкин Н.В. Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: метафизические и инструментальные ограничения – I, *Философия науки*, 3 (2007): 3–40.
4. Zwiebach B. *A First Course in String Theory*. CUP, 2004.5. Копухов В.В. *Фундаментальные постоянные и структура пространства-времени*. Новосибирск: НГУ, 2002.
6. Taylor B. *Models, Truth and Realism*. OUP, 2006
7. Reichenbach H. *Experience and Prediction*. Univ. of Chicago Press, 1970.8. Laudan L. *Beyond Positivism and Relativism*. Westview. 1996
9. См., например, Головкин Н.В. *Картина мира и методологический реализм*. Новосибирск: Параллель, 2007.

golovko@philosophy.nsc.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ БИОЛОГИИ

Р. Б. Баяндин

Институт философии права СО РАН

1. В последние десятилетия биологи и философы науки говорят о необходимости нового синтеза в исследованиях эволюции. Эволюционная биология развития (ЭБР) стремится ответить на этот вызов, объединив в себе объяснительные парадигмы, используемые эволюционной биологией и популяционной генетикой, которые базируются на анализе «первопричин» (по Эрнсту Майру) с генетикой развития, предполагающей механистический подход в понимании истоков структуры организмов как непосредственных причин в форме молекулярных и клеточных механизмов. И вопрос, конечно, стоит не просто об интеграции, но о создании новой понятийной и методологической базы, которая сможет сама породить в себе новые исследовательские программы.

2. ЭБР – это междисциплинарный проект, в рамках которого многие исследователи осознают, что новый синтез возможен, прежде всего, на основе теоретических построений, а не только на новых данных [4]. В то же время именно ЭБР позволяет нам надеяться на прорыв в области восстановления и выращивания утраченных органов, а также в деле понимания, предотвращения и лечения рака, что имеет значительную важность для медицины и любого человека.

3. ЭБР опирается на четыре основания: эксперименты на эмбрионах животных, изучение мутантов (*hopeful monsters*), открытие регулирующих генов и палеонтологии. Само же поле ЭБР представляется как конгломерат разных идей, выдвигаемых для объяснения макроэволюции и соотношения «генотип-фенотип». Суть проблемы можно упростить до заявления: пока мы не понимаем сам организм, его регуляцию нет смысла в упрощенных моделях (подобно случайным мутациям в стандартной эволюционной теории) [2].

4. В качестве общих направлений ЭБР мы бы выделили три.

Во-первых, общим местом является указание на то, что любые макроизменения, эволюционные инновации обязательно «доделываются» на микроуровне. Во-вторых, для большинства исследователей характерна сосредоточенность на идее «сальтационной» эволюции, т.е. теории о быстрых макроизменениях без переходных форм. В-третьих, важно отметить попытку сознательно ввести в методологический инструментарий категории, подразумевающую информационную, интеллектуальную и даже телеологическую деятельность (как например, рекрутирование генов, перепрограммирование, эволюция как творческий процесс, «генетический инструментальный ящик», обязательная постулируемая исходная сложность общего предка и т.д.).

5. Все эти три направления реализуются в нескольких исследовательских программах.

Компаративная программа. Она важна для постановки новых вопросов и оснований для дальнейших исследований. К тому же компаративная программа позволяет ЭБР иметь дело с детализированным филогенезом, это необходимо для создания объяснительных гипотез.

Экспериментальная программа. Эта программа продолжает традицию экспериментальной эмбриологии и физиологии развития, однако теперь главный фокус лежит на изучении механизмов развития. Именно благодаря ней были обнаружены мастер-гены, т.е. гены, отдающие команду на формирование конкретного органа (например, ген глаза *Rax-6* или ген сердца *Tipman*). Что удивительно: мастер-гены совершенно одинаковы и у насекомых, и у позвоночных, в то время как другие гены (рабочие гены), кодирующие детали форм глаза или сердца, различны.

Программа ЭБР генетики. Фактически это самая наглядная часть ЭБР. Эти исследования, направленные на изучение генетических компонентов развивающихся систем, начались с открытия *NOX*-генов [5]. В рамках этих исследований и был создан концепт «генетический инструментальный ящик», т.е. идея о наборе регулятивных элементов, которые вовлечены в развитие главных черт и органов тел животных.

Теоретическая и вычислительная программы. Эта часть ЭБР наиболее известна как разработка формальных и математических подходов в добавление к более строгим, давно признанным концептуальным идеям. Теоретическая программа особенно важна, т.к. несет возможность концептуальной унификации различных экспериментальных подходов. Она также представляет собой дисциплинарный противовес программе эволюционной генетики развития. Разница между ними – не просто в семантике, они опираются на разные эпистемические допущения и объяснительные схемы. Биологи развития больше интересуются в структурных и типологических объяснениях, базирующихся на молекулярных и клеточных механизмах, в то время как эволюционные биологи фокусируются на динамических процессах на уровне популяции и вида. Теоретическая работа также позволяет добавлять в изучение развития новые методы и представления.

6. Мы рассмотрим проблему концептуального синтеза на примере проблемы объяснения эволюционных новшеств. Эта проблема является теоретико-методологической проблемой, а не проблемой конкретных исследований. Чтобы разрешить этот момент мы должны, прежде всего, проблематизировать сами понятия – что такое «эволюционное новшество»? Здесь мы имеем два разреза проблемы. Проблема «что считать новым?» Мы должны решить как определить, что данное изменение является (качественно или по степени) новым по отношению к прежним чертам. Ведь как компаративный анализ (сравнение морфологии или генов), так и анализ последствий изменения (анализ физиологии, поведения и т.п.) будут оперировать уже имеющимися концептуальными определениями что считать новым, изменением, полезным, второстепенным и т.д. Проблема «что считать именно эволюционным новшеством?». Обычно под эволюционным новшеством мы понимаем род по-

лезного приобретения для вида, а значит, нам необходим критерий такого качества. Затруднение состоит в неизбежном антропоморфизме и историзме наших представлений о таких приобретениях. Очевидно, что в качестве эволюционных новшеств мы рассматриваем только то, что обладает неким значением: для адаптации, выживания, т.е. суть нечто полезное и рациональное. Таким образом, мы переносим свои (чисто человеческие) понятия о пользе и рациональности на природу. Но всегда ли правомерно? Следуя идеалу постклассической науки, мы должны осознавать подобные методологические установки. Суть подобных проблематизаций состоит, конечно, в том, что мы должны осознавать и учитывать подобные затруднений, но никак не в отказе от проектов и исследований.

7. Сегодня мы определенно знаем, что новые черты не возникают просто вследствие появления новых генов или рекомбинации старых. Однако долгое время сама возможность наличия идентичных генов у неродственных организмов считалась бесполезной, если не бредовой. Открытие общих регуляторных генов (мастер-генов) привело к созданию концепции «генетического инструментального ящика» (genetic toolkit). Оказалось, что у эволюции для создания новых форм едва ли не изначально был стандартный набор инструментов. А ведь в рамках стандартной эволюционной теории бытовало мнение, что для всякого новшества эволюция создает и новые условия, т.е. новые основания для существования. Это оказалось не так.

Как же тогда современная генетика отвечает на вопрос: что отвечает за очевидную разницу между организмами и, следовательно, за возникновение новых структур в ходе эволюции? Ответ ЭБР вкратце таков – эта разница заключается в развивающих системах организмов и в специфических изменениях, происходящих в регулятивных сетях генов. Иными словами, один и тот же механизм отвечает как за дифференциацию клеток в ходе онтогенеза особи, так и за возникновение различий в ходе эволюции, т.е. в филогенезе [8, с. 146]. Такой ход мы могли бы заимствовать из философии: довольно часто (даже на интуитивном уровне) нам понятно, что механизмы кратких процессов отвечают также и за формирование более долгих циклов и процессов. В философских системах мы можем найти более подробные методологические и систематические разработки таких ходов, особенно в диалектике. Диалектика, начиная с Гегеля, дала весьма добротные и полезные инструментальные понятия для описания и объяснения диалектики единичного и всеобщего, частного и общего, конкретного и абстрактного, уникального и универсального. Конечно, для большей обоснованности такого заявления можно попробовать приложить эти схемы к какой-либо теоретической проблеме.

8. Выход из ряда тупиков, на наш взгляд, не только с созданием новых понятий и подходов, но и в осмыслении границ и переходов между понятиями, в диалектическом переосмыслении концептуальных оснований. Иными словами, нужно также осознать тот момент, что ограничения и нехватка понимания – это также позитивные условия исследования. Дело в том, что иногда противоречия оказываются лишь «кажущимися» из-за наших понятий – как в

случае с генетикой (новизна не в новых генах или их рекомбинациях), или с идеей регуляции (которая вовсе не противоречит изменениям, а напротив, участвует в них).

9. В этом и состоит суть науки – мы узнаем больше, и нам приходится пересматривать наши прежние представления – не только факты и их объяснения, но и формирующие их теоретические конструкции. Таким образом, пересмотр таких теоретических конструкций может дать положительный прирост в фактическом знании науки. На наш взгляд, перед биологией сегодня стоит трудная задача: в рамках одного поколения ученых требуется пересмотреть свои «парадигмальные установки», т.е. провести очень качественную работу над своим умом, его содержаниями. Философия науки может указать нам путь, дать необходимые знания и методы, но, увы, она не может за самих ученых произвести переворот.

Литература

1. *Burian R.M.* The Epistemology of Development, Evolution, and Genetics. New York: Cambridge University Press. 2004.
2. *Hall B.K.* Evo-devo or devo-evo – does it matter? *Evolution and Development* 2, no. 4: 177–78. 2000.
3. *Muller G.* Evolutionary developmental biology. *Handbook of Evolution*. Editors F. M. Wuketits, and F. J. Ayala, Vol. 2, 87–115. Weinheim: Wiley-VCH. 2005.
4. Воробьева Э.И. Evo-devo и концепция эволюции онтогенеза И.И. Шмальгаузена // *Известия РАН. Сер., Биологическая*. М.: Наука, 2003. – С. 141-148.
5. Доказательства Эволюции. Сборник под ред. А.В. Маркова. 2010г. – Электронный ресурс: www.evobiol.ru/evidence.htm (дата обращения 6.10.10.).

romb@ngs.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Д. В. Винник

Институт философии и права СО РАН

Большинство концепций в философии сознания были созданы для решения тех или иных достаточно узких философских проблем. В этой области аналитической философии немного доктрин, обладающих уровнем полноты, достаточным для более-менее удовлетворительного решения большинства проблем в этой области. По этой причине представляется целесообразным рассмотреть основные философские проблемы в этой области и обозначить конкурирующие концепции и точки зрения относительно этих проблем. Следует отметить, что большинство перечисленных ниже проблем представляют

собой, скорее, не трудноразрешимые противоречия между различными теоретическими положениями, а некие фундаментальные вопросы, потребность в ответе на которые имеет большую значимость как для философии, так и для науки. Все проблемы, в той или иной степени, логически и содержательно связаны между собой. По этой причине актуальной представляется задача изучения теоретической совместимости философских концепций, определяющих себя относительно разных философских проблем. Выполнение этой задачи позволит более четко обозначить проблемное поле философии сознания и эпистемическую карту этой области философского знания как множества различных теоретических утверждений.

Психофизическая проблема является, пожалуй, одной из самых древних философских проблем. Вопрос о первичности сознания или материи остается до некоторой степени актуальным, однако в современной форме проблема обычно формулируется не как вопрос о соотношении материальной и духовной субстанций, а как проблема соотношения психических и физических свойств, психических и физических событий и состояний. *Теория тождества свойств* (type identity theory) или редуктивный физикализм утверждает тождество физических и ментальных свойств и состояний. К ее сторонникам следует отнести Х.Фейгеля, Д.Смарта, Д. Льюис и Д. Армстронга. *Теория тождества событий* (token identity theory) или нередуктивный физикализм отрицает тождество физических и психических свойств и состояний, хотя признает тождество физических и психических событий. Сторонниками теории тождества событий относятся Д. Дэвидсон, Я.Ким, Д.Чалмерс, психофизиолог Р. Сперри. Также к сторонникам этой теории с некоторыми оговорками можно отнести В.И. Ленина и А.М.Деборина. *Двухаспектная теория или нейтральный монизм* основывается на точке зрения, что ментальные и физические свойства являются аспектами или типами свойств субстанции или множества событий, природа которых носит ни ментальный, ни физический характер. К сторонникам этой теории обычно относят Б.Спинозу, Г. Фехнера, Г.Х.Льюиса, Э.Маха, В.Джемса, В. Холта, Б.Рассела, Дж. Дьюи, П. Стросона и Т.Нагеля.

Проблема онтологической природы чувственных данных (кволий) также имеет давнюю историю и глубокие метафизические корни, корчевание которых приносит временное удовлетворение. Как известно, выделение феноменов в самостоятельную онтологическую категорию восходит к античным скептикам. Существуют философы, полагающие, что решение психофизической проблемы зависит от ответа на более фундаментальный вопрос, какова природа такой категории ментальных свойств, как чувственные данные. Следует отметить, что, поскольку природа ментальных свойств явно или эксплицитно определяется относительно свойств физических, эта проблема в действительности является не более чем иной формулировкой проблемы психофизической. Наиболее известным способом решения этой проблемы является *субстанциальный дуализм*. Единственным известным сторонником субстанциального дуализма является Р. Свинберн и Р. Адамс. Согласно концепции

дуализма свойств (атрибутивного дуализма) физические и психические свойства являются самостоятельными онтологическими категориями свойств, не сводимыми друг к другу. Дуализм свойств преподносит себя как онтологический монизм: существуют только физические объекты, некоторые из которых обладают как физическими, так и психическими свойствами. К сторонникам дуализма свойств можно отнести всех сторонников двухаспектной теории и большинство сторонников теории тождества событий. *Дуализм предикатов* (известны также версии *лингвистического дуализма* и *эпистемического дуализма*) отрицает существование чувственных данных как самостоятельных сущностей, переводя проблему их онтологической, в эпистемическую, а еще более конкретно – в логико-лингвистическую плоскость. Согласно этой концепции, предикаты, которые мы используем для описания психических свойств и состояний существенны для полного описания мира и не могут быть переведены (или редуцированы) к физическим предикатам. К сторонникам этой концепции можно отнести Ф.Брентано, также ее разделяют Дж. Фодора и Д. Дэвидсон. Сторонники концепции *интернализма* полагают, что источник чувственных данных находится внутри субъекта. Интерналистскими являются теория *репрезентации*, которую разделяли Д. Мур и Б. Рассел и теория *чувственных данных*, к создателям которой являются Г. Анскомб и Я. Хинтиikka, а сторонники: Д. Льюис, Г. Харман, С.Шумахера, М.Тай и Т. Крэйн. Сторонники *экстернализма* убеждены, что источник чувственных данных лежит исключительно во внешнем мире. В нем относятся Ф. Дрекке, В. Ликан Т. Хондрих и Д. Деннет. Так же экстреналистами являются сторонники теории производной (объективной) интенциональности. Г. Харман и М. Тай.

Проблема генезиса сознания является философской проблемой, обладающей большим значением для естественных наук, в первую очередь — для биологии. Строго говоря, следует различать естественнонаучную и философскую постановки этой проблемы. Для биологии важно решение вопроса о проведении границы между биологическими видами, обладающими сознанием (интеллектом, рефлексией и прочими психическими функциями) и не обладающими им. Недавно опубликованная работа биологов Л. Читка и Дж. Нивена «Действительно ли большие мозги лучше?» [1] способна очень существенно пошатнуть сложившиеся представления об этой границе. Согласно этому исследованию, когнитивные способности к обучению, категоризации, ассоциативным воспоминаниям присущи и пчёлам, и большим животным, хотя и в разной степени. Поставив задачу численно оценить разницу между насекомыми и млекопитающими, исследователи пришли к выводу, что длина сложных последовательностей действий у млекопитающих всего втрое длиннее, чем у пчёл. Разница же в количестве нейронов составляет 4 порядка. Авторы приходят к выводу, что вычислительных мощностей для обслуживания когнитивных способностей необходимо гораздо меньше, чем считалось ранее.

С философской точки зрения важен вопрос, какие условия необходимы для появления ментальных свойств у биологических существ в процессе филогенеза и онтогенеза, а так же вопрос корректности критериев, на основании которых мы можем приписывать сознание или конкретные ментальные функции тем или иным биологическим видам. Существующие эмпирические этологические, зоопсихологические и нейрофизиологические критерии не позволяют разрешить эту проблему радикальным образом, поскольку мы в той или иной степени вынуждены проецировать человеческие представления о когнитивных способностях для обоснования приписывания сознания существам, обладающими когнитивными функциями, сходными с человеческими.

Сторонники *эмерджентной* концепции убеждены, что ментальные свойства являются эмерджентными (спонтанно, непредсказуемо возникающими, нередуцируемыми) свойствами высокоорганизованной материи, т.е. результатом перехода количественных изменений в качественные. Эти свойства проявляются спонтанно, непредсказуемо и они нередуцируемы к физиологическим, химическим и, в конечном счете, — к физическим свойствам. Диалектический материализм в форме учения об уровнях движения материи, очевидно является формой эмерджентной теории. К сторонникам этой концепции относятся С. Александер и Д.Льюис, С. Броуд и Л. Морган, Д.С. Милль и А.Деборин, Р. Сперри, Дж. Марголис и П. Клэйтон.

С точки зрения концепции *панпсихизма* ментальные свойства суть необходимые атрибуты самых фундаментальных физических событий. Следует отметить, что панпсихизм не является идеалистической философией, на уровне онтологии он существует модификациях дуализма свойств и нейтрального монизма. К сторонникам панпсихизма традиционно относят Г.Фехнера, В.Вундта, А.Уайхеда и, иногда В.Джеймса. В настоящее время этой концепции придерживаются Д.Р. Гриффин, Г. Розенберг, Д. Скрибна и Т. Спригги. Д.Чалмерс и В.Сигер, осторожно высказывают симпатию панпсихизму.

Проблема логической и вычислительной природы интеллекта является чрезвычайно важной как логико-методологической проблемой, имеющая множество эмпирических и онтологических следствий. Суть проблемы заключается в вопросе о типе логической системы и конкретных алгоритмов, на основе которых естественный интеллект производит необходимые для своей деятельности вычисления. В настоящее время, как отмечает В.В.Целищев, в этой области конкурируют концепции «механизма» и «ментализма» [2]. Сторонники «механизма» полагают, что человеческое мышление может быть формализовано, а сторонники «ментализма» считают, что человеческое мышление не может быть представлено алгоритмом. Основоположителем «ментализма» считается Дж. Лукас, отстаивавший преимущество человеческого интеллекта перед машинным, апеллируя при этом к теореме Геделя о неполноте. Любопытно, что ключевым моментом в противостоянии названных позиций стала интерпретация геделевской теоремы. Позднее к лагерю менталистов примкнул Р. Пенроуз.

Проблема создания *искусственного интеллекта* по самой своей формулировке является скорее не философской, а практической проблемой, однако способ ее решения зависит от истинности определенных философских предпосылок. С точки зрения функционализма не существует онтологической разницы между искусственными вычислительными устройствами и естественными вычислительными устройствами (мозгами). Исходя из этой концепции можно утверждать, что задача создания искусственного интеллекта является технической задачей успешного моделирования и воспроизведения конкретных ментальных функций на компьютерах. С точки зрения этой концепции природа интеллекта носит целиком структурный логический характер, т.е. тип физического носителя, на котором реализуется та или иная функциональная организация не имеет принципиального значения. Устройство, которое пройдет тест Черча, может считаться разумным относительно того определения разумности (как конъюнкции ментальных функций), которое мы примем. Сторонниками функционализма являются Х.Патнэм, П.Черчланд, Дж.Фодор, Н.Блок. Противники функционализма, к которым можно отнести *сторонников квантовой природы сознания* утверждают, что физические свойства носителя являются существенными, что источник ментальных свойств покоится глубоких (субатомных) уровнях физической реальности, нежели считают функционалисты, рассматривающих мозг исключительно как вычислительную сеть из нейронов. В генерации ментальных свойств существенную играют роль фундаментальные физические явления, например, такие, как феномен квантовой когеренции. К сторонникам этой концепции можно отнести Р. Пенроуза и С. Хамероффа, Х. Степпа, Дж. Экклза.

С более глубокой точки зрения актуальным является философский вопрос о необходимых физических (качественных и количественных) свойствах элементной базы разума. Следует отметить, что именно от ответа на этот фундаментальный вопрос зависит принципиальное решение проблемы генезиса сознания, а так же ответы на будоражащий сознание фантастов вопрос о возможности перенесения некоей конкретной естественной структуры сознания на искусственное вычислительное устройство и обратно.

Проблема психической причинности, как и всякие философские проблемы, касающиеся соотношения детерминизма и индетерминизма, является глубоко метафизической. Содержанием проблемы является онтологический статус ментальных событий, включая ответы на вопросы о взаимообусловленности ментальных событий, ментальных и физических событий. В этой сфере конкурируют упомянутая *теория тождества*, *дуализм свойств*, *эпифеноменализм* и модификация *эмерджентизма*, известного как концепция нисходящей причинности (downward causation). Согласно этой концепции, события, происходящие на более высоких уровнях организации материи могут быть причинами события в более низких уровнях. *Функционализм* изначально позиционировал себя как теория, которая рассматривает ментальные свойства и состояния как результат каузальных отношений между входящей и исходящей информацией по отношению к системе человеческого мозга [3].

Дополнительную интригу привносит то, что от способа разрешения этой проблемы зависит множество этических следствий, включая содержание понятия свободы.

Проблема природы и содержания самосознания (рефлексии) имеет много общего с проблемой природы ментального содержания и природы чувственных данных, однако ее отличает глубокий экзистенциальный характер. Специфика проявлений актов рефлексии ставит множество вопросов даже на феноменологическом уровне. Во-первых, неясно, отлично ли содержание рефлексивных ментальных актов от содержания прямых интенциональных ментальных актов, т.е. актов, направленных непосредственно на объект. Во-вторых, спорно, имеет ли понятие самосознания некий универсальный референт в виде специфического ментального состояния, например чувства собственной самости? С более глубокой, онтологической точки зрения, важным представляется вопрос о том, является ли самосознание необходимым свойством сложных вычислительных систем, сложность которых сопоставима со сложностью человеческого мозга.

Концепция *квалитативизма* редуцирует феномен рефлексии к качественным ментальным состояниям, с точки зрения этой концепции самосознание есть специфическое внутреннее чувство собственной самости. К сторонникам квалитативизма следует отнести Д.Юма и Г. Райла, а так же сторонников теории чувственных данных. *Интенционализм* трактует рефлекссию как специфический класс интенциональных актов, объектом которой являются не объекты внешнего мира, а собственные ментальные состояния. К интенционалистам следует отнести Э. Гуссерля, Т.Крэйна, Я. Кима и многих других.

Проблема единства сознания и тождества личности имеет свои истоки в предыдущей проблеме, однако не сводима к ней. Ее можно сформулировать в виде вопроса о природе механизмов, обеспечивающих конститутивное единство различных феноменальных психических актов таким образом, что они образуют такую оперантную целостность как личность. Так же спорным является вопрос о действительности существовании эго, самости, чувства «я» не только как неких феноменальных данностях, но и как метафизических сущностей.

Литература

1. Chittka L., Niven J. Are Bigger Brains Better? // Current Biology. — 2009. — Vol. 19. — №21. — P. 995-1008.
2. См.: Целищев В.В. Алгоритмизация мышления: геделевский аргумент. — Новосибирск: Параллель, 2005.
3. См.: Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. — С. 88.

dvin@ngs.ru

ЭМЕРДЖЕНТИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. Н. Игнатенко

Институт истории, гуманитарного и социального образования при Новосибирском государственном педагогическом университете

Существует множество теорий сознания. Сторонники каждой из теорий приводят аргументы в пользу той или иной из них, ни одна из них не может претендовать на универсальность, охватывающую все стороны этого явления, но в каждой из этих теорий есть стороны, присущие сознанию [1]. Проблема отношения сознания и деятельности головного мозга имеет давнюю историю и всегда служила предметом размышлений. Решение этого вопроса оказывает существенное влияние на мировоззренческие вопросы, на философское понимание природы сознания [2].

В обычной жизни люди, как правило, не задаются вопросом о природе сознания, считая это само собой разумеющимся явлением. Но если задаться вопросом «Что такое сознание?», возникнет несоответствие интуитивного и теоретического представления о его природе. С одной стороны, собственное сознание для человека ближе, чем что либо, так как объекты внешнего мира могут вызвать сомнение по поводу своего существования или, по крайней мере, человек может иметь о них релятивное знание. С другой стороны, при попытке теоретически определить сознание или обозначить приблизительные границы и составляющие его элементы, возникает много сложностей. Непонятно, что следует считать состояниями сознания, данными опыта, восприятиями, чувственным опытом, когнитивным, феноменальным, сознательным или бессознательным [3].

Сознание с точки зрения материализма есть функция головного мозга, функциональное свойство высокоорганизованной материальной системы, и в рамках материализма качество такого свойства должно получить непротиворечивое объяснение. Перед сторонниками дуализма также стоит вопрос о связи сознания и деятельности мозга, но так как позиция дуализма означает не только постулирование двух разнокачественных субстанций – духовной и материальной, но еще и постулирование возможности их взаимодействия, принимая во внимание последний постулат можно построить довольно правдоподобное объяснение любых видов психофизических взаимодействий [4].

В решении проблемы отношения сознания и мозга научный материализм ориентируется на естественнонаучные данные, развивая тезис психофизиологического тождества, или единства. Этот тезис предполагает, что явления психики и сознания в принципе должны либо сводиться к определенному подклассу физиологических явлений, либо объясняться, исходя из физико-химических процессов центральной нервной системы или их структур и функций. В этой связи психические явления часто рассматриваются как эпифеномены физико-химических процессов. В этом плане представители научного материализма следуют критике Райлом «мифа Декарта» о «духе в машине» - суще-

ствовании двух независимых субстанций - материальной и идеальной. Они выступают против идеализма и философского дуализма, отстаивая материалистический монизм. Развиваясь, научный материализм претерпел определенную эволюцию, было сформировано несколько концепций, которые характеризовались все большим отступлением от первоначальной редукционистской установки.

В случае «элиминативного» материализма психическое фактически игнорируется, в физикализме предпринимаются попытки его лингвистического сведения к понятиям физического, особенность бихевиоризма состоит в том, что явления сознания и мозговые процессы берутся нерасчлененно, как бы в их изначальном единстве и описываются в поведенческих терминах, сферой исследования сознания являются языковые коммуникации людей. Признаком адекватной объяснительной стратегии является прагматическая эффективность – возможность контроля и предсказания поведения объектов, в функционализме допускается функциональная несводимость психического к физическому, виды ментальных состояний следует считать не какими-либо свойствами – материальными или идеальными, – а нейтральными функциональными состояниями. Они индивидуализированы не веществом носителя, а выполняемыми ими, каузальными, ролями [5].

В случае эмерджентизма, психика и сознание являются эволюционными результатами развития единой материальной реальности. Эмерджентная теория — это теория о том, что хотя сознание и является свойством некоторого физического объекта (мозга), оно, тем не менее, несводимо к физическим состояниям последнего и является особой нередуцируемой сущностью, обладающей уникальными свойствами [6]. Духовные явления и вообще явления человеческой культуры должны определяться как «эмерджентные свойства» высокоразвитых материальных систем. Эти свойства называются эмерджентными потому, что они представляют собой продукт развития сложных материальных систем и присущи им лишь как целостным образованиям. Предполагается, что элементы до объединения не обладали подобным свойством. Будучи по самой своей сути необходимо воплощенными в определенных по своей организации материальных субстратах, эти свойства образуют особое качество по отношению к свойствам элементов и подсистем той целостной системы, которой они приписываются. Отсюда вытекает невозможность их редукции к физическим свойствам.

Идея эмерджентизма является центральной и в книге Джона Сёрля «Открытая сознание заново» (1992) и у многих других авторов. Однако понятие «эмерджентность» создает только иллюзию объяснения, вызывая не меньше вопросов, чем функционализм или бихевиоризм. Если его толковать в смысле пределов имеющегося знания и объяснять появление тех или иных качественных новых свойств в понятиях микроструктурных теорий, тогда его смысл тривиален. Если же его толковать в онтологическом смысле, предполагающем принятие инновации за непредсказуемую данность, принципиально необъяснимую рациональными средствами, тогда возвращение к дуализму

неизбежно. Появляются вопросы, откуда и почему возникают новые качества. У Альфреда Уайтхеда, широко пользовавшегося понятием эмерджентности для обозначения эволюционной новизны, оно логично встраивалось в его систему: под него подводилось метафизическое основание - идея Бога как творческого процесса Вселенной. Современные эмерджентисты, предпочитающие обходиться без теолого-метафизических понятий, оказываются в затруднении. Каким образом из биологической новации возникает особая бытийственность сознания, удивительная способность все «означивать», придавать смыслы и создавать мир артефактов? Одним из философов, который попытался не просто декларировать, а рационально объяснить эмерджентности, был К. Поппер, выдвинувший гипотезу «мира предрасположенностей» как вероятностных физических полей сил, создающих новое поле возможностей и воздействующих на настоящее из будущего [7].

Возможность возникновения эмерджентных свойств при усложнении физических систем может проистекать из области нелинейных явлений. Нелинейность означает, что система подчиняется качественно различным законам в различных частях спектра значений параметров, от которых зависит ее поведение. Если нелинейность является эмерджентным явлением, то качества систем объяснимы с физической точки зрения и являются физическими. А так как источник нелинейности неизвестен, возможно, что нелинейность присутствует на уровне отдельных элементов системы, в этом случае свойства не являются эмерджентными.

Таким образом, теория эмерджентности не дает какого-либо объяснения «эмерджентно» возникающим свойствам. Если в элементах отсутствуют определенные свойства, то непонятно, откуда они могут взяться, когда эти элементы образуют единую систему. Они возникают как бы из «ничего». Но возникновение из «ничего» не поддается научному объяснению, то есть эмерджентизм фактически утверждает, что качества возникают при соединении элементов в систему чудесным образом. Такое объяснение не является рациональным [8].

Сейчас в философии сознания существуют концепции, противостоящие друг другу, это может говорить о том, что сознание более сложный феномен, чем можно себе представить, и то, что наука и философия немалого продвинулись в поиске ответа на вопрос о сущности сознания. В последние несколько десятков лет происходит стремительное развитие нейронауки, ставящей перед собой задачу решить проблему отношения сознания и мозга, полученные данные могли бы произвести научную революцию в социальных и гуманитарных науках. На данный момент эта проблема не решена, но философия сознания стала более критичной по отношению к своим собственным посылкам, методам и целям. Возможно, что между физическим миром и сознанием существует взаимосвязь, которая не оформляется законом природы, и серьезные прорывы могут быть достигнуты с помощью новых методов.

Литература

1. Гайдес М.А. Сознание, материя и реальность. Офир-пресс. Израиль. 2007.
2. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал, 1990. Т.11. № 6. С. 3.
3. Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования. Ч.1. Вопросы философии 2004, № 10.-С.126.
4. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал, 1990. Т.11. № 6. С. 5.
5. Современная западная философия: Словарь, 1998.
6. Гайдес М.А. Сознание, материя и реальность. Офир-пресс. Израиль. 2007.
7. Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования. Ч.1. Вопросы философии 2004, № 10.-С.133-134.
8. Иванов Е.М., Манькова С.В. Проблема природы субъективных качеств. 1998.

kaleidommg@yahoo.com

ФИКЦИОНАЛИСТСКАЯ ПРОГРАММА УСТРАНИМОСТИ МАТЕМАТИКИ*

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

Последние десятилетия исследования онтологии математики в основном определяются обсуждением трех аргументов. Два из них – аргумент П. Бенациоррафа о неединственности аксиоматического представления чисел и указание на проблематичность эпистемологического доступа к объектам математической теории – рассматриваются в качестве проблем, решение которых невозможно в рамках математического платонизма. Тогда как третий аргумент имеет своей целью обоснование именно платонистской теории онтологии математики. Имеется в виду заявление о неустраимости математики из наиболее успешных фундаментальных естественнонаучных теорий. В общем виде утверждается, что в связи с исключительной ролью, которую играют математические теории в формулировке фундаментальных физических теорий, описывающих подлинную структуру реальности, имеющих достаточное эмпирическое подтверждение для того чтобы считать их если не истинными в буквальном смысле, то максимально правдоподобными, нам требуется при-

* Исследование проведено в рамках реализации проекта «Онтологические и эпистемологические следствия применимости математики в фундаментальном естествознании» Лаврентьевского конкурса молодежных проектов 2010.

знать математические утверждения, являющиеся частью этих теорий истинными. При этом истинность понимается в корреспондентном смысле: предложение истинно в силу того, что оно описывается реальное положение дел. Термины в составе предложения указывают на реально существующие объекты, а само содержание предложения соответствует описываемому им положению дел.

Развитие этого аргумента в пользу существования некоего соответствия между утверждениями математики и структурой реальности имеет давнюю историю, начало которой восходит, по меньшей мере, к известному заявлению Г. Галилея о том, что «книга природы написана языком математики». Изящная метафора формирует интуитивное понимание проблемы. Попыткой акцентировать внимание на ней является знаменитое выступление Е. Вигнера, опубликованное после в виде статьи с не менее интригующим, чем высказывание Галилея названием «Непостижимая эффективность математики». Полная выражений изумления перед эффективностью применения математических теорий в фундаментальном естествознании, работа Е. Вигнера заканчивается практически провозглашением капитуляции объяснения таинственной способности математики описывать эмпирическую реальность: «Математический язык удивительно хорошо приспособлен для формулировки физических законов, это чудесный дар, который мы не понимаем и которого не заслуживаем. Нам остается лишь благодарить за него судьбу и надеяться, что и в своих будущих исследованиях мы сможем по-прежнему пользоваться им». [Вигнер, 1971; С. 199]. Проблема применимости математики фактически сразу приобрела популярность. Но по большей части у специалистов в области фундаментальных физических теорий. Фактически, Е. Вигнер представляет философскую по своей сути проблему – объяснить возможность дескриптивного применения формального математического знания и его невероятную плодотворность. Именно физики признали наличие проблемы, требующей разрешения. Например, Р. Пенроуз пополняет список удивительно эффективных применений математики в физике, начатый Вигнером, давая им онтологическое объяснение: математика применима в силу существования математических сущностей. [см. Пенроуз, 2007].

Философы проявляли меньший интерес к проблеме. Тем не менее, пусть несколько запоздалое, но должное внимание ей было уделено: применимость математики стала одной из центральных тем в онтологии математики в последние десятилетия XX в. Формулировка аргумента восходит к У. Куайну [Куайн, 1981] и Х. Патнэму [Патнэм, 1979], и сам он был направлен на поддержку математического платонизма. Фактически, он был, по выражению Х. Филда, воспринят как единственный «аргумент, не вызывающий вопросов». Необходимо отметить, что в философии математики аргумент приобрел большую точность формулировки, чем в выступлении Е. Вигнера. Вместо понятия применимости, интуитивно ясного, но допускающего массу интерпретаций в ходе уточнения, У. Куайн использовал понятие неустраимости. Сам аргумент весьма прост:

1. Мы должны признавать онтологические обязательства по отношению к тем и только тем сущностям, которые являются неустранимыми из наших лучших научных теорий.

2. Математические сущности неустранимы из наших лучших научных теорий.

Следовательно, у нас есть онтологические обязательства признавать наличие соответствующих математических сущностей, которые описываются языком математических теорий и представляющих собой объективно существующую часть реальности. Прежде всего, нам нужно обратиться к первому положению аргумента о неустранимости. Имеется две существенные предпосылки в основании куайновской формулировки аргумента, каждая из которых является весьма существенной частью его философской позиции и не столь тривиальны чтобы не нуждаться в пояснениях. Имеются в виду его доктрины натурализма и холизма.

Натурализм со времен превратился в весьма разветвленное учение, что сопровождалось увеличением вариативности его интерпретации. Пожалуй, только общее основание натурализма понимается более или менее единообразно его сторонниками. В натурализованной эпистемологии наука признается «единственной подлинной историей мира», и именно она говорит нам, если не о том, какого рода сущности населяют мир, то о том, в существование какого рода сущностей оправданно верить. Именно лучшие научные теории определяют то, во что оправданно верить, исчерпывая собою «подлинную историю мира». В этой связи натуралист отрицает какую-либо возможность привилегированного положения философии, с высоты которого она может судить о «подлинной структуре мира», лежащей за изучаемыми наукой явлениями или о природе познания «как оно есть на самом деле», вскрывая некие скрытые структуры или элементы познавательной деятельности, определяющие деятельность ученого, и обнаруживаемые с помощью некоего особенно-го философского метода. Вместо этого, по афористичному заявлению У. Куайна, «хорошая философия мало чем отличается от хорошей науки» и не представляет собой некоего какого-либо сверхзнания. Прежде всего, куайновский натурализм является нормативным тезисом в отношении философского подхода анализу познания реальности. Решение всех философских проблем, связанных с познанием мира, должно происходить с ориентиром только на науку. Именно поэтому натурализм отрицает возможность какого-либо подлинно метафизического знания в традиционном смысле: онтология исчерпывается онтологией научных теорий. В этом нормативном тезисе натурализма заключено два положения:

1. мы должны наделять действительным онтологическим статусом только те сущности, существование которых предполагается лучшими научными теориями;

2. мы должны признавать подлинный онтологический статус за всеми сущностями, предполагаемыми лучшими научными теориями.

Средством выяснения того, какие сущности предполагаются научными теориями, является анализ онтологических обязательств теории, которые определяются сферой квантификации теории.

Вторая предпосылка аргумента о неустранимости математики – холизм – также нуждается в некотором уточнении. Прежде всего, холизм представляет собой требование рассматривать язык научной теории не как простое соединение самостоятельных предложений, а как единое целое. Куайновский холизм содержит в себе два тезиса: семантический холизм, наиболее тесно связанный с приведенной общей интерпретацией холизма, и холизм в отношении подтверждения теории. Семантический холизм тесно связан с куайновским отрицанием дихотомии аналитического и синтетического и его тезисом о неопределенности перевода. Фактически он заключается в утверждении невозможности установления значения изолированного предложения и представлении процедуры установления значения целостно рассматриваемой теории как ее интерпретации.

Холизм в отношении подтверждения научной теории, аналогично, требует проведения его не на уровне отдельных предложений или фрагментов теории, а по отношению к теории как единому целому. Т.е., если имеется эмпирическое свидетельство в пользу теории, то оно подтверждает не отдельный ее фрагмент, а всю целиком. В связи с проблемой применимости математики, холизм означает, что наличие эмпирического подтверждения теории является релевантным для подтверждения истинности используемых в ней математических утверждений. В этой связи естественным является вопрос о том, необходимо ли распространять тезис о холизме в отношении подтверждения и на математическую часть научной теории, равнодушную к любой эмпирической проверке. Иными словами, возможно ли обосновано разграничить внутри научной теории сугубо математическую часть и дескриптивную часть, в отношении которой и допускается холистская проверка? Согласно Р. Карнапу, такое разграничение возможно и вполне законно [см. Carnap, 1937]. У. Куайн отрицает как возможность, так и законность разделения математической и содержательно-дескриптивной частей теории. Основанием для этого, естественно, выступает тезис семантического холизма.

Одной из наиболее интересных и одновременно радикальных реакций на аргумент о неустранимости математики является работа Х. Филда [Field, 1980], имевшая целью опровержение второго шага в аргументе. Фикционалистская программа Х. Филда имеет своей непосредственной целью демонстрацию устранимости математики из языка науки. Согласно программе Х. Филда, математические предложения в составе естественнонаучной теории буквально являются ложными, а указания на математические сущности – фиктивными. Математический аппарат может быть полностью элиминирован из научной теории, а, следовательно, у нас нет никаких онтологических обязательств по отношению к математическим сущностям. Сам Х. Филд так характеризует свой проект: «Я не предлагаю переинтерпретировать какую-либо часть математики; вместо этого я намериваюсь показать, что требуемая для

применения к физическому миру математика не включает чего-нибудь, что даже *prima facie* содержит указание на (или квантификацию) абстрактные сущности, вроде чисел, функций или множеств. В отношении той части математики, которая содержит указание (или квантификацию) на абстрактные сущности – а она содержит фактически всей обычной математикой – я принимаю фикционалистскую позицию: т.е., я не вижу основания рассматривать ее как *истинную*». [Fild, 1980. P.1-2]. Более того, помимо общего заявления указанной позиции, Х. Филд демонстрирует возможность элиминации математического языка на примере ньютоновской теории гравитации.

Х. Филд утверждает, что для успешного применения математики к описанию эмпирической реальности вовсе не требуется истинности математических предложений. Фактически условием применимости математики является ее консервативность во всех приложениях: математическая теория *M* является консервативной относительно *S*, если для любого класса утверждений *S* и частного утверждения *C*, *C* не является следствием *M+S*, если только *C* не является следствием *S*. Если удастся показать консервативность математики как надстройки для эмпирических теорий, то истинность или ложность математических теорий становится совершенно irrelevantной для применений математики, поскольку она оказывается лишь инструментом вывода. Даже если математическая теория ложна, то ее консервативность гарантирует, что ее применение не приведет к ложности эмпирического утверждения из какой-то содержательной теории.

Позиция Х. Филда является, безусловно, одной из наиболее интересной попыток решения проблемы применимости математики в естественнонаучной теории. Несмотря на радикальность заявлений и коренному пересмотру взглядов на истинность математических утверждений и выводимых из нее онтологических следствий, требуемых фикционалистским подходом, экстремизм Филда приобретает определенную респектабельность в связи с проблемой платонизма в математике. Предполагающая отношение соответствия трактовка онтологических обязательств истинности математических утверждений оборачивается признанием объективного существования математических сущностей. Но, помимо «онтологических джунглей», произрастающих в платоновском мире, реалистская позиция по отношению к онтологии математической теории требует признания независимости свойств математических сущностей от способа их описания. Именно проблематичность языковой независимости математических сущностей лежит в основании структуралистской критики «полнокровного платонизма» П. Бенаццерафом. Фикционализм Х. Филда свободен от подобного рода критики в той же степени, в какой он свободен и от эпистемологического аргумента П. Бенаццерафа. Тем не менее, свобода от критических аргументов против оппозиционной теории не может рассматриваться в качестве достаточного условия истинности защищаемого подхода. Центральное для фикционализма Х. Филда положение о том, что именно понятие консервативности математической теории, а не классическое понятие истины является основанием для экспликации приме-

нимости математики в естественнонаучном познании, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации. Отдельной проблемой в связи с этим, остро нуждающейся в своем решении, на наш взгляд, является проблема скрытого использования понятия истины в самой попытке заменить его понятием консервативности. Так, сам Х. Филд указывает на то, что понятие консервативности тесно связано с понятием необходимой истины: «консервативность можно легко помыслить как ‘необходимую истину без истины’». Понятие истины в этом определении присутствует существенным образом, и его элиминация из данного контекста может оказаться весьма проблематичной. Но даже помимо возникающих в связи с утверждением достаточности консервативности в качестве условия применимости математики к описанию эмпирической реальности, можно указать на существенный недостаток фикционалистского подхода: он совершенно не проясняет того, почему использование математики приводит к формулировке наиболее успешных (прежде всего, наиболее простых и обладающих наибольшей предсказательной возможностью) научных теорий. Фикционалистский подход фактически не проясняет возможность дескриптивного использования языка математики.

Теперь уже полученный Х. Филдом результат – демонстрация возможности устранения из физической теории математических терминов, использование которых предполагает указание/квантификацию математических сущностей и, вместе с тем, невозможность объяснения дескриптивной функции математического языка в целом – требует объяснения. Холистская и натуралистическая предпосылки аргумента о неустранимости математики позволяет объяснить дескриптивную применимость математики, но влечет онтологические обязательства, которые могут быть отчасти поставлены под сомнение фикционалистской стратегией Х. Филда. Правда, ценой за избавление от них оказывается капитуляция при объяснении философски наиболее интересной проблемой, встающей в связи с применением математики к описанию реальности.

Литература

Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Вигнер Е. Этюды о симметрии. М.: Мир. 1971. С. 182–199.

Пенроуз Р. Путь к реальности, или законы, управляющие Вселенной. Полный путеводитель. М., Ижевск: Институт компьютерных исследований, R&G Dynamics. 2007. 910 с.

Carnap R. The logical syntax of language. London: Routledge and Kegan Paul, 1937. 352 p.

Field H. Science without numbers. A defence of nominalism. Princeton: Princeton University Press. 1980. 130 p.

Putnam H. Philosophy of logic // Putnam H. Mathematics matter and method: Philosophical papers. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. Vol. I. P. 323–359.

К ВОПРОСУ О ЧЕТКОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Р. П. Покасов

Институт философии и права СО РАН

Проблема четкого определения расхожих математических терминов является классической проблемой философии математики. Традиционно считается, что ряд «размытых», с точки зрения философа, терминов, например, алгоритм, конечное, бесконечное и т.д., употребляются математиками нерелексивно [Целищев 2001]. Действительно, для того чтобы оперировать математическими понятиями, доказывать существующие теоремы и даже выводить новые нам достаточно интуитивного понимания многих математических понятий. Никто из практикующих математиков не задумывается, что такое бесконечное. Для большинства обывателей это понятие – синоним словосочетания «очень много». Однако по мнению Гоббса «все, что человек в состоянии вообразить – конечно, а то что нет – бесконечно. Из этого напрашивается простой вывод – если мы формализуем «все», то что останется – это и является бесконечностью. Однако в математике понятие бесконечности используется в ином смысле. Простой пример – ряд натуральных чисел. Это ряд, для которого верно, что если n – натуральное число, то $n+1$ тоже является натуральным. Пределы применения – от 1 до ∞ . Назовем Z самое большое число из ряда натуральных чисел, прибавим 1 и получим число больше. Это Z и будет являть собой некий аналог бесконечности в данном случае, поскольку в ряде натуральных чисел $\infty + 1 = \infty$. Естественно, ситуация усложняется, когда мы переходим к обсуждению философских платформ, подкрепляющих те или иные математические соображения.

Возможно, один из выходов при обсуждении понятия бесконечного в области математики состоит в том, чтобы опереться на понятие полноты. Можно ли искусственно ограничить систему числом Z ? А если нам перестанет хватать его, расширить систему в соответствии с новыми требованиями? В таком случае ∞ будет являться числом Z для задачи в условии абсолютной полноты. Однако понятие абсолютной полноты присутствует в системе, в которой решаются все мыслимые задачи, таким образом, даже эта бесконечность является урезанным понятием для скучного ряда натуральных чисел. Однако если использовать понятие полноты для построения последующих задач, а не решения текущих, часть противоречий (таких как «разная бесконечность» для разных числовых рядов) снимается [Целищев 2001].

Можно назвать бесконечность сугубо алгоритмическим понятием и ограничиться этим. Рассмотрим систему, в которой былинный русский богатырь

охраняет русско-китайскую границу. Установим критерий полноты – количество врагов, с которым он может справиться. Это и будет число Z . Все что больше – бесконечность, т. е. $Z+1$, $Z+2$ и т. д. В данной системе числа 100 и 10000 никак не отличаются. То есть число 100 – это уже бесконечность? Да, в этой системе это так. И это несмотря на то, что ряд китайских воинов и ряд натуральных чисел имеют много общего.

Другое, традиционно попадающее в область философского внимания, «размытое» понятие – алгоритм. Само понятие алгоритма имеет много спорных моментов. Система не алгоритмизируется? Ищите лучше. Не решается задача в текущих рамках? Ослабьте их. Мы можем искать более сложный алгоритм для решения текущей задачи, а можем сделать условия более «демократичными» – вариантов множество. Тут нам и пригождается понятие математической строгости. Если нет строгости, то доказать можно все что угодно. Это в чем-то схоже с эмпирическим понятием «точности». И крокодилы лежат, просто низко, и $2 + 2$ может равняться пяти, если ослабить критерии строгости. Мы формулируем правила игры, чтобы потом их не нарушать, однако можем их пересмотреть, ведь нам важно решить задачу.

Очевидно, во всех приведенных примерах «нечетких» понятий, нам не обойтись без понятия истины. Истина – чрезвычайно тонкое понятие для математики, ведь в ней нет фактов, на которые мы можем опереться, по крайней мере в обыденном их понимании, но есть опыт. Из опыта мы можем вывести аксиомы, которые есть ни что иное, как совокупность неопровергнутых наблюдений. Аксиомы не доказываются, однако на основе их мы доказываем теоремы. А вдруг неверны изначальные предпосылки? Тогда вся математика теряет смысл? Ничего подобного, если какая-либо аксиома окажется неверной (да, это кажется невероятным, но допустим это, чисто гипотетически), то ничего не изменится – мы всего лишь добавим условие, удовлетворяющее нашим критериям математической строгости. И крокодил полетит!

Одним из критериев правильно решенной задачи является соответствие теории и практики. Однако, расширив практику, мы можем получить результат, который не попадает под существующую теорию. В таком случае мы имеем 2 варианта: переделать теорию или пренебречь практикой, точнее данным результатом. Поэтому простым выходом является отсечь ненужное и действовать из соображений прагматизма. Несмотря на то, что практику многие называют критерием истины, иногда надежнее опереться на теорию и отбросить случайный результат.

В математике критерием для решения подобных споров можно считать интуитивные заключения. Они подсказывают нам усложнить или упростить систему, на что опереться – теорию или практику и многое другое. Вера в аксиомы так же есть следствие работы интуиции. Никто не видел бесконечности, но все знают, что прибавив к ней 1 ничего не изменится. Что это, как не интуитивное знание? Математики в том числе работают с понятиями, для которых не сформулированы точные определения, а так же с абстрактными понятиями, и при этом понимают друг друга.

Как мы уже отмечали, в философии математики очень много тем для обсуждения. Например, говоря о том же «критерии полноты», ничто не запрещает нам, с одной стороны, рассматривать систему, с гордым названием «математика», а, с другой, можно дополнить эту систему другой системой – «философией математики». Полученная система будет более полной, однако это не мешает нам в случае, когда нам не требуется подобная точность как результатов, так и начальных условий, на счетных палочках объяснить ребенку, что $2 + 2 = 4$. О том, что все немного сложнее, он узнает только со временем. На наш взгляд, наилучшим образом соотношение собственно математики и философии математики можно охарактеризовать, перефразируя известную фразу: «не стоит забивать гвозди микроскопом, однако не стоит забывать, что этот самый микроскоп существует».

Литература

1. Целищев В.В. и др. Проблемно-ориентированный подход к науке. Новосибирск: Наука, 2001.

ertai@ngs.ru

История философии в новом интеллектуальном контексте

АСПЕКТЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА И ВСЕЕДИНАЯ СТРУКТУРА МИРА В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Ю. В. Тырбах

Нижегородский военный институт инженерных войск

Осмысление вселенского единства происходит у Николая Кузанского в числовой символической, близкой пифагорейской. Так, абсолютное бытие Единого во вселенском организме, как и у пифагорейцев, есть «воплощенная десятка». «Расшифровка» элементов «десятки» у Кузанского самобытна и соотносится с триединой моделью вселенской проявленности Единого. Х. Грель называет мышление Кузанского «символическим рационализмом»: «математические величины у Кузанского выступают символами процессов экспликации божественного Единого наружу» [1, Р. 34]. А.Ф. Лосев «ярким моментом» философии Кузанского считает «структурно-математический метод», который «сказывается в понимании божества как активного становления»: «непрерывная активная возможность пронизывает собою всю божественную стихию бытия» [6, С. 308].

«Вселенский дух» являет себя в числовых элементах следующим образом: 1-движение, 2-потенция, 3-актуальность, 4-максимум, 5-минимум, 6-понимание, 7-интеллект, 8-материя, 9-форма, 10-связь [3, С. 129-130]. Всеобщим мерилом во Вселенной выступает бесконечность, «которая все время ускользает» [3, С. 50], поскольку безграничны сами пространства света и тьмы, образующие Вселенную. Бесконечность трактуется как вечность, необъятность и неделимость Бога. Числа представляют собой количественные символы, качественные сущности и их отношения, берущие основание в Уме-вечности: «сущность числа есть первый прообраз ума, развернутый рас-судок» [4, С. 190-191], «всякое вообще число составлено из единого и иного, единое и иное есть число» [2, С. 308].

«Качественное тело» Вселенной как организма - разомкнутая система вложенных и движущихся друг в друге десяти миров: «единство движется во множестве, и множество движется в единстве, все движется во Всем» [7, Р.57-59]. Центральным кругом вселенской жизни является «актуальнейший свет Единого в его богосыновнем аспекте – Христос как преобразующая форма всех живущих» [2, С. 286]. Итак, Христос оказывается центром Вселенной, явленным максимумом. Противоположный полюс, крайний круг - тьма, «слитный хаос».

Следующие круги - проявления силы, возникающей от углубляющегося синтеза Единого света и абсолютной тьмы, «прогрессия совершается от слитного к различности». Второй, «ближайший к хаосу круг - сила стихий, третий - сила минералов, 4-ый – растительная сила, 5-ый – чувственная, 6-ой – сила представления или воображения, 7-ой – рациональная, 8-ой – интеллектуальная, 9-ый – умопостигаемая», 10-ый круг – центр-Христос [2, С.306].

Круговое движение есть «ступенчатая последовательность» [7, Р. 58] восхождения: противоречивость и ограниченность низшей ступени-круга преодолеваются в более высших.

В 10-ом круге единство всех сил преобразуется в «абсолютное единение, святой Дух», «ипостасное единение» [3, С. 183]. В сфере индивидуально-конкретной проявленности Вселенной - в мире человеческого бытия - воплощением единения выступает церковь. Истинным телом Христовым она становится при единстве «всех разумных природ – будь то ангел или человек, обращающихся к Христу с высшей верой, надеждой и любовью» [3, С. 182].

Во многих смыслах итоговым сочинением Николая Кузанского становится трактат «Охота за мудростью». Мудрость - «пища нашего духа, нашей интеллектуальной природы» [5, С. 345], «все живое причастно знанию и премудрости» [5, С. 347]. Движение в пространстве мудрости происходит в качестве восхождения к «трем ее областям» и разворачивается «в десяти полях». «Три области премудрости»: 1-ая – как она пребывает вечно, 2-ая – в ее непреходящем подобии, 3-я – где она издали светится во временном потоке своих подобий». Десять полей «охоты за мудростью» отражают переход познающего сознания от одного состояния сущего к другому: «1-ое поле – знающее незнание, 2-ое поле – возможность-бытие» («могу первородителя»),

3-е поле – неиное, 4-ое – поле света, 5-ое – поле хваления, 6-ое – поле единства, 7-ое – поле равенства, 8-ое – поле связи, 9-ое – поле предела, 10 – поле порядка» [5, Р. 362].

Десять полей премудрости есть обобщенная картина мироздания – являющегося Единого и его «сверхсубстанциальных» основ. Интересно 5-ое поле – поле хваления. Ссылаясь на Дионисия Ареопагита, Кузанский пишет о том, что все творения есть «не что иное, как красоты божии и его радостная хвала» [5, Р. 373], а «человек, живое и мыслящее существо, наилучше составленный гимн из всех божиих хвалений» [5, С. 374]. 9-е и 10-ое поля взаимосвязаны между собой и с другими. Поле предела «осуществляет» божественную возможность стать [5, С. 395], определяя в беспредельном становящиеся явления и процессы в конкретности проявленного мироздания, а поле порядка встраивает их в систему Единого.

Универсальная многоаспектность символическо-рациональной теологии Единого Николая Кузанского позволяет говорить о его системе как о целостной и гармонично воспроизведенной в рамках традиции Единого модели примирительного синтеза принципов и начал религии, науки, философии.

Литература

1. Grell H. Mathematischer Symbolismus und Unendlichkeitsdenken bei Nikolaus von Kues // Nicolaus von Kues Wissenschaftliche Konferenz des Plenums der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin anlässlich der 500. Wiederkehr seines Todesjahres. Akademie-Verlag-Berlin, 1965. P. 32-42.
2. Кузанский, Николай. Игра в шар. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. – М., 1980. С. 249-315.
3. Кузанский, Николай. Об ученом незнании. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. М., 1979. С. 47-184.
4. Кузанский, Николай. О предположениях. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. С. 185-279.
5. Кузанский, Николай. Охота за мудростью. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. С. 343-416.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
7. Wollgast S. Entwicklungsdenken von Nikolaus bis Giordano Bruno // Stiehler G. Veränderung und Entwicklung. Berlin, 1974. P. 40-65.

juliatirbahh@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОМНЕНИЯ НОРБЕРТО БОББИО: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

М. А. Томюк

Уральский государственный университет

Норберто Боббио – выдающийся современный итальянский философ, правовед, политолог и мыслитель, который внес огромный вклад в развитие многих общественных наук. Родился в семье врача, с детства был увлеченной натурой (музыка, литература). Окончил юридический факультет Туринского университета. В 1933 г. защитил диссертацию по философии Э. Гуссерля. В 1938 г. стал профессором в области философии и права. В течении жизни он прошел путь от члена фашистской партии, антифашистского движения «Справедливость и свобода» до партии левых демократов. В политической философии им исследованы такие темы, как: предмет политики; классические учения политической философии; история политических идей; взаимосвязь политики, морали и права; политика и культура; ценности и идеологии; демократия; левые и правые; права человека и мир; философия истории и политические преобразования; интеллектуалы и власть и многое др. К 90-летию Норберто Боббио его ученик и единомышленник Микелеанджело Боверо собрал «в единый рисунок сорок очерков Боббио» (цит. по: [3, р. 2]; перевод наш. – М. Т.) для того, чтобы начертить карту лабиринта, каким является политический мир и соорудить компас для ориентира в нем. Данный труд вышел в 1999 г. под названием «Основная теория политики». Норберто Боббио еще при жизни шутил, что «возникла целая наука – «боббиология», изучающая его творчество... она неисчерпаема. Несомненно, не одно поколение обществоведов будет к ней обращаться и находить идеи, созвучные их эпохе» [1]. Боббио – член национальной Академии наук в Турине, член-корреспондент Британской академии и пожизненный сенатор Итальянской Республики. В 2004 г. его не стало и не случайно заголовок на первой странице туринской газеты «La Stampa» гласил: «Умер Боббио, интеллектуал другой Италии», а Эцио Мауро в своем комментарии написал, что «Со смертью Норберто Боббио умирает философ и исчезает пожизненный сенатор, но, прежде всего, блокируется политическая мысль, которая работала более пятидесяти лет со страстью к демократии, в создании современной теории государства, исследования левого толка наконец-то завершены...» (цит. по: [4]; перевод наш. – М. Т.). Итальянский мыслитель был всесторонним человеком, его философско-религиозные взгляды глубоки и уникальны.

Норберто Боббио в статье «Почему я не могу поверить» раскрывает смысл своей религиозности, что заставляет серьезно задуматься над проблемами философии религии. В самом начале произведения он утверждает: «Я не верующий челок, я человек разума и не верю ни одной религии, но я отличаю религию от религиозности» (цит. по: [2]; здесь и далее перевод наш. – М. Т.). Так что же для Н. Боббио есть религия и религиозность? В чем их отличие и сходство? Религиозность – это чувство собственного ограничения,

что человек ничтожно мал по сравнению с Вселенной. И то глубокое чувство некой тайны, которое присуще каждому, Норберто Боббио называет также религиозностью. «Моя религиозность, пишет Н. Боббио, – это религиозность сомнений, вместо прямых ответов на вопросы» [2]. Даже самый великий ученый, чем больше познает, тем более утверждает, что ничего не знает, то есть все время сомневается. Разве мы можем получить ответы на такие вопросы: Что такое Космос? Что такое бытие или небытие? Многие пытаются ответить на эти вопросы, но истинного ответа – нет.

Норберто Боббио считает, что он прожил всю жизнь и так не узнал ответы на эти вопросы. Данная ситуация его сильно огорчает, так как человечество с каждым днем все более добивается прогресса, а интеллигентный человек чувствует себя униженным до глубины души из-за того, что так и не постиг истину. По мнению философа, лучше: принять такое унижение, чем начать верить в то, что не познано; осознавать то, что человечество наделено ограниченным, униженным разумом, чем все не познанное отводить в сторону религии и там искать ответы; понимать, что я много не знаю, чем списывать все на счет веры. Именно такие размышления он подводит под определение понятия «моя религиозность». Боббио считает, что людям порой трудно сопротивляться всем своим сомнениям, постоянному не знанию и поэтому они начинают сдаваться религии и начинают верить (даже в бессмертие души).

Разбираясь в том, что есть религия и религиозность, Н. Боббио приходит к размышлению о верующих и неверующих людях. Верующий – это тот, которого устраивают ответы религии, который несерьезно относится к тому, что не получает истинных ответов на вопросы. Неверующий – это вечно сомневающийся человек, который постоянно ищет ответы и для него важно оценить смысл своей жизни, для него вера не носит утешающий характер.

Но религия не только носит утешающую функцию, она открывает человечеству правду о сотворении мира, бессмертии души, устройстве всего. Таким образом, неверующий человек может метаться между правдой и сомнениями, сомнениями и правдой и так до бесконечности. Даже если человек верующий, то он может отойти от религии, изучая философию, все проблемы метафизики. Что случилось и с Норберто Боббио, когда ему было двадцать лет, хотя он родился в католической семье, молился, причащался, венчался, ходил на исповеди, но не верил в чудеса.

Обосновывая религиозность сомнения, Боббио приводит пример с первородным грехом и задает вопрос, как он может быть коллективным и передаваться от поколения к поколению? Ведь вина не может быть коллективной, вина – персональна. А жизнь и смерть неразрывно связаны между собой? И если смерть была бы началом другой жизни, то не была бы уже смертью. И как возможно то, что душа (часть любимого человека) живет после смерти где-то в другом месте? Можно ответить только одно, что есть непроницаемая тайна и религиозность сомнений.

Литература

1. Любин В. П. Норберто Боббио как политический философ [Электронный ресурс]. URL: http://alestep.narod.ru/lubin/lubin_bobbio.htm (дата обращения: 14.09.2010).
2. Bobbio N. Perché non riesco a credere [Электронный ресурс]. URL: http://www.criticamente.com/bacheca/bacheca_cultura_e_arte/Bobbio_Norberto_-_Perche_non_riesco_a_credere.htm (дата обращения: 21.09.2010).
3. Bovero M. La Teoria generale della politica di Norberto Bobbio. Torino, 1999.
4. Mauro E. La coscienza critica in un paese estraneo [Электронный ресурс]. URL: http://www.repubblica.it/2004/a/sezioni/spettacoli_e_cultura/bobbio/coscienza1/coscienza1.html (дата обращения: 26.09.2010).

mariano80@yandex.ru

Социально-философские исследования

ПАРАДИГМА АРИСТОТЕЛЯ В «ПОЛИТИИ» КАК МЕРА ДЕМОКРАТИЧНОСТИ СТРОЯ

Е. В. Глебов

Новосибирский государственный медицинский университет

Для того чтобы убедиться, что не только в массовом сознании, но и в среде профессионалов внятное и чёткое понятие демократии отсутствует, следует провести несложный социологический опрос на тему: «какая современная страна обладает наиболее древними и сильными демократическими традициями». Я регулярно провожу такие опросы в самых разных аудиториях, в том числе через Интернет, и всегда получает одни и те же, впрочем, весьма предсказуемые результаты. Как правило, абсолютное большинство голосов в номинации «древнейшая демократия» получает монархия. Разумеется, если респондентам на это указать, начинаются оговорки, что монархия конституционная, что королева не правит и т.п. Эти отговорки принимать не следует: мясо может быть несъедобным, рыбой оно от этого не становится. Королева этой страны в детстве, будучи принцессой, во время войны с Гитлером, несколько раз в неделю после школьных уроков ходила работать на токарном станке, точила оболочки для снарядов, но пролетарием от этого не стала. После войны брала призы на скачках в Эскоте, но жокеем тоже не является. И, кстати, как можно говорить о конституционной монархии, если в этой стране, Великобритании, вовсе нет

конституции как юридического документа? Но зато в номинации «сильнейшая демократия» несомненно побеждает республика. Правда, народ, её населяющий, не сложился ещё настолько, чтобы даже иметь собственное имя (ведь термин «американцы» с равным основанием применим ко всем жителям Северной и Южной Америки). А многие правители этой страны либо убиты на посту (смертность по этой причине среди президентов США выше, чем среди сравнимого количества, например, английских или шведских королей), либо оказались уголовными преступниками, а то и сексуальными маньяками. Впрочем, это лишь подтверждает мнение древнегреческого ритор Исократ, высказанное об афинской демократии: «Из выступающих с трибуны вам нравятся самые негодные, и вы думаете, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые, неразумные - чем здравомыслящие, те, которые делят между собой государственное достояние, - чем те, которые выполняют литургии из собственных средств... и хотя у нас демократия, но нет свободы слова, ...кроме как для безрассуднейших и нисколько о вас не заботящихся ораторов, а в театре - для сочинителей комедий». Возможно, именно поэтому политики США так любят называть свою республику «Новые Афины»? Однако по сравнению с Афинами демократические процедуры в США явно слабее: например, проблема отстрела президентов ясно характеризует неразвитость легитимных процедур смены руководителя страны при существовании недовольства его политикой со стороны какой-либо социальной группы. Афины своих Алкивиадов изгоняли демократическим голосованием, а убивать в античном мире было принято лишь тиранов.

Стандартным аргументом, и довольно сильным, против подобных рассуждений является указание на то, что практика государственного управления - дело гораздо более грязное, чем теория, и в первую очередь на соответствие принципам идеального государства следует проверять теорию данной политики. К сожалению, в наше время среди теоретических трудов, особенно среди трактующих вопросы правильного устройства государства, велик процент заказных и рекламных, по форме нисколько не отличимых от научных работ. Однако автору повезло ознакомиться с именно научным трудом (*Democratizing Japan: the Allied Occupation*. Honolulu. 1987), в котором к тому же проанализированы проблемы не просто теории демократии, а ещё более сложный процесс: перевод «тоталитарной» страны в демократическую. Это требует адекватного понимания, что такое демократия, и, следует признать, и участники демократизации Японии, и современные исследователи понимали и понимают это в полном соответствии с теорией, в частности, ни сколько не сомневаясь, что идеальной формой правления является именно демократия.

Демократизация Японии являлась весьма сложной задачей для тех, кто её проводил, и, если бы исследователи, описавшие этот процесс, дали себе труд подумать над исследуемой проблемой более глубоко, то эта проблема была бы ещё более значима для них. Дело в том, что ранее не зря были поставлены

кавычки при описании Японии к слову «тоталитарной»: определения тоталитарности, при всём их разном, содержат два основных и общих момента, а именно наличие однопартийной системы и государственной идеологии. Даже согласно указанному труду, не говоря уж о других фундаментальных трудах, Япония была до оккупации многопартийной страной, и даже когда уже в ходе войны, в 1940-м году правительство приложило усилия для слияния всех легальных партий в одну ассоциацию, официально призванную поддерживать патриотические усилия, этот японский аналог западноевропейского Народного фронта моментально раскололся на 2 группировки - патриотов сверхофициозных и просто патриотов.

Вообще говоря, в этот период одновременно в стране существовали минимум две нелегальные партии - Социалистическая и Коммунистическая, - и нормальная политология их не учитывать просто не может в счёт количества партий. Более того, среди депутатов парламента были абсолютно независимые ни от каких партий депутаты, избранные от округов: их было 65 из 466. Это ли не основополагающий признак демократии: депутаты, избранные населением, независимые от элитных, корпоративных, партийных, профессиональных и тому подобных интересов и влияний, действующие только от имени избирателей своего округа, добивающиеся в соответствии со своими личными мнениями соответствия государственной политики интересам свои избирателей? И, кстати говоря, они, в отличие от всех остальных, делом доказали, что они действуют так, как им велит императивный мандат народа (хотя такого понятия, как императивный мандат, не существует, по крайней мере, на уровне теоретическом, иначе, чем в большевистской политологии и практике): кроме тех, кому превышало 60 лет, они почти все либо сели в тюрьму за заговор (с целью прекращения войны любым путём) против существующей власти, либо (большинство) ушли на фронт и там или погибли, или были взяты в плен, то есть действовали именно так, как ожидали от них избиратели по существу. Их место, как правило, заняли патриоты обеих мастей, которые, правда, сами ни на фронт, ни в тюрьму не шли, разумеется, по объективным причинам: кто-то же должен на достойном уровне организовывать сопротивление доверившегося им народа.

Следует заметить (и следовало бы это заметить исследователям), что наличие независимых непартийных депутатов является несомненным, хотя и избыточным, признаком парламентской демократии, например, в США их на тот момент не было вообще, а в Великобритании всю войну было меньше, чем в Японии стало к концу войны. Однако, формалистически, на основании наличия указа об объединении депутатов в одну Ассоциацию, который, как и положено при демократии, не соблюдался, военный враг одной демократии был поименован как тоталитарный Враг Вообще. Кстати говоря, глубокое и искреннее убеждение, что демократии друг с другом не воюют, даже независимо от любых других сопутствующих ошибок, является достаточной

фальсификацией демократической теоретической политологии, не меньшим, чем крах политологии развитого социализма из-за китайско-вьетнамской войны 1979 года. Видимо, недостаточность теоретического и практического обоснования была прочувствована, и потребовалось второе основание для отнесения Японии в разряд недемократических государств. На роль государственной ИДЕОЛОГИИ была назначена государственная РЕЛИГИЯ синто, что смешно само по себе, поскольку даже та вульгаризация марксизма, что правила бал в последние годы СССР, не позволяла себе считать религии просто формой идеологии, а самые продвинутые демократические политологи и практики при необходимости запросто, даже без специальных оговорок, проделывают такой трюк..

Таким образом, Японии были прописаны демократические процедуры, и её принялись лечить от тоталитаризма. Как это проделывалось - это отдельная тема, достойная самого саркастического изложения, хотя вряд ли тем, кто пережил подобное, было весело. Нас интересует теоретический итог, сделанный в результате 30-летнего исследования, и укладывающийся в краткую, ёмкую и точную триединую формулу: демократизация есть

1. оккупация;
2. репрессии (именно так неоднократно и указано - repressions) против правых, левых и умеренных;
3. жёсткое подавление социального, экономического и прочего протеста.

Разумеется, в сём научном труде есть необходимые оговорки, и сама процедура тоже сопровождалась разнообразными увещаниями, что это всё для грядущего блага японского демоса и делается. Пожалуй, самая большая ирония, которая осталась никем не замеченной, заключается в том, что в результате полного перетряхивания всей социальной, культурной, политической, экономической, и бытовой структуры в неприкосновенности осталась одна подсистема - религия синто, ранее действительно в немалой степени ответственная за японский милитаризм, который и послужил истинной причиной для классификации всей страны как тоталитарной. Неизвестно, помогла ли возрождению Японии эта демократизация (очень многие уверены, что именно так), или как раз обратная реакция народа и элит: «всем сжать зубы и работать, несмотря на вот это всё». К нашей теме относится только теоретическое описание, что есть демократизация, и понимание, какая демократия из таких процедур с необходимостью вырастает.

Вот именно она, родимая, и вырастает - полная идеальная всеобъемлющая демократия, со всеми положенными ей сущностями: делением жителей на граждан и рабочий скот, хорошо развитым гестапо, и подавляющим идиотайством. Неужели действительно прав был Уинстон Черчилль, когда говорил, что ничего лучшего человечество не придумало?

Дело в том, что в «Политии» Аристотеля чётко и неоднократно заявлено, что если занятие должностей происходит путём выборов, то это олигархия.

При демократии должности занимают по жребию. Последней такой демократией в Европе была Флорентийская республика.

glebov99@ngs.ru

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

С. Ю. Трофимцева

Самарский государственный университет

Развитие философии науки оказало серьёзное влияние на развитие практически всех современных наук, в том числе, и истории. Вопрос о начале генезиса западноевропейской философии истории остается дискуссионным. К примеру, Э. Трёльч считал, что грекам «была неведома философия истории», так как их мировоззрение было основано на «внеисторическом и неисторическом мышлении» [1. С. 17-18]. Можно утверждать, что первые реальные попытки осмыслить историческое прошлое были предприняты в раннем средневековье, когда под эмпирические исследования стал подводиться теоретический фундамент, что привело к началу оформления европейской философии истории.

В отечественной науке глобально-теоретический анализ с целью конструирования рациональных моделей стал, в основном, предприниматься в связи с кризисом марксистской методологии в начале 90-х годов XX века. Однако представление обо всей европейской философии истории как о смене «формационного» подхода «цивилизационным» нельзя считать оправданным, поскольку сами понятия явно не типологические, и их использование сужает европейскую историософию до К. Маркса («формационный» подход) и А.Дж. Тойнби и некоторых его последователей («цивилизационный» подход), а остальное наследие европейской мысли остаётся за пределами данных подходов.

Исходя из того, что философское знание об историческом процессе не может быть метафизичным, оно развивается и дополняется, и философия истории должна в своем развитии проходить стадии, характерные для развития любой науки, представляется возможным использовать для рациональной реконструкции развития западноевропейской философии истории парадигмальный анализ развития наук Т. Куна.

В философии истории под понятием «парадигма» следует понимать самые общие логико-теоретические представления об историческом процессе, конституируемые в обобщенную модель всего исторического универсума. К основным позициям, по которым идет конструирование подобной модели, можно отнести представления о смысле истории, виде и сущности исторического процесса, его внутренней структуре, вероятных движущих силах данного процесса, характере его динамики, возможности познания историческо-

го процесса в целом, месте и роли в нем человека [2. С. 45]. При этом историософская парадигма выступает конструкцией более высокого порядка, нежели чем научно-исследовательская программа или историософская концепция, моделируемой на их базовых положениях. Следовательно, историософскую парадигму можно считать некой в высшей степени обобщенной абстрагированной моделью рефлексии исторического прошлого как динамически изменяющегося во времени социокультурного универсума [2. С.47].

В развитии философии истории до конца XX века можно выделить две парадигмы: классическую и постклассическую.

К основным постулатам классической парадигмы можно отнести следующие: глобализация и универсализация исторического процесса, унифицированность исторического пути народов при сохранении принципа европоцентризма; стадийность исторического процесса, основными модулями которого выступали истории государств, а сущность истории определялась как развитие *ratio*; прогрессивность, неравномерность и закономерность исторического развития; доступность исторического прошлого для объективного познания субъекта; детерминированность действий человека в истории надперсональной необходимостью; обусловленность смысла истории представлениями об универсальных ценностях, либо целенаправленностью развития истории и стремлением к социальному идеалу.

К основным постулатам постклассической историософской парадигмы можно отнести следующие: персонифицированная история выступает в роли бесконечного процесса творения человеческой реальности; исторический процесс, как правило, – априорно и эмпирически единый длительный и изменчивый темпоральный процесс становления, объективирующийся в равнозначных макроисторических феноменах (культуры или цивилизации) – безусловно высших для всех остальных, но не включаемых ни в какие более обширные системы, характеризующихся имманентным единством и тенденциями прогресса и регресса в развитии; универсальность законов истории отрицается; историческое познание относительно.

Однако стремление историософских парадигм представить самую общую модель исторического универсума постепенно стало вызывать неприятие ряда исследователей (к примеру, «школа Анналов» выступила против любых попыток схематизации истории). Исходя из этого, в некоторых современных историко-методологических направлениях провозглашается лозунг отказа от попыток глобальных построений и утверждается методология исторической науки, направленная на изучение всех сфер социокультурной деятельности людей. Это особенно развито в современной американской историографии в рамках «новой культурной истории», где история трактуется в антропологическом смысле как система ценностей и понятий, а не как «высокая культура» [3. С. 17].

Тем не менее, на современном этапе развития отечественной науки философско-историческая и макрометодологическая проблематика снова приоб-

ретаает актуальный и дискуссионный характер (к примеру, споры в отечественной медиевистике относительно микро- и макроподходов к истории).

Литература

1. Трёльч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёльч. – М., 1994.
2. Трофимцева, С.Ю. Глобальные парадигмы философии истории: к определению понятия / С.Ю. Трофимцева // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвуз. сб. науч. трудов. – Пенза: ПГТУ, 2003. – Вып. 4. – Ч. I.
3. Дэвид-Фокс, М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // М. Дэвид-Фокс // Американская русистика. – Самара: «Универс-групп», 2000.

link@ssu.samara.ru

УТОПИЯ И ОБЩЕСТВО

Е. А. Королёв

Новосибирский государственный университет

Мы рассматриваем **утопию** как некоторый социальный теоретический конструкт, в основе своей – непротиворечивый и целостный. Утопия (в нашем понимании) строится на основании положительного общественного идеала и представляет собой идеальное общество. Под утопией мы также будем понимать не только саму теорию, но и другие виды духовного творчества, такие как литература (утопия как жанр), политические проекты. Точнее, под утопией мы будем понимать тот социальный теоретический конструкт, ту теорию, которые можно из этих произведений выделить, реконструировать.

Современное **понятие утопии** – это сложное и многозначное понятие, что порождает определённые трудности при работе с ним. Поэтому необходимо выделить общие элементы утопии, то есть те качества, делающие теоретический конструкт утопией. Данные элементы можно рассматривать как признаки и использовать для нахождения критериев, по которым можно утопию распознать. Видов утопии может быть много, но нам необходимо выделить во всех них нечто общее.

Элементы утопии

За основу мы берём понятие утопии, введённое Карлом Манхеймом: Утопия – это *"трансцендентная по отношению к реальности ориентация, которая взрывает существующий порядок"* [1]. Также, используем анализ понятия утопии Е. Шацким [2].

На наш взгляд, в данном случае (в силу сложности и размытости понятия утопии) лучший способ выделения критериев утопии, это соотнесение утопии с различными видами сходных понятий, такими как:

Утопия и фантазия.

Утопия и идеология.

Утопия и традиция.

Утопия и фантастика.

Утопия и миф.

Утопия и революция.

Утопия и история.

Выделим следующие элементы утопии.

Социальная теория. Утопия - это концепция общественного устройства.

Положительный идеал. В основе утопии лежат положительные идеалы. Утопия - это более совершенное относительно современному для утопии общество, идеальное государство.

Целостность, законченность. Утопия - это готовая модель общества, где основные его сферы продуманны.

Логическая связность. В основе своей, утопия представляет собой связанную, логически непротиворечивую социальную систему.

Нормативность. В утопиях устанавливаются свои общественные законы и нормы – положительные и правильные, на взгляд автора. При этом, зачастую, не обращается внимание на реализуемость этих норм и есть ли у них какие-то исторические корни.

Возможно, это не полный список элементов утопии, но эти признаки утопии мы можем использовать в последующих её исследованиях.

Следствие

Люди, населяющие утопическое общество, обладают определённой для этого социального устройства человеческими качествами: моралью, мировоззрением, ценностными установками. Иначе, данная социальная структура не могла бы существовать даже гипотетически.

О сущности утопии

Мы полагаем, что важным признаком утопичности является **нереализуемость** (являющаяся следствием нормативности). Можно выделить 2 крайних взгляда на данный вопрос. 1: Утопия не реализуема. 2: Утопию нужно реализовывать. Оба они не верны, на наш взгляд. Потому что нереализуемость встраивается в утопию несколько другим образом: утопия изначально строится как теория, которая не ограничивается историческими предпосылками. Наша нереализуемость утопии должна пониматься именно в этом смысле.

Сущность утопии состоит в том, что это – описание устройства общества, которое строится как модель, основой для которой являются определённые положительные идеалы, этические и моральные установки. При этом, в утопии часто приходится преодолевать некоторые проблемные точки современного общественного устройства. Например, проблему несправедливого распределения благ, проблему потребительства.

Структура и базовые принципы утопии

Если производить разложение утопии на части, то можно при этом выделять первичные принципы (морали, этики, экономики, политики, экономики), а затем разворачивать из этих принципов саму утопическую теорию.

Например, социалистическая утопия базируется на отрицании эксплуатации человека и частной собственности, справедливого распределения ресурсов и благ по труду.

Роль утопии в обществе. Наличие утопии как признак идеологической свободы

Слабое присутствие утопии, утопического сознания в общественном сознании, непопулярность утопических идей может говорить об идеологизированности общества. Утверждение: при присутствии утопических идей и элементов в обществе, общество обладает определённым плюрализмом мнений, открытостью к новым идеям. При этом идеологизированность общества, присутствие пропаганды (государственной или со стороны элит) не велико. Например, на Западе сегодня считается, что там нет идеологического общества. Но некоторая непопулярность утопии может говорить об идеологизированности западного общества. В частности, многие люди на Западе, да и не только на Западе – в России и некоторых развитых азиатских странах считают, что западный образ жизни и устройство общества, экономики – лучшие и не видят, куда общество может развиваться. Но западная цивилизация обладает тоже очень большими проблемами и последний экономический кризис обнажил эти проблемы в экономике. Налицо присутствие определённой идеологии.

Литература

1. Манхейм К. Идеология и утопия / Диагноз нашего времени. М., 1994.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОБЪЯСНЕНИЯ МИРА В МИФОЛОГИИ

Е. А. Колмакова

Омский государственный технический университет

Что такое объяснение? Как отмечал еще Дж.-Ст. Милль, объяснить значит найти причину, ответить на вопрос «почему произошло данное

событие». С этой операцией каждый человек знакомится в дошкольном возрасте, когда родители стараются растолковать и показать ему, что можно и что нельзя, а он все спрашивает: а почему? Далее в течение всей жизни в процессе общения и повседневного познания мира, решая встающие перед нами проблемы, мы постоянно сталкиваемся с предлагаемыми нам объяснениями мира и сами кому-то что-то объясняем и докладываем.

Существует два вида объяснений: дедуктивно-номологические и индуктивно-вероятностные. В первой модели, чтобы ответить на вопрос, почему произошло E , мы указываем на некоторые другие события (факты) E_1, \dots, E_m (если они предшествуют E , то носят название *антецеденты*) и на один или несколько общих суждений или законов L_1, \dots, L_n таких, что из них и того факта, что имеют место (существуют) другие события (E_1, \dots, E_m), логически следует E . Эта схема представляет собой разновидность дедуктивного условно-категорического силлогизма *modus ponens*:

Всегда если A , то B

$$\frac{A}{B}$$

B называется *экспланандум* (объясняемое), A – *эксплананс* (объясняющее, которое составляют некоторые события (факты) и общие положения (законы)). В сущности, это стандартная модель научного объяснения.

Объяснение через закон посредством индуктивно-вероятностной модели строится по той же схеме, что и дедуктивно-номологическое. Отличие лишь в том, что роль закона выполняет вероятностная гипотеза: «Если имеются E_1, \dots, E_m , то *весьма вероятно*, что произойдет E », то есть допускается непоявление E . Тем не менее, это тоже модель научного объяснения.

Описанные объяснения являются самым употребляемыми, причем не только в науке, но и в повседневной жизни, а кроме того, и в мифе.

Например, индуктивно-вероятностное объяснение применительно к мифологическому мышлению выглядит так: экспланандум (E): почему стоит засушливая погода и погибает урожай? антецеденты (E_1, \dots, E_m): люди стали плохо соблюдать положенные обряды, перестали приносить богам жертвы, чем прогневали их, а «если имеет место E_1, \dots, E_m , то весьма вероятно, что произойдет E (отсутствие дождя)». По этой же схеме объясняется, почему после заклинаний и плясок шамана дождь пошел. А если и не пошел, то это не противоречит индуктивно-вероятностному объяснению, особенность которого в том, что непоявление E допускается. В отличие от дедуктивно-номологических объяснений, здесь нет закона. Недаром еще Г.Х. Вригт заметил, что данная модель, по сути, не объясняет что-то, а «оправдывает определенные ожидания и предсказания[1]». В то же время тот путь мысли, который зачастую используется в мифологии, называют трансдукцией: от частного к частному.

В мифе, конечно, нет подведения под закон, потому что нет еще законов, как они понимаются в науке. Однако общая схема объяснения в мифе работа-

ет. Таким образом, как отмечает Я.Э. Голосовкер, причинные объяснения в мифе присутствуют, но при этом «каузальное объяснение чудесного не менее чудесно»[2]. Например, невидимость богов получает достаточно разумные, но «чудесные» толкования – боги едят, пьют амброзию и натираются ею или объяснение, предложенное Гомером: вместо крови в жилах богов течет особая лимфа, дающая невидимость и т.п.

Следовательно, сама схема объяснения не нарушается в мифе, но только выхода из «рамки логики чудесного» к здравому смыслу нет. Еще пример причинного объяснения: «Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется Бореем, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца. Таким же способом и Эвринома зачала дитя»[3]. Причина зачатия – ветер, также иногда причиной может считаться как ветер, так и съеденные бобы, или даже случайно проглоченное насекомое. При этом столь же чудесным может быть и рождение: Елена Троянская родилась из яйца, снесенного богиня Немесидой, Афина – из головы Зевса.

При этом, перечисляя виды объяснений в мифологии, нельзя забывать, что они лишь только *напоминают* номологические объяснения или *подобны им*. Ведь, как уже отмечалось, любое номологическое объяснение явно или латентно базируется на законе. Особенность мифологических объяснений – в отсутствии. Как пишет Я.Э. Голосовкер, в мифе используются *retitio principii* – «предрешенные предпосылки», когда «правильное дедуктивное доказательство покоится на предрешенном основании или молчаливом допущении, требующем еще доказательства. Положение остается недоказанным»[4]. Таким образом, функцию общих положений выполняет в мифе «энигматическое знание» (от греческого энигма – «загадка», понятие, введенное Я.Э. Голосовкером), на котором всецело строится «имагинативная логика» или логика воображения.

Мифологический способ объяснения мира является *квазиномологическим*.

Литература

1. Вригт Г.Х. Объяснение и понимание [Текст] /Г.Х. Вригт //Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – С. 52.
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа [Текст]/ Я.Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – С. 28.
3. Грейвс Р. Мифы Древней Греции [Текст] /Р. Грейвс. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – Кн.1. – С. 14.
4. Голосовкер Я.Э. Логика мифа... – С. 34-35.

Geniafil@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Д. А. Шингаркина

Российский государственный социальный университет (Тольятти)

Социально-экономические изменения, происходящие в современной России, привели к социальной нестабильности, незащищенности людей. В последние десятилетия наблюдается кризис системы ценностей общества, происходит ее переосмысление. Большинство людей теряют чувство целостности своей личности, утрачивают ощущение себя как субъекта деятельности, поведения. Все это порождает кризис доверия личности к сфере социальных отношений, к различным ее субъектам. Многие ученые (К.А.Абульханова-Славская, Г.М.Андреева, А.Г.Асмолов, В.А.Петровский и др.) отмечают, что изучение целостности личности должно осуществляться в единстве рассмотрения таких смысло-жизненных феноменов, как сострадание, милосердие, доверие, благотворительность, любовь, надежда. Подробное рассмотрим категорию доверия как социально-психологического феномена.

Категория доверия является предметом изучения многих наук: философии, этики, социологии, психологии. Анализ феномена доверия в русле философских исследований представлен в области различных направлений философской антропологии (Н.А.Бердяев, М.Бубер, А.Камю, Ф.Ницше, А.Шопенгауэр и др.). Так, М.Бубер указывает на двойственный характер веры, выделяя два образа или типа веры, которые изначально строятся на психологически разных основаниях: одна форма веры основана на состоянии соприкосновения или отношения к чему-то как к истине, вторая - основана на акте принятия какого-то содержания за истину. При этом состояние соприкосновения с партнером или объектом является близостью, которая предполагает дистанцию. Акт признания истины тоже первоначально предполагает дистанцию между субъектом и объектом, но здесь зарождается отношение, которое может перерасти в чувство слияния [1].

Современные исследования А.Д.Александрова, В.Г.Галушко, В.И.Губенко, А.К.Козырева, А.А.Старченко и др. ориентированы на изучение родовой категории доверия - веры. Феномен веры рассматривается как целостное явление имманентно присущее человеку и выполняющее фундаментальные функции в процессах социализации и обеспечения целостности восприятия личностью собственного бытия.

Доверие является одной из важных этических категорий морали. Предметом этического анализа является определенный аспект, связанный с взаимоотношениями людей, отражающих их нравственную сторону (Б.Ф.Поршнев, Б.А.Рутковский, Я.Янчев и др.).

Сущностная характеристика феномена доверия имеет психологическую природу, исходя из чего он выступает объяснительным принципом других психологических явлений. Проблема доверия затрагивалась при изучении социально-психологического внушения (В.М.Бехтерев, А.С.Кондратьева,

В.Н.Мясищев, К.К.Платонов и др.). Доверие называлось первым и исходным условием существования феномена дружбы (И.С.Кон, Л.Я.Гозман, А.В.Мудрик, И.С.Полонский и др.). Доверие занимает ключевое место при анализе поведения индивидов в сложных ситуациях взаимодействия, в частности, а именно при изучении межличностных конфликтов (А.И.Донцов, Н.Н.Обозов).

В зарубежных психологических исследованиях категория доверия трактуется как основополагающий элемент социального и психологического благополучия индивида (П.Говир), как явление, связанное с самораскрытием (С.Джурард, П.Ласкау и др.). А.Бандура рассматривает доверие как явления, связанное с уверенностью и социальной компетентностью. К.Роджерс выделяет феномен доверия личности к себе, под которым прежде всего понимает доверие к своему жизненному опыту.

Э.Эриксон понимает доверие как надежду на других и веру в самого себя, в способность самостоятельно справляться с собственными побуждениями и нуждами. Формирование базового доверия к миру, по мнению Э.Эриксона, является источником гармоничного общения с людьми, умения присоединяться к людям, при этом выделяя себя, их как личность [4].

Доверие как основополагающее условие взаимодействия человека с миром является одной из важных функций. В любой ситуации взаимодействия человек одновременно ориентирован как на себя, так и на окружающий мир. С одной стороны, человек учитывает свои интересы, желания, потребности, с другой условия, требования, которые предоставляются миром. Доверие человека к миру связано с доверием к себе, если же они не взаимосвязаны, то происходит распад мира, в котором живет человек. Второй важной функцией доверия является установление меры соответствия поведения людей, их целей, задач миру и себе. Гармония человека с самим собой и с миром возможна только в случае соответствия уровня доверия к миру и к самому себе. Соотношение уровня развития доверия к себе и к миру должно находиться в подвижном равновесии. Та или иная ситуация может не соответствовать окружающему миру или миру человеку, именно в этом случае он стремится к его обретению вновь. Ситуация не соответствия может возникать в том случае, если человек попадает в новые для себя условия, обстоятельства, в которых требования мира расходятся с его интересами, желаниями, потребностями. В этом случае, человек должен сделать выбор - довериться условиям, требованиям, которые предоставляются миром или своим желаниям, интересам, потребностям и возможностям. Третья функция доверия заключается в том, что оно способствует стиранию граней между прошлым, настоящим и будущим. Доверие человека к миру и к себе во многом обусловлено прошлым опытом успехов или неудач, исходя из которого, он делает свой выбор. Представление человека о будущем, так или иначе, связано с прошлым опытом личности. Таким образом, доверие интегрирует прошлое, настоящее и будущее в единый акт жизнедеятельности.

Анализ отечественных и зарубежных исследований (И.С.Кон, А.В.Мудрик, Ф.Перлз, К.Роджерс, Дж.Хомас, Э.Эриксон и др.) показал, что доверие рассматривается в качестве условия возникновения и развития других явлений: доверия к миру, доверия к другому, доверие к себе. Доверие к другому, по сути, является переживанием ощущения защищенности, безопасности в присутствии другого и позитивная вера в него.

Доверие к себе относится к явлениям, связанным с активностью личностью, способной действовать как творящий субъект. В активности человека проявляется определенный уровень доверия к себе. Доверие к себе проявляется в способности личности «выходить за пределы» себя, своего опыта, конкретной ситуации, при этом не вступая в противоречия с собой. Оно является проявлением безусловной верой, убежденностью человека в своем совершенстве, в своих силах, ценности, нужности, значимости. На эмоциональном уровне доверие себе переживается как состояние самопринятия, которое позволяет выражать свои мысли, чувства, быть уверенным в понимании, признании, принятии и поддержке.

Доверие к себе можно определить как личностную установку человека, направленную на себя и включает в себя когнитивный компонент (знание о себе, своих возможностях), эмоционально-оценочный компонент (самооценка возможностей, принятие - непринятие себя, любовь-ненависть к себе), поведенческий компонент (мера доверия себе, избирательность доверия к себе в различных жизненных ситуациях).

Необходимо отметить, что доверие к себе не является постоянной величиной, его уровень определяется мерой соответствия между ним и доверием к миру.

Доверие человека к миру, к себе к другим людям предполагает возникновение и развитие видов доверительных отношений. В современной социологической науке определены факторы, влияющие на формирование видов доверительных отношений: 1) доверие к другому – основа формирования доверия к миру. Доверие к другому выступает в качестве условия формирования таких взаимоотношений, как дружба, любовь, уважение, вражда, ненависть; 2) доверие существует как личностная или социальная установка, как эмоционально-оценочное отношение к другому и к себе; 3) соотношение основных характеристик доверия (эмоционально-оценочных, поведенческих, когнитивных); 4) в каждом виде общения присутствует мера взаимности доверия; 5) человек одновременно обращен в мир и в себя, т.е. с одной стороны доверяет миру, с другой стороны, доверяет себе; 6) доверие возникает, когда существует готовность к его проявлению у взаимодействующих людей; 7) в любом акте общения присутствует определенное количество, мера доверия. Выход за ее пределы «необходимой веры» доверия по отношению к себе и другим, приводит к негативным последствиям в общении.

Степень взаимности меры доверия к себе и к другому определяет формирование различных видов доверительных отношений. На основе сочетания

показателей меры взаимности доверия и соотношения доверия к себе и к другому формируются различные виды доверительных отношений:

Первый вид доверительных отношений характеризуется тем, что оба взаимодействующих субъекта в равной мере доверяют и себе и партнеру. Другой является значимым и потенциально надежным, также как и значим для себя сам человек. Взаимодействие, основанное на таких взаимоотношениях, способствует возникновению личностного общения.

Второй вид доверительных отношений предполагает, что каждый из взаимодействующих субъектов доверяет только себе и не доверяет другому. Результатом такого взаимодействия является соперничество и конкуренция. В системе этих отношений можно говорить об отсутствии доверия.

Третий вид доверительных отношений заключается в том, что оба партнера по взаимодействию друг другу доверяют больше, чем себе. Такой вид доверия сопровождается стремлением переложить ответственность друг на друга. В итоге это приводит к безответственности и к отсутствию условий для удовлетворения потребности в доверии.

Четвертый вид доверительных отношений характеризуется тем, что один партнер по взаимодействию доверяет во взаимодействии и себе и другому в равной мере, а другой – только себе. Это взаимодействие приводит к манипуляции и принуждению со стороны того, кто доверяет только себе.

Пятый вид доверительных отношений можно охарактеризовать как взаимодействие, где один партнер доверяет в равной степени себе и другому, а второй доверяет первому больше, чем самому себе. Такое сочетание меры доверия порождает отношение к первому, как к авторитетной личности.

Шестой вид доверительных отношений предполагает позицию, при которой один доверяет только себе, а второй - только другому. Такие отношения порождают зависимость от того, кто доверяет только себе и способствует использованию другого в качестве средства.

Таким образом, сущность доверительных отношений определяется переживанием актуальной ценности и надежностью объекта, с которым предполагается взаимодействие, собственной значимостью и безопасностью.

Изучение смыслового содержания категории доверие, нацеливает на интерпретацию этого феномена в контексте, задаваемом понятиями веры, уверенности, социально-экономических ситуаций. Это позволяет конкретизировать значения доверия как разновидности веры и рационального отношения к будущему.

Литература

Бубер, М. Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. [Текст]. - М.: Республика, 1995. - 464 с.

Скрипкина, Т.П. Психология доверия /Т.П.Скрипкина. - [Текст]. М.: Академия, 2000.- 264 с.

Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия /А.Б. Купрейченко [Текст].- М.: Ин-т психологии РАН. 2008.- 571 с.

Эриксон, Э. Детство и общество. Пер. с англ. - СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.- 592 с.

darina2303@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ПРАВОСОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

Н. Б. Капустина

Одесская юридическая академия

Правосознание дает возможность личности на основе правовых чувств и установок выражать свое отношение к действующему праву. Правосознание формируется в обществе в процессе правовой социализации, когда индивид усваивает определенные знания, нормы, ценности, которые позволяют ему функционировать как полноценному члену общества. Состояние общества на том или ином этапе своего развития влияет на правосознание индивида. Если в обществе право признается важнейшей социальной ценностью, то и у личности больше возможности сформировать ценностное отношение к праву, если же в обществе преобладают скептические и негиллистические настроения то и у личности вырабатывается противоречивое отношение к праву, что часто приводит к кризису правосознания. В научной литературе советского периода категория правосознания оказалась опосредованной экономическим базисом и носила явно классовую окраску. На современном этапе развития науки, несмотря на явный прогресс в изучении этого явления, феномен правосознания также трактуют несколько однобоко, что связано с повышением интереса к проблематике правового государства и прав человека. Конец XX столетия ознаменовался крушением многих рационалистических мифов о человеке, обществе, праве и государстве.

Говоря сегодня о кризисе правосознания, не возможно не обратиться к разработкам известных русских ученых-правоведов, таких как П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев, так как их представления остаются актуальными для изучения правового сознания и в настоящее время.

Так, по мнению П.И. Новгородцева, правосознание охватывает оценочные убеждения и установки ко всей системе политических и правовых отношений (идея правового государства и гражданского общества, принципы равенства и свободы, понятие личности), изменения которых свидетельствуют о кризисе правосознания. Последний связан с кризисом идеи правового государства, с тем, что изначально преувеличивалась его роль и значение. Автор считает, что для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и под-

крепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его в уровень с веком, требующим разрешения великих проблем. Новгородцев уверен, что кризис правосознания есть также следствие отставания положительных законов от движения истории и ее требований. «Вследствие этого в жизни постоянно и неизбежно возникают конфликты между старым порядком и новыми прогрессивными стремлениями. В самом течении исторической жизни мы открываем зародыш новых отношений, а вместе с тем и основания для построения идеального права». [1]

Если Новгородцев трактует кризис правосознания в теоретико-правовом, концептуальном смысле, то И.А. Ильин говорит о дефектности правосознания с точки зрения его практического воплощения в жизни. По его мнению, уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему; пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет ее недостойным, извращенным содержанием; возникает неправоное право, которое, однако, именуется «правом» и выдается за право. В истории человечества, - пишет он, - периодически бывает так, что дефекты и недуги правосознания подтачивают и расшатывают его верный строй и силу; а расшатанное правосознание само ускоряет наступление острых испытаний, которых оно не в состоянии выдержать. Автор отмечает, что правосознание отрывается от метафизического идеала - от духовной, сверхклассовой природы государства и от духовно-сверхнациональных горизонтов права и разлагается от жадности, страха, злобы, мести и отчаяния. [2]

Кризис правосознания, на его взгляд, в первую очередь связан с различием между естественным и положительным правосознанием. «При всех случаях расхождения положительное право есть суррогат естественного, и если это расхождение обостряется до конфликта, то положительное право может предстать сознанию в роли «ложного» права, лжеправа... Наступает более или менее глубокий кризис правосознания». [2]

Каковы бы ни были причины деформации правосознания, они находят свое отражение и в современном обществе.

Говоря о кризисе современного правосознания, условно можно выделить несколько этапов в этом процессе.

- этап господства тоталитарного правосознания в СССР
- этап правосознания переходного периода

Внутренняя жизнь личности и тем более ее правовые оценки, эмоции, иллюзии с точки зрения господствующего правопонимания и насаждаемого всеобщего законопослушания представлялись чем-то второстепенным и малозначимым. В этой ситуации, у индивида возникает не доверие к действующей власти, так как в действиях власти нет уважения к своим гражданам. А как известно взаимное уважение народа и власти есть необходимая основа государственного бытия. В таких условиях происходит действительная деградация и разрушение правового сознания, его кризис.

Еще А. И. Ильин, исследуя правосознание, обращал внимание на то, что отношения между властью и народом должны основываться на взаимном уважении и доверии. Следовательно, в основе всякого правопорядка и государства лежит взаимное духовное признание людей – уважение и доверие их друг к другу. [3] «Индивидуум, не способный к уважению, извращает все свои правоотношения. Не уважая себя, он утрачивает духовное измерение для своих поступков. Политический режим является больным, если он основан на взаимном неуважении власти и народа. Отсюда полицейское государство и тоталитарное государство, страх, террор... Гражданин, не уважающий свою власть, имеет больное правосознание и разрушает свое государство. Народ, теряющий уважение к своей власти, терпит глубокое душевное бедствие. Взаимное недоверие есть сила, разрушающая правопорядок и государство. В свою очередь государство не может существовать, если оно превращается в взаимного недоверия и подозрения. Истинной основой власти является духовное уважение и доверие народа к правительству и правительства к народу. Каждая из сторон должна признать своим правосознанием правосознание другой стороны и тем самым слиться с нею в некое волевое единство». [2]

Ситуация, которая сложилась в период господства тоталитаризма привела как мы знаем к полному тотальному недоверию двух сторон, а затем и к крушению государства. В результате этого мы получили ряд самостоятельных независимых государств, которые унаследовали антиправовые установки и стереотипы. В новообразовавшихся странах возникает социальная напряженность, экономические неурядицы, распад некоего единого жизненного пространства, дезинтеграция, морально-психологическая неустойчивость общества. Правовая и общая культура личности находится в полной запущенности. В этот период в сознании многих людей смешались такие понятия, как «добро» и «зло», «правомерное» и «неправомерное», «законное» и «незаконное», «справедливость» и «несправедливость»; обесценены такие понятия, как «милосердие», «порядочность».

Все это способствует тому, что сознание населения охвачено массовыми нигилистическими настроениями, народ не верит в справедливость законов, испытывает не уважение к праву и не редко пренебрегает им.

Русский философ Франк понимает под нигилизмом отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей, достижение цели неправовыми средствами. Нигилизм в русском сознании, по Франку, проявляется в безграничном морализме русской души, в которой нет места теоретическим, эстетическим, религиозным ценностям. Этот нигилизм обладает безграничной властью над сознанием. Причину этого автор видит «не только в одном лишь установлении нравственной обязанности служения народному благу», но и связывает «с мечтой или верой, что цель нравственных усилий - счастье народа - может быть осуществлена... в абсолютной форме». [4] Следует согласиться с философами в том, что такое явление как нигилизм имеет двоякое значение, он носит как негативный характер так и позитивный. Негативный характер как раз связан с кризисом правосознания, а позитивный заключает-

ся в том, что он предоставляет возможность на новом витке исторического развития пересмотреть, переоценить все превирующие ошибки и выйти на новый уровень понимания и принятия именно тех ценностей, которые только и наполняют смыслом жизнь, правовую жизнь людей.

Нередко наряду с правовым нигилизмом возникает правовой идеализм. Оба эти явления имеют одинаковые корни – правовое невежество, неразвитое и деформированное правосознание, дефицит политико-правовой культуры. Эти два явления как бы две стороны одной медали. Как показывает практика, в переходный период принимается значительное число законов за короткий период времени, что порождает порой не только отсутствие качества, но и отсутствие механизма их действия. Законы не работают, значит и отношение к ним более чем прохладное их престиж падает, вместе с престижем власти.

Существуют различные мнения о причинах этого явления в современном обществе: незрелость нашего общества; тенденция к коммерциализации законодательства и перевод законодательной защиты прав человека на второй план; эрозия власти, ее неспособность предотвратить разрушительные процессы в обществе. Все это, в конечном счете, приводит к тому, что в правосознании, возникает некий вакуум, который необходимо чем-то заполнить. И есть две возможности заполнения этого вакуума: с одной стороны такой вакуум в сознании людей может быть заполнен духовно-нравственными и религиозными ценностями, а с другой – криминальными и уголовными явлениями.

Выход из кризиса автором видится в переосмыслении прошлого негативного опыта и анализе сегодняшней ситуации. Сказать, что сейчас сложное время — почти ничего не сказать. Возможно, сейчас мы стоим на пороге процесса смены мировоззренческой парадигмы, лежащей в основе всей современной культуры и самого образа жизни и мы являемся непосредственными его участниками. И нам как участникам необходимо не только созерцать, оставаясь сторонними наблюдателями, но и действовать.

Наши действия должны быть направлены на:

- осознание личностью своей значимости и ценности, как носителя естественных прав,
- развитие у личности духовности, принципов моральности и гуманистических ценностей,
- формирование у личности сознательного и ценностного восприятия права и правовых норм и следование им в повседневной жизни,
- накопление и передачу последующим поколениям позитивного отношения и уважение к праву и правовым нормам.

Литература

1. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. - М., 1909. - С.265.

2. Ильин И.А. О сущности правосознания. Собр. соч. Т.4. - М.,1994. - С. 156.
3. Шпак В. Ю., Макеев В.В., Паршина А.А. Анализ аксиом политики, власти и правосознания (на основе работ И.А. Ильина) // Философия права . – 2000. - № 2.
4. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. - М., 1991.-С.173-177.

kapnad@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА: СРАВНЕНИЕ СПОСОБОВ ПРАВОВОГО БЫТИЯ

В. А. Токарев

Самарский государственный областной университет

В 60-е годы XX века Р. Давид отмечал, что «путем широкого изучения структуры других обществ и других правовых систем компаративисты должны создать необходимые условия для плодотворного диалога» [1, с.17]. От них ожидают адекватного осмысления и объяснения ментальности субъектов права, действующих в оригинальных культурных контекстах, особенностей их суждений о праве, концептуальных основ юридического регулирования отношений в отдельных типах общества. В свою очередь, компаративисты видят специфику предмета своих исследований в их пограничном положении. «Как можно отречься от того, что современное сравнительное правоведение имеет свои корни в истории права, что оно поддерживает весьма тесные связи с социологией и философией права?», - спрашивает Р. Леже [2, с.496]. Каждый раз, размыкая для исследователя границы, детерминированные разнообразными факторами, сравнительное правоведение возвращает его к одному и тому же вопросу. К вопросу о том, что есть право. Он может быть сформулирован иначе: *каков способ существования сущего, которое получает признание в качестве правового?* Ставя так вопрос и переходя к анализу эмпирического материала, компаративист может рассчитывать на прояснение онтологической проблематики юридической науки. Разумеется, при условии, что в итоге ему удастся указать на акт официального признания конкретного способа существования сущего как *правового* и обозначить вопрошание субъекта о своем статусе в той реальности, где он только и может проявить себя как субъект права.

Три элемента – вопрошание, указание и обозначение – образуют каркас логической модели изучения современных правовых систем. Но мы рискуем ровным счетом ничего не понять в них, если сами останемся закрытыми для диалога. Как полагает Р. Давид, «необходимое взаимодействие или простое сосуществование требуют, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право» [1, с.18]. Для этого в распоряжении правоведа должна оказаться методология, адекватная предмету исследования, т.е. различным

способам существования права и приемам его осмысления в той или иной культуре. В противном случае эвристический потенциал сравнительного правоведения не будет реализован на том уровне, которого требует сегодня мир, переживая «процессы аккультурации, связанные с распространением права... процессы смешения юридических норм» [3, с.17]. Тем не менее, если исследователь современных правовых систем готов занять ответственную в научном плане позицию, ему придется принять ряд условий. Не останавливаясь на вопрошании и указании, он переходит к обозначению бытия сущего как *правового*, притязания как *права*, долга как *обязанности*, игрока на социальном поле как *участника правоотношения*. Компаративист должен удерживать в поле зрения все уровни правовой реальности: 1) социальное пространство; 2) юридическое пространство; 3) область правосознания. Адекватно воспринимая их, он оказывается один на один с социальной структурой, с культурой как нормативным образованием и с суждениями о справедливости, т.е. в сфере коммуникации.

Первоначально компаративисты набрасывают «атлас» вариантов формализации и практического применения социальных норм, характерных для конкретных культур. Они действуют по принципу, описанному Р. Бартом в «Империи знаков». Как и японцы, отказывающие телу в признании его центрального положения в мире в качестве означаемого знаковой деятельности и выражающие его отношения с реальными вещами непреложным жестом указания на них пальцем («Такое!»), правоведы, обращаясь к исследованию очередной правовой системы, указывают на нее: *это* – англосаксонская семья, а вот *это* – романо-германская и т.п. [4, с.51]. Так формируется метаязык правоведения, не свободный от коннотаций, т.е. от вносимых в него исследователем посторонних смыслов. Между тем, при всех его погрешностях, он должен отражать пласт правовой реальности как таковой и форму, которую она принимает в данном обществе. Речь идет не о тотализации юридического метаязыка, *a priori* навязывающего себя живой реальности с каких-либо конъюнктурных позиций. Напротив, задачи компаративистики видятся нам в осмыслении разнообразия онтологических моделей права, способов сосуществования людей в обществе и механизмов выстраивания правового общения как внутри современных юридических культур, так и между ними.

Обновление методического аппарата правоведения отражает процессы, идущие в современном мире. Их можно обозначить как аккультурацию права, выход за пределы индивидуального правового опыта, безусловно, первостепенного, но не единственного возможного. Сравнение способов бытия права не гарантирует их понимания, тем более – их принятия и рецепции, однако попытка понять и осмыслить чужой опыт свободы или несвободы освобождает того, кто отваживается ее предпринять. Опириуя метаязыком, компаративист, подобно субъекту права, также продвигается в пространстве правовой ситуации, и от успеха его освоения в лабиринте чужих для него смыслов, зависит, передаст ли он их на своем языке адекватно оригиналу. Неоценимую помощь в этом деле ему оказывает семиотический анализ структуры права,

позволяющий интегрировать в дискурс компаративистики правовые системы, не воспринявшие ценностей западной традиции права. Важно понимать, что отрицание ценности права и замена его иными социальными регуляторами поведения индивидов не устраняет юридического поля, остающегося в любом обществе, как западном, так и восточном, пространством борьбы за признание статуса субъекта правовых отношений, а значит, пространством правовых суждений, обусловленных определенным культурным контекстом.

Литература

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996.
2. Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2010.
3. Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005.
4. Барт Р. Мифологии. М., 2008.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В. Ю. Скоробогатов

Высшая школа экономики при Правительстве РФ

Современное общество переживает эпохальные изменения, происходящие во всех его (современного общества) составляющих. «Весь наш общественный, культурный и личный образ жизни находится в состоянии трагического и эпохального перехода от умирающей чувственной культуры величественного вчера к наступающей культуре творческого завтра», - писал в 1957 году к предисловию своего фундаментального труда П.А. Сорокин [1, с. 11]. Когда динамика социальной системы такова, что система может погибнуть, возникает необходимость поиска пути устойчивого развития.

Важнейшим фактором порядка и стабильности социальной системы всегда являлось право. Особые ожидания связаны с этим элементом культуры в условиях кризиса, масштаб которого сложно переоценить. Однако право меняется вместе с социальной системой: если общество изменяется, то правовая система изменяется вместе с ним. В этой связи необходимо оценить состояние правовой системы с учетом общей социальной динамики, выявить ее «болевы́е точки», и сделать это нужно, в первую очередь, на теоретическом уровне.

Одной из тенденций в развитии правовой системы современного общества, на которую обратил внимание еще М. Вебер, является падение роли правового обычая [2]. Рационализация общественной жизни вывела на первое место по значимости закон как средство «социальной инженерии» (Р. Паунд), как «инструмент целедостижения» (Р. Иеринг). Однако признание обычая

«окаменелостью психики и старины» (Л.И. Петражицкий) вовсе не означает, что регулирующий потенциал обычного права автоматически теряется. А. Гуревич, характеризуя Средневековое право, главнейшим отличием обычая от закона считает его мощное «правотворческое начало»: «...обычай, не будучи записаны, сохраняли «пуповину», связывавшую их с обществом, с определенными его группами и слоями, и исподволь, неприметно для людей, при сохранении иллюзии неизменности, изменялись, приспособляясь к новым потребностям» [3, с. 152]. Подчеркивая актуальность обычного права и для правовой системы современности Г.В. Мальцев пишет: «Обычай... это не особый устаревший вид социальных норм, а вечно актуальная форма саморегуляции человеческих сообществ, основанных на социальном равновесии. В этом своём назначении обычай, древний и современный, далеко превосходит закон. В этом смысле он нужен и нынешним правовым системам, он реально присутствует в них в гораздо большей степени, чем мы это себе представляем» [4, с. 173].

Проблема оценки роли правового обычая в правовой системе современного общества заключается в том, что обычай нужно еще суметь увидеть, разглядеть в сложной системе социальных взаимосвязей, его нужно мыслить в соответствии с его понятием. В связи с этим справедливо задаться вопросом: что такое обычное право?

Мы оставим за рамками настоящего текста вопросы, связанные с такими аспектами понятия обычного права, как его нормативность, отсутствие «абсолютной формальной определенности» [5], письменной формы, и обратимся к такому аспекту обычая как время его образования.

В науке сложившимся мнением является взгляд, в соответствии с которым под правовым обычаем понимают социальный регулятор, которому, для того, чтобы сложиться, нужно время. Правовые обычаи (обычное право) определяют как правила поведения (систему норм), «преемственно сложившихся во взаимоотношениях социальных субъектов» [6], которые сложились «исторически в силу постоянной повторяемости в течение длительного времени» [7, с. 736], «в результате его фактического применения в течение длительного времени» [8, с. 83].

С одной стороны, именно длительность образования правового обычая порой рассматривают как качество, по сравнению с которым закон представляется наиболее мобильным средством регулирования общественных отношений. С другой стороны, обычай заслуживает доверия потому, что норма обычного права в глазах наблюдателя проверена временем, а значит опытом, освещена благотворным светом прошлого, при этом предшествующие поколения гарантируют качество жизни по сложившимся образцам поведения. Происходит своеобразная фетишизация прошлого. Страх перед будущим заставляет человека всматриваться назад, в пройденный путь, там искать ответ на вопрос, что делать, как поступать.

Процесс образования правового обычая рассматривается во временном измерении. В науке за последнее время общими стали рассуждения, в кото-

рых признается ускорение времени, при этом «продолжительность времени основного развития увеличивается пропорционально древности происходящего» [9, с. 13]. Мера исторического развития сокращается, а ход мировой истории ускоряется. Действительно, сегодня за человеческую жизнь человек успевает неизмеримо больше, если его сравнивать с римлянином, не говоря уже о том, что представители различных поколений, живущих в одно время, фактически живут в различных временных измерениях, по-разному ощущая пульс времени. Время теряет абсолютный характер и становится субъективным.

С учетом представлений об ускорении времени необходимо поставить вопрос о том, является ли «длительность» необходимой для становления обычая? Безусловно, время было и остается мерой, определяющей процесс, в ходе которого обычное право развивается. Но также справедливо утверждать, что требуется все меньше и меньше времени для того, чтобы обычай сложился.

В «эру мгновения» (З. Бауман) остается все меньше условий для существования стабильных нормативных систем. «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов, правил, которым можно подчиняться, которые можно выбирать в качестве устойчивых ориентиров и которым впоследствии можно руководствоваться» [10, с. 13]. Таким образом, с учетом изменений научных представлений о времени как мере социальных процессов, справедливо поставить проблему соответствующего пересмотра представлений о месте обычного права в правовой системе общества.

Литература

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
2. Классической школой права, обосновывающей первостепенное значение обычного права в правовой системе общества, является историческая школа права.
3. Гуревич А. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007.
4. Мальцев Г.В. Пять лекций о происхождении и ранних сроках права и государства. М., 2000.
5. Бошно С.В. Правовой обычай в контексте современного учения о формах права // Современное право. 2004. № 9. — Режим доступа: www.integrum.ru.
6. Прохачев А.В. Обычай в системе форм права: вопросы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
7. Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головиistica, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2009.
8. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999.
9. Капица С.П. Об ускорении исторического времени. 2004. № 6.
10. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е. А. Рузанкина

Новосибирский государственный технический университет

Вхождение России в Болонский процесс и осуществляемый в настоящее время российскими вузами переход на государственные образовательные стандарты третьего поколения включает в себя такой значимый компонент этого процесса, как разработка компетентностной модели выпускника вуза. Согласно требованиям ФГОС к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, выпускник вуза должен обладать общекультурными и профессиональными компетенциями, перечень которых определяется конкретным направлением подготовки.

Образовательную компетенцию можно определить как «требование к образовательной подготовке, выраженное совокупностью взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определённой группе объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности» [1]. От компетенции необходимо отличать компетентность – «совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определённой социально и личностно-значимой сфере» [2]. Применительно к сфере гендерных отношений, на наш взгляд, вопрос о формировании компетенции и компетентности должен решаться следующим образом: гендерная компетенция может быть включена в перечень компетенций выпускника в соответствии с основной образовательной программой, разработанной вузом, осуществляющим подготовку по определённому направлению. В свою очередь, гендерная компетентность представляется необходимой характеристикой современной личности, формирование которой должно осуществляться в образовательном и воспитательном процессе вуза, независимо от специфики направления подготовки выпускника.

Рассмотрим, что собой представляет гендерная компетентность. В.В. Созаев определяет ее как «совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в сфере гендерной самоактуализации и гендерных отношений» [3]. И.С. Клецина считает, что «можно гендерную компетентность рассматривать как такую *характеристику, которая позволяет личности не быть субъектом и объектом ситуаций гендерного неравенства*. Другими словами, гендерная компетентность - это способность мужчин и женщин замечать ситуации гендерного неравенства в окружающей их жизни; противостоять сексистским, дискриминационным воздействиям и влияниям; самим не создавать ситуации гендерного неравенства» [1]. Наличие у личности гендерной компетентности определяется наличием эгалитарных

гендерных представлений, а также отсутствием гендерных стереотипов и предрассудков).

Таким образом, очевидно, что в современном демократическом российском обществе, ориентированном на достижение гендерного равенства и ликвидацию всех форм дискриминации, формирование гендерной компетенции личности выступает важной задачей, стоящей перед образованием как социальным институтом.

И.С. Клецина выделяет три этапа формирования гендерной компетентности:

«I. Этап формирования системы гендерных знаний.

II. Этап формирования умений анализа явлений и ситуаций гендерного неравенства.

III. Этап отработки навыков гендерно компетентного поведения» [4].

Необходимо отметить, что в процессе формирования гендерной компетентности важны все три этапа, так как осуществление только первого из них не приводит к значительным трансформациям в гендерных представлениях студентов (как показывает опыт преподавания автором доклада курса «Гендер в международных отношениях» для студентов, обучающихся по специальности «Регионоведение» в Новосибирском государственном техническом университете).

Существует еще одна проблема, без решения которой формирование гендерной компетенции личности в вузе не будет осуществляться достаточно успешно. Речь идет о гендерной компетентности преподавателей, которую также необходимо формировать. Проведенное исследование [5] показало, что воспроизводство гендерных стереотипов имеет место среди преподавателей. Эта ситуация усугубляется тем фактом, что их трансляция осуществляется неосознанно, что мешает коррекции преподавателем собственного поведения, а также приводит к санкционированию гендерно некомпетентного поведения студентов. Решению этой проблемы, на наш взгляд, может послужить широкое распространение гендерных знаний среди преподавателей в рамках курсов повышения квалификации, летних школ, научных конференций.

Примечания

1. **Хуторской, А.В.** Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – с. 113.

2. **Краевский В.В., Хуторской А.В.** Основы обучения. Дидактика и методика. – М.: Академия, 2007. – с. 135.

3. **Созаев, В.В.** Гендерная теория как фактор формирования гендерной компетентности в культурологическом образовании школьников / В.В. Созаев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №33 (73): Аспирантские тетради. Ч. I. (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. - СПб., 2008. - с. 426-430.

4. **Клецина, И.С.** Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования / И.С. Клецина // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. № 3 (44) - 2007. с. 60-65.

5. **Лузан С.С., Рузанкина Е.А.** Гендерная социализация и высшее профессиональное образование: Монография. Новосибирск: НГИ, 2006. – 236 с. См. также: **Лузан, С.С.** Гендерная нейтральность российского преподавателя: недостижимый идеал? / С.С. Лузан, Е.А. Рузанкина // Гендерные различия: Материалы IV межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» (22-23 октября 2004 г.) / Отв. Ред. М.В. Рабжаева. – СПб.: Алетейя, 2005. – 384 с. – (Серия «Гендерные исследования»). С. 300-303.

lizaruz@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Н. В. Брук

Институт философии и права СО РАН

«Сила страны состоит не в количестве ее жителей и солдат, не в плодородии земли и не в количестве территории, а в разумном соединении частей в единую...власть» (Г.В.Ф.Гегель)

Термин самоуправление в переводе с англ. selfgovernment означает управление каким-либо кругом дел самими заинтересованными гражданами (непосредственно или через посредство избранных ими органов), без вмешательства посторонней власти.

Термин самоуправление употребительнее, когда он является синонимом *местного самоуправления* и обозначает, что хозяйственными и иными делами какой-либо административной единицы (провинции, уезда, общины и т.д.) заведуют жители этой самой единицы, а не органы центральной власти. Самоуправление существует, следовательно, там, где местные дела противоплагаются общегосударственным.

Самоуправление предполагает не только разграничение сфер компетенции центральных и местных властей, не только самостоятельность последних, но и взаимную их независимость. Оно признает различие самих источников власти для тех и других: первые либо властвуют по собственному праву, либо получают власть от всего народа ("волею народа"); вторые получают ее от местного общества. Различие между государственным управлением и самоуправлением простирается на самый ее характер.

Правительство есть носитель государственного суверенитета. Власть же органов самоуправления не суверенна. Правительство является властью законодательной, а органы самоуправления действуют в порядке и в пределах компетенции, указанных им верховной правительственной властью. Прави-

тельственная власть может законно сама себя реформировать, может даже (в теории) изменить самую свою сущность (заменить республиканскую форму монархической, неограниченную монархическую власть ограниченной и т. д.), тогда как органы самоуправления создаются, формируются и реформируются верховной властью.

Так, Положение о земских учреждениях было подвергнуто разбору академиком В.П. Безобразовым (в ст.: «Земские учреждения и самоуправление»). Он, как и Головачев, находил, что земские учреждения еще не настоящие органы государственного местного самоуправления, а только «местные общественные вольности, могущие развиться в такие органы» [1]. Главный недостаток их организации заключается в том, что они *не введены в общую систему государственного управления*, а поставлены подле нее, как отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с нею [2].

Определение содержания местного самоуправления в России и зарубежных странах различно. Институт местного самоуправления в зарубежных странах имеет одну отличительную особенность от современного аналогичного института в нашей стране. Ни в одной из стран законодательно не закреплён принцип отделения местного самоуправления от государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Более того, Европейская хартия местного самоуправления говорит о нем, как о праве и способности органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией. Ученые зарубежных стран (Р. Гнейст, Л. Штейн, А. де Токвиль и др.) при анализе места и роли местных органов власти в политической системе государства главный упор делают на то, что они являются составной частью механизма государства, т. е. в их трактовке местное самоуправление это относительно децентрализованная форма государственного управления на местах.

Согласно ст. 12 Конституции РФ "органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти". При этом в ч. 1 ст. 131 Конституции уточняется, что "структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно" [3]. Таким образом, получается, что местное самоуправление и государственная власть разные, независимые системы. Государству подконтрольна только реализация переданных местному самоуправлению государственных полномочий (ст. 132), но не само местное самоуправление. Эти конституционные положения однозначно выводят органы местного самоуправления из сферы влияния государства, что порождает множество проблем с решением вопросов управления страной, социальным статусом должностных лиц местного самоуправления и т.д.

Органы государственной власти получили возможность детального правового регулирования "прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по решению вопросов местного значения". Иначе говоря, ФЗ № 131 устанавли-

ливает жесткое государственное регулирование деятельности органов местного самоуправления, что позволило многим говорить об их полном огосударствлении, и, более того, о сущностном уничтожении самоуправления [4].

Эту проблему, на наш взгляд, следует рассматривать несколько иначе. Например, в ч. 1 ст. 6 Европейской хартии о местном самоуправлении говорится, что "Местные органы власти должны иметь возможность, не нарушая более общих законодательных положений, сами определять свои внутренние административные структуры с тем, чтобы они отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление" [5]. В этом положении однозначно признаются внешняя необходимость в единых нормативных правилах, обусловленная общностью бытия, и возможность самостоятельной деятельности местных органов власти в интересах обеспечения эффективного управления, но никак не самоуправления. Причем эффективность управления здесь необходимо интерпретировать расширительно, подразумевая под ним единство государственного управления.

Литература

1. *Сборник* правительственных распоряжений по делам, до земских учреждений относящимся. 1900–1902. – СПб.: Хозяйственный департамент министерства внутренних дел, 1904.
2. *Безобразов В.П.* Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882.
3. *Конституция Российской Федерации* 12.12.1993 (в ред. от. 30.12.2008) // *Российская газета*. – 2009. – 21 января.
4. *Федеральный закон* от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (по сост. на 27.12.2009) // *Собрание законодательства РФ*. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. *Европейская хартия о местном самоуправлении* / Совет Европы. – Страсбург: Отдел изданий и документов, 1990.
6. *Федеральный закон* "О ратификации Европейской хартии местного самоуправления" от 11 апреля 1998 года 55-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – № 15. – Ст. 1695.

ПОНЯТИЕ «ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ» В ТРУДАХ КЛАССИКОВ ЕВРАЗИЙСТВА

Б. В. Назмутдинов

Высшая школа экономики при Правительстве РФ

Когда в начале 1920-х гг. лидера евразийцев Н.С. Трубецкого спрашивали о том, являются ли его соратники монархистами или республиканцами, кон-

ституционалистами или абсолютистами, он часто не мог дать прямого ответа, что вызывало, по его признанию, определенное непонимание [1, с. 396]. Ученый объяснял это недоразумение, подобное «ненахождение общего языка» тем, что евразийцы и не стремились ответить на эти вопросы. В евразийстве, по мнению Трубецкого, «проблема взаимоотношений между политикой и культурой поставлена совершенно иначе» [1, с. 396-398].

Для евразийцев совсем по-другому звучал вопрос о государственной форме, обусловленной прежде всего культурным развитием народа. Поэтому, по словам Трубецкого, он отвергал «не то или иное политическое убеждение старых направленных, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено в сознании старых направленных» [1, с. 398]. Евразийство, отрицая подобный контекст обсуждения, пыталось переосмыслить политико-правовые проблемы, поставить себя вне правых и левых, республиканцев и монархистов в том числе потому, что оно отрицало первостепенность вопроса о форме правления как важнейшей абстракции, позволяющей описать определенный аспект государственного строя.

Данному выводу можно найти несколько объяснений: практическое (утилитарное) и, безусловно, теоретическое. Первое заключалось в том, что евразийство, утаивая вопрос о предпочтительной форме правления, привлекало в свои ряды не только монархистов, но и республиканцев, ведь подобное различие было достаточно важным в среде эмиграции. Поэтому к евразийцам смогли примкнуть как группа Меллера-Закомельского, монархическая по настроению, так и сторонники установления республики [2, с. 33-35]. Невозможность жесткой привязанности к той или иной форме правления привело к тому, что на рубеже 1920-1930-х гг. Трубецкой написал П.П. Сувчинскому (1928) и П.Н. Савицкому (1931) о невозможности дальнейшего сближения с монархистами [2, с. 281; 3, с. 51].

Что же касается теоретической составляющей, то отнюдь не форма правления, по мнению евразийцев, определяла государственный строй, политическую форму. Трубецкой посвятил этому вопросу статью «О государственном строе и форме правления» (1927 г.), в которой он, как лидер движения, сформулировал догму, обязательную для остальных: «Теоретически и практически важно не то, срочны или бессрочны обязанности и функции главы государства, а то, каковы эти обязанности и функции. Да и этот вопрос, в конце концов, не самый существенный... Типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы правления существенно важны для характеристики государства <...> Существенно важно во всех этих случаях не различие между монархией и республикой, а различие между аристократическим и демократическим строем, т.е. между двумя типами правящего слоя» [4, с. 481-483].

Двум отбора Трубецкой противопоставил тип идеократический как наиболее органичный для России, то есть способ формирования ведущего слоя по принципу верности общему мирозерцанию, а не в силу избрания (демократический тип) или происхождения (аристократический тип).

Исходя из данного критерия (принцип отбора правящего слоя), Трубецкой не видел сущностных различий между конституционной монархией и парламентской республикой, поскольку отбор в правящий слой, исключая главу государства, проходил посредством конкуренции и избрания. Однако суждение о том, что конституционная монархия не является подлинной монархией, все же неоригинально. К схожим выводам пришли в XVII в. Томас Гоббс, в XVIII в. – Иммануил Кант, в первой трети XX в. – Карл Шмитт, современник евразийцев.

Однако евразийцы и Шмитт приходили к внешне схожим выводам, исходя из различных оснований. Немецкий ученый различал форму правления и политическую форму, считая последней монархию, аристократию или демократию. Конституционную монархию же он называл формой правления, считая ее конституцию, как и конституцию парламентарной республики, смешанной, сочетающей черты трех политических форм.

Евразийцы же ставили на первое место не вопрос о политической форме, а проблему формирования ведущего слоя. Это и обуславливало различия в аргументации названных авторов. Тем не менее между Шмиттом и евразийцами существует важное сходство. Труд германского юриста «Учение о конституции» (1928 г.), опубликованный годом позже статьи Трубецкого, содержит следующее положение: «С помощью принципов гражданской свободы любое государство может ограничиваться в осуществлении государственной власти, несмотря на его форму государства или правительства. Осуществление этих принципов превращает любую монархию в ограниченную конституционно-законодательным образ – так называемую конституционную монархию, в котором важнейшим является уже не монархия, а конституционный момент» [5, с. 34]. Под последним утверждением подписались бы все евразийцы безо всякого исключения.

Кроме того, заметны пересечения, случайные или сознательные, евразийских высказываний с работами иных европейских ученых. Так, П.П. Сувчинский пишет о том, что современные ему европейские монархии «уже давно не являются формами автократической государственности и скорее подходят по типу к тем политическим системам, которые называются демократическими. Таковы – болгарское царство, королевства румынское... королевство бельгийцев» [6, с. 22]. Можно сравнить эту цитату с точкой зрения британского правоведа Джона Брайса: «Существует достаточно республик, которые не являются демократиями, и множество монархий, как Великобритания и Норвегия, которые суть демократии» [7, с. 67].

Разумеется, что Сувчинский не заимствовал данный абзац у Брайса, тем более что совпадение не дословное. Он даже и не пытался пересказать его собственными словами, поскольку далее евразиец пишет о том, что Великобритания, в отличие от иных конституционных монархий, является единственной подлинной монархией во всей Европе.

По всей видимости, европейская правовая традиция, в рамках которой данный вопрос обсуждался на протяжении XVII – XX вв., в т.ч. такими авто-

рами, как К. Роттек, Д. Брайс, К. Шмитт и др., в 1920-х гг. пришла к определенному консенсусу относительно смешанной формы правления и ее разновидностей - конституционной монархии и парламентской республики. Данное конвенциональное равновесие и было взято на вооружение евразийцами, либо же те, наблюдая политические процессы в Европе, пришли к схожим выводам, но далеко не первыми.

О том, что многие евразийцы интересовались западноевропейскими исследованиями в областях конституционного права и политической науки и были знакомы с упомянутыми авторами, говорит то, что главный юрист и политолог движения Н.Н. Алексеев ссылается на Брайса в своей «Теории государства», хотя и по другому поводу – в связи с соотношением права и закона [8, с. 512]. Более того, автор цитирует и Карла Шмитта [8, с. 388], но, разумеется, не его «Учение о конституции», а «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма», датированное 1923 г.

При этом нельзя не заметить ряд сходств между Шмиттом и Алексеевым. Евразиец, приближаясь к сути спора о форме правления, сразу же уточнял, о какой же монархии идет речь. Если речь идет об абсолютной монархии, то между ней и республикой, подчеркивал автор, есть кардинальные различия: «Ибо всякая республика, представительная или непосредственная, *если брать ее в новейшем европейском понимании* теснейшим образом связана с идеей правового государства, то есть такой политической формы, которая обеспечивает и защищает права граждан и чувствует себя связанным правом, иными словами, является государством с ограниченной, а не абсолютной властью» [9, с. 361].

Очевидно, что Алексеев и Шмитт употребляют понятие политической формы в различных значениях. Алексеев может назвать правовое государство политической формой, тогда как Шмитт пишет, что конституция современного ему правового государства сочетает в себе элементы политической формы (монархии, демократии и др.), а также ограничение полномочий государственной власти. Однако это всего лишь одно из терминологических различий, сущностных сходств здесь гораздо больше. Алексеев, как и Шмитт, указывает на то, что «ограниченная же монархия есть так называемая смешанная форма государственного устройства, в которой высшая власть в государстве в том или ином виде разделена между народом и монархом» [9, с. 361].

Кроме того, Алексеев в «Теории государства» (1931 г.), ссылаясь на Редслоба, подчеркивает, что в «исторических своих корнях система парламентаризма органически связана с конституционной монархией» [9, с. 571]. Сама природа такой монархии, в которой глава государства являлся нейтральной фигурой способствовало построению подобной формы правления. «Парламентский режим, - как говорит Редслоб, - можно сравнить с весами. Номинальный носитель власти, монарх или президент, держит их в своих руках» [9, с. 571].

Таким образом, нужно отметить, что евразийцы вовсе не считали форму правления бессмысленной характеристикой. Их тезис был в том, что современные им формы правления суть смешанные, вобравшие в себя элементы ограничения государственной власти, и поэтому не так важно, как именовать их – монархией или республикой.

В данной связи вопрос о форме правления становился вторичным и производным. Трубецкой предлагал признать первичным при описании государства вовсе не юридико-политический фактор (форма правления), а фактор социологический (тип отбора правящего слоя). Последний и определял механизм выборов, влиял на избирательное право, иные элементы системы права. Этот уклон в политическую социологию сближал евразийство с теориями элит В. Парето, Г. Моска и др.

Лишь для немногих из представителей евразийского движения вопрос о форме правления имел существенное значение. Среди них – бывший офицер царской армии П.Н. Малевский-Малевич, для которого «было характерно толкование евразийства в монархическом духе <...> в содержащемся в его речи описании основных политических положений евразийства можно встретить такое: «Православное царство, Царь Родоначалник, а не наследник» [10, с. 363]. Кроме того, в движении существовал и левый уклон. Так, П.П. Сувчинский всячески отрицал возможность установления любой монархии в России. В своей статье «Монархия или сильная власть» (1927 г.) автор попытался доказать то, что в современной ему России монархия по ряду причин нежелательна. Тем не менее, подобная принципиальность присуща не основному ядру евразийства, но именно П.П. Сувчинскому, который вскоре отошел от движения и в 1928-1929 г. возглавил «кламарскую» группу левых евразийцев.

Таким образом, евразийство вовсе не отрицало форму правления и, шире, всякую правовую форму существования государства. Особенность в том, что правовой аспект казался им в данном случае вполне проявленным, поэтому евразийцы считали архаичными споры о форме правления в среде эмиграции. И, учитывая вызовы и условия того времени, в которое складывались так называемые «тоталитарные режимы», это казалось вполне обоснованным.

Парадокс политического евразийства заключался в том, что в вопросе о форме правления оно несознательно стало более «западной» и «европейской», чем либеральные круги эмиграции, защищавшую республиканскую форму правления. Споры же о монархии и республике лишь оттеняли проблемы, превращая в публицистический пар важнейшие вопросы. К таковым евразийцы относили вопрос о построении подлинной идеократии, поиске идеи-правительницы совершенного государства.

Литература

1. Трубецкой Н.С. Мы и другие// Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.

2. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928. М., 2008.
3. Селиверстов С.В. Н.С. Трубецкой в евразийском дискурсе: начало 1930-х годов // Славяноведение. № 4, 2009.
4. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М. 2000.
5. Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010.
6. Сувчинский П.П. Монархия или сильная власть? // Евразийская хроника. Выпуск IX. Париж, 1927.
7. J. Bruce. Moderne Demokratien, I, S. 22. Цит. по работе Шмитт К. Учение о конституции. То же издание.
8. Алексеев Н.Н. Теория государства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
9. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности) // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
10. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928. То же издание. С. 363.

ОСМЫСЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ФИЛОСОФИИ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

А. Ю. Дудчик

Белорусский государственный университет

В постсоветских странах существует определенный интерес к философскому осмыслению опыта стран Латинской Америки и возможности компаративного анализа культурной ситуации в Латинской Америке и Восточной Европе (см., например, работы В.Л. Абушенко и дискуссии среди представителей белорусской социогуманитарной мысли по поводу понятия «креолизации»). Достаточно большую известность получили взгляды представителей «философии латиноамериканской сущности». В данном тексте излагается видение латиноамериканской проблематики со стороны представителя европейской культуры, и, более того, страны, ранее являвшейся метрополией – известного испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета.

Ортега провел в Аргентине и по результатам своего опыта написал небольшую работу, озаглавленную «Аргентинское государство и аргентинец». В этой работе, написанной в присущей ему проблемной эссеистической манере, мыслитель рассуждает об особенностях аргентинской культуры и аргентинской нации.

По мнению Ортеги, аргентинцы являются одной из наиболее способных и талантливых латиноамериканских наций, что и обуславливает успешное раз-

витие Аргентины в первой половине 20 в. Более того, Ортега отмечает, что за время нахождения в этой стране ему пришлось расстаться со многими европейскими стереотипами, касающимися жизни в Латинской Америке (так, по его мнению, страны Южной Америки является гораздо более зрелыми, чем это предполагают в Европе, и Аргентина является наиболее зрелой из них). Тем не менее, мыслитель отмечает у аргентинцев ряд специфических качеств и особенностей (о них – далее), которые не позволяют им в полной мере реализовать свой высокий потенциал. Наличие этих трудностей испанский мыслитель связывает со спецификой латиноамериканской цивилизации в целом, а именно – с ее колониальным характером. Так, Ортега обращается к весьма важной для философского, социогуманитарного и политического знания 20 в. теме колониализма и колониальной зависимости, давая ей достаточно оригинальную трактовку.

Ортега ясно отдает себе отчет, что термин «колония» звучит достаточно неприятно, а то и просто оскорбительно для представителей латиноамериканской культуры. Тем не менее, он настаивает на необходимости обращения к теме колониальности, предлагая использования вместо латинского термина – изначальный греческий. Для лучшего понимания сущности колониальности Ортега предлагает обратиться к античной истории, а именно, к такому феномену эпохи эллинизма как эмпорий (ἐμπόριον) – торговый центр или порт. Эмпорий, по мнению Ортеги, и представляет собой собственно колонию, т.е. образование во многом искусственное (неестественное), наносное и, прежде всего, функциональное (выполняющее ограниченные функции, преимущественно торговли и обмена). Колонии-эмпорию Ортега противопоставляет полноценное национальное государство, являющееся для него органическим образованием. Следует отметить, что хотя в данном случае испанский мыслитель и предлагает органицистское понимание государства, в других своих работах, посвященных проблемам государства, он ею не ограничивается, и органицистской его позицию можно назвать с определенными оговорками. И единственным способом изменения особенностей колониальных цивилизаций, по мнению Ортеги, является медленное и постепенное превращение в государство-нацию.

Антропологически колонии соответствует «человек, окруженный морем», основной особенностью которого, по мнению Ортеги, является абстрактность. В колониальных цивилизациях, к которым Ортега относит и страны Латинской Америки, происходит социальное расслоение на коренное население и иммигрантов, утративших собственную идентичность, при этом особенности иммигрантского мировоззрения и психологии в определенной мере распространяются на большую часть населения. Человек с подобным мировоззрением, считает Ортега, не обладает постоянным онтологическим и социальным статусом, что не позволяет ему обрести чувство укорененности и уверенности в себе. В частности, аргентинец, по мнению Ортеги, не уверен в устойчивости своей социальной позиции и не уверен в своем соответствии ей. Поэтому большинство социальных позиций и ролей в Аргентине выпол-

няется либо индивидами, объективно этим позициям и ролям не соответствующим, либо субъективно не обладающими уверенностью и убежденностью в своем соответствии.

Далее, по мнению Ортеги для колониальных цивилизаций характерны определенные проблемы с феноменом призвания. Ортега не ссылается здесь на концепцию призвания-профессии (Beruf) М. Вебера, но, видимо, эта концепция Ортеге достаточно близка. Впрочем, в отличие от Вебера, Ортега не связывает наличие идеи призвания с конфессиональной принадлежностью (конкретно - протестантизмом). Так, идея призвания (проявленная в определенном чувстве или такте по отношению к призванию), считает Ортега, существует в современной ему католической Испании, но отсутствует в Аргентине в силу ее колониального характера. Профессиональная деятельность в ней рассматривается не как самоцель, а как средство достижения материального благополучия и высокого социального статуса. Это может проявляться, например, в регулярной смене профессиональных занятий, когда человек уподобляется «змее, вынужденной сбрасывать собственную кожу, с тем, правда, отличием, что сама эта кожа змее не принадлежит» [1, 255]. Поэтому у аргентинцев, по мнению Ортеги, неизбежен разрыв между личностью (персоной) индивида и его социальной ролью. И, соответственно, индивид нуждается в постоянном внешнем подтверждении собственного социального статуса (Ортега приводит известный пример неумелого художника из произведения Сервантеса, который вынужден был снабдить свое произведение пояснительной надписью – «Это петух»). Наличие же подобного разрыва, в свою очередь, порождает такие негативные особенности аргентинского мировоззрения как эгоизм, нарциссизм, ограничении внутренней и внешней коммуникации, которые не позволяют аргентинской культуре до конца реализовать ее богатый потенциал.

Таким образом, на особенности культурного и социального развития стран Латинской Америки, с точки зрения Ортеги, оказывает их колониальный опыт, полностью еще не осмысленный и не изжитый, для обозначения которого он использует метафору «колониальной судьбы». Колониальные общество и культура являются во многом искусственными и преимущественно функциональными образованиями, оказывающими существенное влияние на мировоззрение и психологию, что, в частности, проявляется в отсутствии идеи профессионального призвания и существенном дисбалансе и разрыве между личностью (персоной) индивида и его социальной ролью.

Литература

Ortega y Gasset J. The Argentinean state and the Argentinean/ J . Ortega y Gasset // Toward a philosophy of history. – New York, 1941. – p. 237-273.

a_dudchik@tut.by

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

М. С.-А. Шайкемелев

Институт философии и политологии МОН Республики Казахстан

Решение обозначенной в названии статьи проблемы логически предполагает решённой другую проблему – проблему сущности этноса и нации, а также их соотношения. Проблема эта, как известно, обсуждается уже не одно десятилетие. Предложено немало самых разнообразных решений, но дискуссия продолжается. Мы не претендуем на какое-то ещё одно, дополнительное, решение. Не обращаясь к прочим концепциям сущности нации, отметим, что, на наш взгляд, наиболее приемлемой является та, которую предложил известный философ Ю. М. Бородай. Он отмечает, что «этнос и нация – вещи, конечно, родственные и вместе с тем принципиально разные» [1]. Если этнос складывается естественно, стихийно, то о нации, утверждает Ю. М. Бородай, этого сказать нельзя. Одним из признаков нации он считает государственное самоопределение. Согласно ему, «этнос сам по себе не нуждается в государственности, поскольку этническое единство исходно основывается не на искусственно сконструированных рациональных юридических нормах, но на самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах» [2].

В чистых этнических образованиях (что имело место лишь на ранних стадиях Архаики) индивид определял свою этническую идентичность через свою принадлежность к данному этносу и противопоставление другому этносу. Структуру этнической идентичности и индикаторы идентификации составляют язык, основные обычаи, нормы, ценности, стандарты поведения и некоторые другие показатели. Людям данной эпохи присущ наивный *этноцентризм*: свои обычаи, ценности и т.д. они наивно полагают как нечто, что таковым и должно быть. Поэтому они, сопоставляя их с обычаями, ценностями и т.д. чужого этноса и усматривая несовпадения, *по презумпции* определяют последние как превратные, девиантные и т.д.

В постархаическом обществе дело обстоит иначе. В постархаических обществах возникают государственные образования, а внутри государств происходит имущественная и иная дифференциация и стратификация населения. Следовательно, формируется особая социальность, которая как бы надстраивается над этничностью каждого из индивидов. В этих условиях, помимо своей этнической (социальной по своей сущности, как отмечено выше) идентичности каждый индивид обладает ещё и специфической надэтнической социальной идентичностью. Его этничность поэтому является *этно-социальной*, но, разумеется, не в гумилёвском смысле. Но государственное образование может быть как моноэтничным, так и полиэтничным. Во втором случае индивид обладает а) своей собственной идентичностью, отличающей его от представителей других этносов, и б) общей для всех этносов, входящих в данное государственное образование, социальной идентичностью.

Но социальная сфера в постархаических обществах, как уже отмечено выше, не является чем-то однородным. Все индивиды объединены в группы, сословия, классы, страты, конфессии и т.д. Соответственно этому существует и целый спектр специфически *социальных* идентичностей, как правило, соотносящихся по принципу иерархии. И если государственное образование моноэтнично, то получается, что *этническая* идентичность у всех одна, тогда как *социальные* идентичности (наборы, или комплексы идентичностей) у разных групп и т.д. разные. Следовательно, как представитель этноса индивид *моноидентичен*, тогда как он же, но взятый как представитель социума, является *полиидентичным*. В полиэтническом государственном образовании ситуация выглядит ещё более сложной. Здесь, чаще всего, какой-либо этнос занимает привилегированное положение относительно других этносов, которые также могут соотноситься по гласной или негласной субординации. Из представителей доминирующего этноса рекрутируется правящая элита.

Из рассмотренного следует, что нации начинают формироваться со времени образования полиэтнических государственных образований. Однако на протяжении многих и многих столетий это формирование тормозилось и даже блокировалось характером этих образований и формами политической и иной (в частности, религиозной) власти. Как известно, не только на Востоке, но и на Западе вплоть до начала Нового времени в общественно-государственных образованиях не существовало сколько-нибудь сформированного автономного гражданского общества, развитого института права и принципа разделения властей. Они, как известно, складываются лишь в буржуазном (собственно говоря, «гражданском») обществе. И к этому же времени, как известно, исследователи и относят появление наций в собственном смысле. Последние образуются *поверх* этнической структуры общественно-государственных образований. Нация, следовательно, – *всецело социальный* (в выше-обозначенном смысле) феномен. Но если в полной, или завершённой, нации этно-социальная идентичность в принципе совпадает с национальной идентичностью, то в этно-нации как развивающемся в направлении нации образовании у индивида имеется *своя* этно-социальная (определяемая, в частности, социальным положением и статусом того этноса, к которому он принадлежит, внутри национального государства) идентичность и *плюс к этому* ещё и находящаяся в процесс своего становления национальная (объединяющая его с представителями других этносов и с государством как целым) идентичность.

В этно-национальном образовании как становящейся нации на уровне государственно-управленческих и идеологических структур возможно специальное конструирование этно-социальных идентичностей для разных этносов полиэтнического национального образования и через механизмы управления социально-экономической действительностью и через каналы средств массовой коммуникации (являющихся одновременно и средствами манипуляции общественным сознанием и поведением) внедряются в сознание всех этносов. Тем самым каждому из этносов навязывается, вменяется стереотип идентичности каждого из этносов. Эти стереотипы закрепляются в сознании,

вследствие чего каждый этнос воспринимает другой (да и частично себя), исходя из внедрённых в его сознание и самосознание диспозиций и презумпций. Таким образом этно-нация регулирует и регламентирует межэтнические взаимоотношения и этно-социальные процессы вообще. В такой ситуации возможно негативное и даже враждебное отношение одних этносов к другим этносам, входящим в состав данной нации. Оно, в частности, может быть обусловлено своеобразным чувством несправедливости: более высоким статусом «титulyного» этноса, т.е. того, вокруг которого или на основе которого формируется данная этно-нация. Если это имеет место, то оно говорит лишь о том, что данное этно-национальное образование находится ещё на близкой к начальной стадии своего формирования в качестве нации. В этом случае говорится об *этноцентризме*. «Этноцентризм, – пишет М. А. Гулиев, – это предрасположенное отношение к внешней этнической группе, проявляющееся в нетерпимости и основанное на представлении о превосходстве образа жизни референтной группы» [3].

Но существует, как известно, не только этноцентризм, но и *национализм*. Для тех дуалистических образований, которые определены как этно-нации, национализм имеет особую форму. С. Хантингтон пишет: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, – или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый её член рассматривается как “хороший”, а второй – как “плохой”» [4]. Но оценка в данном случае не только не обязательна, но и не уместна. В задачу научного познания, прежде всего, входит объективное воспроизведение в знании предмета; оценка же – дело второстепенное.

Во всех этих оппозициях первый член фиксирует одно предметное содержание (нацию как над-этнический феномен), а второй – другое (единство этноса и нации, т.е. этно-нацию). Поэтому вполне или наиболее уместным будет термин «этно-национализм», или «этнический национализм» [5]. С. Хантингтон пишет: «...Гражданский национализм подразумевает существование открытого общества, основанного (по крайней мере, в теории) на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами этого общества люди любой расы, любой национальности. Этнический национализм, по контрасту, является ограничительным: “членство” в нации доступно лишь тем, кто обладает определённым набором базовых этнических и культурных признаков» [6]. Если в человеке достаточно развито личностное начало, то он всегда гражданский национализм предпочтет этническому национализму. И наоборот, чем меньше в нем развито личностное начало, тем сильнее он держится за этнонационализм.

С. Хантингтон пишет: «Значимость национальной идентичности, особенно в сравнении с другими идентичностями, никогда не остаётся неизменной; она многократно варьировалась на протяжении человеческой истории» [7].

Это справедливо как в отношении общественного целого, так и в отношении отдельного человека. Когда в общественно-государственном целом царит стабильность и оно находится в мирных отношениях с другими такими целостностями, тогда ни для индивидов, ни для общественного целого этническая или этно-национальная идентичность не имеет существенного значения. Тогда на первый план выходят проблемы более высокого порядка, а следовательно, и более значимыми являются соответствующие идентичности. Когда же общественно-государственное целое нестабильно в области экономики, политики и т.д. или же когда его отношения с другими аналогичными целостностями становятся проблематичными или даже совсем немирными, тогда всплывает на передний план этническая и (или) этно-национальная идентичность граждан данного общественно-государственного целого. В случае внутренней нестабильности между этносами, образующими гражданскую нацию возникает напряженность, которая первоначально может выражаться лишь в более повышенном внимании людей к собственной этнической принадлежности, к этнической самоидентичности. В зависимости от ситуации в общественно-государственном целом эта напряженность может перерастать в межэтническое противостояние и даже в межэтнические конфликты. И тогда этническая самоидентичность выходит на передний план в системе самоидентичностей, отодвигая все их на задний план. В случае же противостояния общественно-государственных образований между собой, особенно в случае войны целое мобилизуется внутри себя и у его граждан на первый план выходит гражданско-национальная идентичность, возрастает дух патриотизма, чувство общей родины, а этнические различия отходят на задний план и почти никак не акцентируются.

В тех нациях, которые являются всецело над-этническими образованиями («чистыми нациями»), для члена нации его этническая и этно-социальная идентичность не является существенной. В ещё формирующихся же нациях как дуалистических образованиях (этно-нациях) для члена данного образования могут быть существенными как национальная, так и этно-социальная идентичности. При этом между ними могут быть различные соотношения: от гармонии до антагонизма. Выдвижение на первый план в структуре идентичностей (как в её объективной, так и в субъективной подструктурах) этнической и этно-социальной идентичности бывает обусловлено также общим кризисом личностной идентичности человека. Но это уже тема другой статьи.

Литература

1. *Бородай Ю. М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 315.
2. Там же. С. 317.

3. Гулиев М. А. Этноцентризм: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты //Известия высших учебных заведений. Северо-Кав-казский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 22.

4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 62.

5. Между прочим, существует коллективная монография: Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001.

6. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. С. 62 – 63.

7. Там же. С. 43.

ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. Д. Ешпанова

Институт философии и политологии МОН Республики Казахстан

Самые серьезные проблемы наций и национальных государств чаще всего связаны не с экономикой, политикой или обороной, а с нематериальными, неосязаемыми символами. Все преуспевающие нации обладают набором стержневых символических элементов, которые служат их гражданам своеобразными «критериями истины». Эти символы поощряют лояльность, конкретизируют чувства собственного достоинства и самоуважения, а также создают этическую основу для общественного участия в национальной обороне, политике, в функционировании социальных и экономических институтов. Всякая нация и всякое национальное государство, следовательно, должны определить для себя (осознанно или неосознанно), с помощью каких символов они хотели бы выразить свои представления о себе как таковых на индивидуальном и коллективном уровне. Иными словами, нации и государства должны ответить для себя на вопросы: «Кто мы?» и «Что конкретно скрывается за этим «мы»?», то есть определить свою национальную идентичность [1].

В этих условиях остро необходимым стало уточнение соотношения базовых понятий (нация, этнос и др.). С пересмотра, уточнения, конкретизации этих понятий начался современный «ренессанс» внимания ученых к этнической проблематике, в том числе и в общественно-политическом плане.

Говоря о нации, хотелось бы напомнить, что этнос и нация - различные социальные феномены. Разница между ними наиболее четко зафиксирована Ю.М.Бородаев, который, основываясь на идеях Ф.Теннисом, отмечает, что существуют, с одной стороны, как бы самой природой заданные «естественные общности», с другой - исторически образованные собственно социальные формы «гражданского общества», в какой-то мере сознательно сконструированные политическими и экономическими средствами. В этом случае

специфика этноса как общности первого типа заключена в том, что она основана на антропогенитических особенностях, поэтому самодостаточна и при нормальном ходе развития не нуждается в государстве. Нация же - общность второго типа, продукт государства и гражданского общества, где внутренний регулятор - уже не обычай как отражение моральных ценностей в этническом сознании, а право. При этом «первый важнейший признак нации заключается в том, что она исходно, по природе своей, полиэтнична, или, точнее, - надэтнична». Если племя можно считать «проэтносом», то нация является «постэтносом» [2].

Вместе с тем это понятия трактуется по-разному. Во-первых, как «государство-нация», представление о котором формируется согласно англо-американской традиции. Во-вторых, как определенное сообщество, которое формируется на основе общности языка, культуры с учетом высокого уровня развития экономической и политической жизни («немецкая школа», марксистская трактовка нации).

Этнический подход к понятию «нация» известен с конца XIX века в рамках германской традиции (в противовес английской и французской). В странах же СНГ этнический подход концептуально восходит к советской стадийной классификации «род - племя - народность - народ - нация» с ее четко выраженной многоуровневой иерархией на сложившиеся социалистические нации (русскую, украинскую, казахскую и другие, имевшие квазигосударственность в форме союзных республик), народы (татары, башкиры, карелы, якуты и другие, имевшие квазигосударственные образования в форме автономных республик) и народности (ханты, манси, ненцы и другие, имевшие территориальные автономии в форме областей, округов, районов).

В-третьих, нередко применяется принцип самоидентификации, признание принадлежности к определенной группе, обладающей единым этническим самосознанием. И, наконец, есть такая точка зрения, что в ряду определяющих признаков нации надо особо выделять волю и решимость людей жить вместе при признании и понимании религиозных, культурных и политических различий, выстраивая шаг за шагом культуру межнациональных отношений.

Все эти точки зрения отражают особенности или особые характеристики такого общественного феномена как нация. Но как справедливо отмечает М.Н. Руткевич, при трактовке понятия «нация» необходимо исходить из того, что процесс возникновения, развития и формирования наций надо рассматривать как всю социальную реальность в процессе исторического развития. Сложность этого понимания связана с тем, что в ходе развития человечества действовали и продолжают действовать, частично пересекаясь друг с другом, различные тенденции образования, укрупнения и функционирования человеческих общностей. Если на первом этапе в период родоплеменных отношений происходил процесс консолидации и складывания крупных этнических общностей из мелких, то на втором этапе в эпоху Новой и Новейшей истории нации и народности формировались на основе общности экономической

жизни на определенной территории, сопровождавшийся становлением общего языка и культуры, что и поныне продолжается не только в странах Африки, Азии и Латинской Америки, но и в Европе. А.В. Дмитриев добавляет к этому и третью тенденцию, подчеркивая возросшую роль государства в функционировании этнических групп и общностей, в регулировании экономической и социальной жизни, в развитии образования и культуры.

Критика понятия «нация» привела к тому, что в современной политической практике стало чаще использоваться другое понятие - народ, вне зависимости от его количественного состава, степени развитости культуры, языка, наличия государственности и территории. Это означает, что все без исключения нации, народности, этнические группы приобретают одинаковое политико-правовое звучание, которое изначально отвергает дифференциацию в оценке народов, ставящее их в сложное социально-психологическое состояние, нередко усугубляя ощущение ущербности, неполноценности у малочисленных народов и национальных меньшинств.

Так этнократический подход после пережитых миграционных потерь русскоязычного населения в новой Конституции Республики Казахстан 1995 г. был заменен политико-территориальным. Акцент сместился с этнической модели нации на гражданскую. С этого времени субъектом республики стал признаваться казахстанский народ. В Конституции 1995г общегражданские принципы характера государственности по сравнению с этническими были выражены более четко. Было законодательно запрещено создание партий по национальному и религиозному признаку. Конституция 1995 года заложила основы нации-государства (нации граждан государства), под которой понимается современная демократия. Критики действующей Конституции считали ее менее демократичной по сравнению с Конституцией 1993 года, не учитывая этот общегражданский аспект [3].

Многие политологи и политики считают, что построение единой нации в полиэтническом обществе невозможно, так как этническая идентичность людей всегда будет довлеть над их идентичностью с государством и с представителями других этнических групп. По их мнению, в Казахстане существует только одна нация, которую составляют казахи, тогда как все остальные проживающие в республике народы являются диаспорами. В результате этого подхода коренной этнос получил в общественном мнении, а затем и в науке, название титульной нации. В литературе по национальному вопросу такой подход называется «этнокультурным пониманием нации».

На принципиально иных позициях стоят те, кто считает, что в Казахстане все граждане страны, независимо от их этнической принадлежности единый народ на основе общности их казахстанского гражданства. Такой подход называется в современной этнополитологии «гражданской нацией». Сегодня эти два подхода к пониманию национальной идеи являются доминирующими. Следует отметить, что существует противоречие между этнокультурным и гражданским пониманием национальной идеи. В связи с этим перед правительствами современных государств стоит принципиальный вопрос: как раз-

решить реальное противоречие между гражданским и этнокультурным пониманием нации?

Как показывает практика национального строительства в различных государствах в решении этого противоречия доминирует принцип «и-и», а не «или-или». Следовательно, речь идёт о том, что необходимо учитывать обе концепции нации - гражданскую и этнокультурную, а не опираться только на одну из них, отбрасывая другую [4].

Каким образом разрешается противоречие этих концепций в Казахстане? Этим способом является формирование единого народа как гражданского сообщества вокруг казахского этноса. Один из крупнейших современных этнополитологов и теоретиков нации Энтони Смит называет этот способ построения нации одним из самых распространенных в мире моделью «доминирующего этноса» [5].

Таким образом, в Казахстане как мультиэтническом обществе имеется объективная потребность для существования и реализации как этнокультурной концепции нации, так и гражданской концепции. Игнорирование какой-либо из них будет иметь пагубные последствия для общей ситуации в национальной сфере.

Во-первых, идея гражданской нации способствует внутренней безопасности и стабильности общества. Формирование гражданской нации как межэтнической общности людей будет способствовать сглаживанию противоречий и конфликтов интересов и ценностей этнических групп.

Во-вторых, формирование гражданской нации в Казахстане скажется самым положительным образом на идентичности всех казахстанцев, вне зависимости от их этнической принадлежности со своей страной Республикой Казахстан.

Единый казахстанский народ станет реальным воплощением лозунга «Казахстан - наш общий дом».

В-третьих, важным результатом формирования гражданской нации в Казахстане должно стать зрелое гражданское общество. Гражданская нация и гражданское общество тесно связаны между собой, не могут существовать друг без друга.

В заключении следует отметить, что Казахстан относится к мультиэтническим государствам, поскольку казахи как численно доминирующий в этнической структуре населения этнос, составляют около шестидесяти процентов. Общая динамика изменения численности населения свидетельствует о тенденции к формированию моноэтнической структуры населения Казахстана. Это связано с постепенным и неуклонным увеличением доли казахов и постепенным уменьшением других этнических групп в общей численности населения Казахстана на протяжении последних нескольких десятилетий и сохранения данной тенденции на предстоящие десятилетия.

Но достижение моноэтнической структуры населения Казахстана является, разумеется, делом достаточно далекой перспективы. До этого Казахстан будет оставаться мульти-этническим обществом, в котором отношения этни-

ческих групп и формирование национальной идентичности имеет принципиальное значение для судеб государства и общества. Без национальной интеграции невозможна консолидация этнических групп Казахстана, в первую очередь, самых крупных его этносов – казахов и русских в единую казахстанскую нацию [6].

Литература

1. Хантингтон С. Кто мы. М., 2008. С. 5.
2. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности. М.: ИФРАИ, 1994. С. 422, 424.
3. Сарсенбаев З.Н. Этнос и ценность. Алматы, 2009. с. 235.
4. Бальшикеев С. Социально-политические аспекты идеи казахстанского патриотизма // Саясат. № 8. 2007. с. 37.
5. Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана // Казахстанская правда, 25 октября 2006 г.
6. Кадыржанов Р.К. Гражданская нация, этнокультурная нация и национальная идея. В кн. Общенациональная идея Казахстана. Опыт философско-политологического анализа. Алматы, 2006. С. 93-95.

ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ ЧЕРЕЗ ОСОЗНАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ ГРАЖДАН

О. Н. Попов

Московский педагогический государственный университет

Национальная идея раскрывает смысл жизни всего народа, объединяет и управляет людьми. В общем понимании – это процветание народа, в частном – наиболее оптимальные способы достижения благоденствия. К примеру, наиболее глобальные – освобождение от захватчиков, покорение новых земель.

Национальная идея всегда отвечает надеждам народа на удовлетворение его потребностей. Выяснение потребностей всего народа начинается с понимания смысла жизни одного гражданина.

Для достижения цели и смысла жизни одного человека мы можем перевести протяженность оставшегося времени жизни из неопределенного в дискретный параметр и определить контрольные точки.

Берем первую контрольную точку в ближайшем будущем (3 месяца) и ставим цель. Пишем план действий по достижению поставленной цели и учитываем, какие ресурсы нам понадобятся (внешние и внутренние). Выясняем, какие действия, привычки, черты характера будут способствовать наиболее эффективному достижению поставленной цели. Создаем образ себя в

точке желаемого будущего. И начинаем вырабатывать привычки, которые станут чертами характера. Также поступаем со второй целью (1 год), третьей, и т.д. до построения цели всей жизни, цели семьи, цели рода, цели народа.

Предлагаемый подход к формированию смысла и ценности жизни содержит следующие этапы:

- Выявление существующей системы ценностей и трансляторов ценностей.

- Построение жизненных целей, способов их достижения, необходимых для этого ресурсов. Описание желаемого будущего.

- Создание такого образа Я в заданной точке будущего, которое будет наиболее эффективно для достижения поставленной цели.

- Выработка привычек, необходимых навыков поведения, соответствующих созданному образу себя в точке будущего.

- В ситуации выбора руководство своими ценностями с позиции Я ИЗ ТОЧКИ БУДУЩЕГО.

Результаты индивидуального консультирования по данному подходу подтверждают возможность осознания смысла жизни и реализации жизненных целей и ставят новые задачи. Такие как:

- опосредованное влияние на окружающих через общение с самоактуализированной личностью;

- формирование будущего семьи, рода при включении таких задач в следующие точки будущего;

- формирование будущего компании через команду состоявшихся индивидуальностей;

- формирование общественных организаций на основе сотрудничества самоопределившихся людей.

Возможность управлять своим будущим имеет следующие преимущества:

Энергия. Жизненная энергия не тратится на циклические переживания о прошлом или мучительный выбор в настоящем. Взаимосвязь с собственным образом в будущем дает чувство уверенности, что задуманное уже произошло в будущем. Важность цели определяет последствия выбора.

Удовлетворенность. Жизнь не по принуждению чьих-либо установок и мировоззрений, а по собственному желанию, когда любые ограничения воспринимаются как добровольный выбор условий существования. Осознанный баланс потребности и удовлетворенности.

Психологическая гибкость. Возможность менять свой образ будущего в любой момент времени на любой другой, наиболее желаемый. Таким образом, постоянная адекватность быстро меняющимся условиям окружающего мира. Высокая степень приспособления к любым условиям обитания и культурным различиям групп общения. А это позволяет быть мобильным и своевременным. Стереотипы не блокируют адекватное восприятие.

Эффективность жизнедеятельности. Выработаны четкие критерии «что такое хорошо» и «что такое плохо» относительно своих целей. Труд по своей

воле является творческим. Дело, в которое личность вносит свой вклад, интересуется его полностью, он заинтересован в успехе всего предприятия. Подневольный же человек выполняет свои обязанности только под действием внешних стимулов наказания - подкрепления.

Общество не диктует образ жизни индивидуальности, а личность использует возможности для самореализации. Возможность найти себя, свою нишу в обществе для реализации собственного представления о себе и своей личности. Снимается противостояние личности и общества. Личность максимально эффективна и адаптивна к любому обществу. Развитие личности идет по конструктивному пути, наиболее эффективно взаимодействуя с другими.

Через развитие самосознания одного человека мы можем перейти к развитию самосознания группы общества, а затем и народа. Таким образом, предлагается решение по созданию управляемой национальной идеей. Ведь при определении потребности можно предложить такой способ ее удовлетворения, который наиболее выгоден. И тот, кто это сделает, проявит национальную идею и предложит способ ее удовлетворения, станет народным лидером.

oleg270a@mail.ru

СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕССИВНОСТИ

Д. Г. Михайличенко

Российский государственный социальный университет (Уфа)

Свобода человека, являясь подлинным условием его развития, в то же время остается великой философской проблемой. Стремление к свободе всегда сопряжено с опасностями и может породить не меньше несчастий, чем безопасность без свободы. Компромисс между ними, поскольку он неизбежно влечет за собой определенные жертвы, также не дает гарантии счастья. Только человек может быть подлинным борцом и носителем свободы. Как свидетельствует история провозглашение свободы крупных социальных образований, таких как нация, государство неизменно оборачивалось различными проявлениями несвободы. На протяжении разных этапов истории человечества стремление к свободе выражалось в восстаниях рабов, принципах экономического либерализма, политической демократии, отделении церкви от государства и развития принципов индивидуализма в частной жизни. Свобода понимается по-разному не только философами, но и другими людьми, отсюда акции протесты, юридические споры, движения за права. Каким бы развитым не было общество, борьба за свободы имеет место в любом обществе.

В современном обществе характер угроз свободе обусловлен тем, что человек постоянно получает потоки убеждающих сообщений, формирующих

его мысли, вкус, действия. Информация, циркулирующая в обществе, искажена властными и коммуникативными интересами тех, кто ее транслирует, поэтому современный человек оказывается погруженным в слухи, домыслы, догадки. Так, например, современный человек постоянно является объектом не явно выраженных, но настойчивых предписаний обновления вещей; в политической сфере на его долю зачастую остается лишь бессознательно воспринимать имиджи, картинки, а также впитывать месседж заранее заготовленных речей. Принятие такого положения дел ведет к конформизму, а неприятие – снижает радиус доверия различным медиумам. Все это трансформирует вектор стремления к свободе современного человека и факторов, препятствующих ее достижению. Это уже не Бастилия, ассоциировавшаяся в 1789 г. с беззаконием абсолютистских режимов, это не ужасы ГУЛАГа, это не Рейхстаг в 1945 г. как символ преступлений против Жизни. Стремление к свободе современного человека – это действия направленные на нейтрализацию репрессивного воздействия разнообразных форм информационно-психологических потоков.

Значительная часть жизненного мира современного человека, его работа, отдых, персональные контакты протекает внутри информационного пространства. Экономическая, политическая и культурная деятельность представляют собой симбиоз коммуникации он-лайн и живого общения. Все это создает возможности для развития, но также и делает более легким контроль над современным человеком, помещая его в информационный паноптикон.

Конструирование и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, экспертов по связям с общественностью, специалистов по дезинформации из министерств обороны. Слишком значительный вес в обществе имеют структуры, которые выбирают определенный способ подачи информации, искажая и приукрашивая ее. В таком виде информация склоняет людей в пользу определенной позиции, что с новых оснований ставит вопрос о человеческой свободе. Определенные группы, участников политики или борющихся за материальные блага активно используют технологии манипуляции во властных отношениях, придавая циркулирующей информации нужную направленность. К тому же различные специалисты по массовому манипулированию всеми силами стремятся создавать и поддерживать иллюзию свободы современного человека.

В условиях, когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей, таким институтам как университеты, телевидение, радио, Интернет, печать, музеи и библиотеки, а также интеллектуалам, стоящим во главе них очень трудно отказаться от своей властной составляющей, деидеологизироваться, находится вне поля воздействия технологий манипуляций. Современные субъекты властных отношений рассматривают эти институты, финансируют их, исходя из соображений их полезности в конструировании властных конфигураций, которые отвечают их специфическим интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования всех вышеперечисленных институтов

заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний. Современный человек, таким образом, теряет гносеологические ориентиры для осуществления свободной деятельности, стремления к свободе. Иными словами, общество не дает ясных представлений о том, какая свобода ему необходима. Более того, общество, в лице коммерциализированных и пронизанных конъюнктурой властных отношений институтов затрудняет саму возможность понимания свободы. В этом заключается важнейшая специфика воздействия на свободу современного человека информационно-психологических форм репрессивности.

Угрозы свободе современного человека идут от социальных феноменов, которые практически невозможно элиминировать из его социального бытия. Современный человек не должен стремиться исключить из своей жизни Интернет, телевидение, прессу или рекламу на улицах мегаполисов. Такая ситуация, помимо того, что является абсурдной, привела бы к еще большей репрессивности. Современному человеку необходимо защищать себя так хорошо, чтобы институты вынуждены реформироваться, что требует умения устранять информационно-психологическую репрессивность, ограничивающую интеллектуальные потенции реципиентов и «затуманивающих» истинное содержание информации. Поэтому современному человеку остается надеяться на самого себя, свои навыки, интеллектуальные и волевые потенции, без которых, учитывая характер информационно-психологических форм воздействия, стремление к свободе невозможно.

Информационно-психологические формы репрессивности современного общества требуют от современного человека не реактивных, но проактивных устремлений к свободе, направленных не на отвечающие, но опережающие действия. Феноменологически проактивность нечто большее, чем активность, и означает опережающую активность, устремленную вперед, при сохранении ответственности за свою собственную жизнь. Поведение проактивного человека в большей степени зависит от его решений, а не от внешних факторов. Современному человеку следует быть готовым к тому, что он постоянно выступает в качестве объекта репрессивно воздействующих технологий манипуляции и уметь проактивно устранять их репрессивный заряд.

Современный человек должен сам управлять собой, иначе будут *скрыто*, а значит и более изошренно, управлять им самим. Если негативная «свобода от» в контексте воздействия информационно-психологических форм репрессивности ассоциируется с институциональными аспектами и выражается в формулировке свободы как «оставленности в покое», то «свобода для» представляет собой свободу управлять собой и свободу самосовершенствования.

enkrateia81@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОДХОДЫ

Г. Р. Камалова

Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан

Коммуникативные практики в сетевом пространстве за последний период претерпели значительные изменения. Как показывают данные наших лонгитюдных исследований, в он-лайн пространстве произошла трансформация идентичности. Если к концу 90-х годов XX в. было характерно наличие множественности идентичности, конструирование и создание различных форм сетевой идентичности в Интернет пространстве, то в современный период произошла смена подходов к самопрезентациям. Так, в работах ряда зарубежных исследователей (Шерри Теркл (Sherry Turkle) [1], Анна Бальзамо (Anne Balsamo) [2], М. Синнирелла (M. Sinnirella) [3] и др.) отмечалась «множественность» и «зыбкость» человеческого Я в виртуальном общении, тенденция к конструированию Я идентичности. Шерри Теркл отмечала, что «Интернет становится важной социальной лабораторией для экспериментов с созданием и реконструкцией Я, что характеризует жизнь в постмодернистском обществе». «Игры с идентичностью», по терминологии Бечар-Изрэли (Bechar-Israeli) [4], возможность примерить на себя различные роли, стали характерной особенностью этого периода. Информационное бытие использовалось как поле для неограниченных возможностей в самоопределении [5]. Анна Висо (Ana Viseu) вводит понятие «электронной идентичности» и отмечает взаимовлияющую тенденцию – «не только мы врываемся в виртуальный мир своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего Я» [6]. Появляется также понятие «мобильной идентичности», введенной американским исследователем Марком Постером (Mark Poster) [7], под которой понимается постоянно изменяющаяся идентичность.

Российские исследователи А.Г.Асмолов и Г.А.Асмолов отмечают, что с начала XXI века «Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности» [8]. Данные лонгитюдных исследований автора статьи [5] также свидетельствуют о том, что происходит смена самопрезентаций в виртуальном пространстве. Данная тенденция стала результатом смены и расширения сетевых возможностей – пользователи стали больше обращаться к новым формам самовыражения и ресурсам, которые позволили найти своё сообщество. Появление и все увеличивающаяся популярность дневников блогосферы ЖЖ, Facebook, страничек Одноклассники.ру, Вконтакте.ру исключили возможность анонимности, а были направлены именно на раскрытие личности, на выявление идентичности и формирование своего круга друзей/коллег/партнеров. При этом меняются не только формы репрезентаций (размещение фотографий, биографических данных), но и сам контент. Так, скажем, для блогосферы «Живого Журнала» характерным является полная

самопрезентация реальной идентичности с конкретным внутренним содержанием, что продиктовано самим жанром ведения он-лайн дневника.

Литература

1. Turkle, Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon and Schuster, 1995; Turkle, Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs // Culture of the Internet. (Sara Kiesler, Ed.). P. 143-155. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, Mahwah, NJ, US, 1997; Turkle, Sh. Parallel lives: working on identity in virtual space // Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction. N.Y., 1996. P. 156-175.
2. Balsamo, A. Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture // Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series. (Frank Biocca, Mark R. Levy, Eds.). Lawrence Erlbaum Associates, Inc, Hillsdale, NJ, US, 1995. P. 347-368.
3. Sinnirella, M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology, 1998. Vol. 28. № 2. P. 227-248.
4. Bechar-Israeli, H. From «Bonehead» to «Clonehead»: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. Journal of Computer-Mediated Communication, 1 (2). 1995.
5. Об этом подробнее см.: Шакурова (Камалова) Г. Р. Самопрезентации уфимских ICQ-пользователей в виртуальном пространстве / Г.Р. Шакурова // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции (Санкт-Петербург, 8 - 11 ноября 2005 г.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. сс. 84-87. Ориг. URL: <http://conf.infosoc.ru/2005/37.html>; Шакурова (Камалова) Г. Р. Виртуальные коммуникации уфимцев / Г. Р. Шакурова // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2006. – Т. 11, № 1. – С. 60–66; Шакурова (Камалова) Г. Р. Идентичность в он-лайн пространстве // Этнокультурные и этнополитические процессы в XXI веке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2008. – С. 390–397.
6. Viseu Ana. A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. Preprint, 1999.
7. Poster Mark. CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere. American Cultural Studies: A Reader, Oxford University Press, 2000, pp.402-413.
8. А.Г.Асмолов, Г.А.Асмолов// От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. Журнал "Самиздат"//http://zhurnal.lib.ru/a/asmolow_g/psych.shtml.

guldar@bk.ru

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ КОНСЕРВАТИЗМА

А. П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Патриотизм – феномен общественной жизни, актуальность которого не нуждается в особых обоснованиях. Оценивать его мы можем по-разному, и не обязательно положительно, учитывая, что его проявления зачастую носят агрессивный характер. Да и само стремление власть предержащих легитимировать свою деятельность за счет патриотических ценностей, выливающееся в старании отождествить смысловые нагрузки понятий «патриотизм» и «государственное единство», приносит в массовое сознание распространенное представление о так называемом «квасном» патриотизме. Если идеи патриотизма действительно ценны и полезны для общества, то встает закономерный вопрос, что под ним подразумевается. В современной России налицо наличие так называемой «консервативной волны», как в политике, так и в общественном настроении. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение консервативного варианта патриотизма в теоретическом и практическом аспектах.

Смысл патриотизма в его консервативном понимании мы можем эксплицировать, опираясь на два подхода: рассматривая консерватизм как политическую идеологию и как особый стиль мышления. В качестве политической идеологии консерватизм всегда был внимателен к патриотизму, видя в нем залог сохранения национальных традиций. У российских традиционалистов дореволюционного времени патриотизм неразрывно связывался с приверженностью к самодержавию. Быть патриотом для них значило быть в первую очередь приверженцем исконно русских начал, приобретших сначала формулировку «Православие. Самодержавие. Народность», затем несколько усложнившихся под воздействием теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и концепции «византизма» К. Н. Леонтьева. По поводу патриотических чувств к России К. Н. Леонтьев писал: «Избави Боже, - большинству русских дойти до того, до чего шаг за шагом дошли уже многие французы, то есть до привычки служить всякой Франции и всякую Францию любить! На что нам Россия не самодержавная и не православная? На что нам такая Россия? Такой России служить или такой России подчиняться можно разве по нужде и дурному страху» [Цит. по: Янов, 2002. С. 251]. Несамодержавная Россия была ему не нужна, как и многим консерваторам XIX – начала XX вв..

То, что современные неоконсерваторы патриотизму уделяют не меньшее внимание, чем их предшественники, вполне объяснимо, учитывая те культурные издержки, которые принесла либеральная эмансипация. Сильное иерархическое государство с авторитарным стилем руководства – тот идеал, который «въелся» в ткань ценностных ориентаций консерватизма. Военно-патриотическое воспитание, формирование ответственного перед государством гражданина, конструирование сверху общественного консенсуса, - те средства, с помощью которых обеспечивается воплощение консервативных

представлений о ресурсах власти. Но именно такой патриотизм часто приобретает «внешнюю» форму, не соответствующую истинному отношению населения к Родине и государству.

Рассмотрение консерватизма как особого стиля мышления (который, впрочем, вполне может соответствовать и политическим пристрастиям его носителей, но это не обязательно) приводит нас к другому пониманию патриотизма, вырастающему из стержневой идеи данного стиля – идеи конкретности. Эту идею необходимо раскрывать в терминах онтологического погружения, холизма и пантеизма. Она антирациональна по своей природе и отвергает всю ту традицию, которая связана с картезианской гносеологией. По сути, речь идет о том, что для консервативно мыслящего человека любое суждение, которое возможно об явлении, отражает сам факт существования этого явления. Как только мышление выходит за рамки этого существования, этой конкретности, оно рискует двинуться в направлении спекуляций.

Патриотизм в консервативном мышлении тоже конкретен и означает акт духовного самоопределения. Именно в этом смысле рассматривал патриотизм И. А. Ильин. Та привязанность к Родине, которая присутствует практически у всех людей, отмечал он, возникла в ходе естественного исторического процесса, по его определению, из «эмпирических условий человеческой жизни». Возникновение государства заставило человека искать поддержки именно у него, и первые проблески патриотизма вызвались к жизни в первую очередь нуждой и страхом. Государство сформировало и определенный правопорядок. Человек, выросший в этом правопорядке, «сознает себя всецело обязанным правосознанию своих граждан и правовой культуре своего отечества: Родина получает для него значение положительно-правового установления, уже обеспечившего его существование и ныне ограждающего его духовную жизнь. Благодаря этому принадлежность к известному государственному союзу начинает определяться уже не только нуждой и страхом, но чувством долга, чести и признательности. Житейский интерес "патриота" приобретает моральный смысл, а тяготение к Родине – естественно-правовую основу» [Ильин, 2003. С. 243]. Такое тяготение, собственно говоря, составляет фундамент либерального концепта патриотизма.

Однако оно оставалось в рамках «государственного патриотизма», настоящий же патриотизм возник тогда, по мнению И. А. Ильина, когда люди стали осознавать духовную сущность своей общности, «нашли и реально испытали», что их Родина есть действительно «мое Отечество». При этом человек должен был четко осознавать предмет своей любви, таким предметом не могло выступать ни место жительства, ни кровное родство, ни расовая или национальная принадлежность, ни быт, ни природа, ни государственное устройство. «Если этим предметом является духовная жизнь и духовное достоинство его народа – то он становится истинным патриотом: он совершает акт духовного самоопределения, которым он отождествляет, в целостном и творческом состоянии души, свою судьбу с духовною судьбою своего народа» [Ильин, 2003. С. 247].

Проявления такого рода патриотизма в современной России мы также можем легко обнаружить. Поражения сборной страны на международных спортивных соревнованиях россиянин переживает как собственное поражение, победы – как собственный успех. Признание заслуг российских деятелей культуры в мире воспринимается как признание значимости каждого россиянина. Наверное, какой-то части населения России стыдно, когда их сограждане демонстрируют за рубежом не самое лицеприятное поведение, эта часть понимает, что суждения об этих людях являются суждениями о них. Такое духовное самоопределение может действительно свидетельствовать о преобладании консервативных тенденций в российском обществе.

Литература

Ильин И. А. Теория права и государства. М.: «Зерцало», 2003. 400 с.

Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России. 1825-1921 гг.. М.: Академкнига, 2002. 398 с.

pavlen-abakan@mail.ru

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК СЛОЖНЫЙ И САМОБЫТНЫЙ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Ю. О. Колотыгина

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Русская философия существует уже тысячу лет. Она зародилась во времена Киевской Руси и продолжает развиваться в настоящее время.

Сложная, трагическая, напряженная история русской философии еще не получила целостного отражения в литературе. Русская философия обладает всеми достоинствами национальной философии, внося свой вклад в развитие философской мысли человечества. Национальное своеобразие русской философии определяется рядом причин, как внешних- событийных, так и внутренних- сущностных.

Философия испытывала много давления. Русская православная церковь настороженно относилась к русской религиозной философии, что в конечном итоге привело к тому, что русская философия религии развивалась как внецерковная, светская. В 1849 году такое давление дошло до предела,- в России запретили преподавать философию в университетах. Издавна принято рассуждать об открытости русской культуры, ее универсальности и пластичности. Россия действительно находится на перекрестке цивилизаций и оказывается не столько окраиной Европы, сколько воротами на Восток, посему - «продувается всеми ветрами» и подвержена разнообразным влияниям.

Складывается своеобразная ситуация в отечественной философии: ее начало совпадает с «отсутствием» традиции. Мыслителям в России не на что было опереться, не было у них – как у европейцев – предшествующей двухтысячелетней традиции философствования. К XVIII веку не только нет книг преподавания философии- нет даже устоявшейся философской терминологии.

Поэтому мыслители в России лихорадочно начинают изобретать то, что давно уже известно за пределами России. Начинаются попытки не просто преобразования заимствованного, но созидания до сих пор не существовавшего. В один прекрасный момент догонят ушедших вперед, в чем-то опережает их.

В русской философии изначально определились два противоборствующих направления: православно-консервативное и просветительно-западническое.

У истоков первого направления стоял Гавриил (В.Н. Воскресенский). Его «Русская философия» стала своего рода барометром зарождающегося славянофильства. Русский человек «богобоязлив, до бесконечности привержен вере, престолу и отечеству... трудолюбив, хитр, непобедим в терпении, рассудителен, по отношению к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом» [1]. Сущность русского ума- стремление сочетать рассудочность с набожностью, веру со знанием, что и придает особый колорит, настроение русскому характеру. Основными деятелями русской мысли, по мнению Гавриила, всегда выступали «духовные лица», занимавшие высшие места в церковной иерархии.

Русская философия не имеет никакого отношения ни к социализму, ни к политике и занята исключительно Нормировкой» мистики «в интересах русской культуры», утверждал Н.А. Бердяев [2].

«... Русская мысль,- заявлял Зеньковский,- всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой...» [3]. Православно-консервативная историография изображала русскую философию преимущественно в виде некоей константы, alter ego православия.

Противостоящее православно-западническое направление восходит к петровским временам; вершина этого направления- труды А.П. Шапова. До европеизации у нас все пребывало в «умственном застое». И все потому, что русский народ в интересах самосохранения на протяжении целых веков был вынужден вести борьбу с дикой природой. Шапов приходил к заключению, что «без возрождающего гения передовых наций наш народ своими собственными умственными силами не мог бы выйти из этого застоя» [4]. Потребовались реформы Петра I. В Россию проникает западное просвещение, давшее начало самобытной мысли. Русская философия зародилась «на широкой и самой плодотворной почве общечеловеческого мышления, разума и науки», и представляет собой «зачаток и развитие нового европейского интеллектуального типа» [там же].

Всего последовательнее позиции просветительского западничества выявились в методологии В.О. Ключевского. На его взгляд, история русской

мысли- это вообще «история усвоения чужой мысли», «история мысли есть вместе и история мышления, формального развития народной мысли в работе над готовым чужим материалом» [5].

Объективное историческое исследование не может проигнорировать ни того, что русская философия глубоко укорена в православно-христианской традиции, ни того, что ее связывают кровные узы с западноевропейской мыслительностью. Главное состоит в том, чтобы понять, какие мотивы побуждали национальную мысль обращаться к работе над чужеродным материалом и какие идеалы выставлялись в процессе национального духовного творчества.

Философия в России – это «поле битвы». Зона конфликта между традицией европейской – и традицией национальной – «внегегоретической». Философия в России не есть «плавное течение единой реки», но постоянно и достаточно напряженный диалог двух существенно непохожих традиций. Точнее говоря, перед нами – не столько «битва» или конфликт, скорее – диалог, диалог традиций. Важно помнить, что мыслители не «озвучивают» ту или иную традицию – но лишь оказываются ее неоднозначными проявлениями.

Литература

1. Гавриил, архим. Русская философия. Казань, 1840.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. Спб., 1992.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1-2. 2-е изд. Париж, 1989.
4. Щапов А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Спб., 1870.
5. Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII века // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36 (1).

СИТУАЦИЯ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОИСКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ К. XX – Н. XXI вв. (В.ВЫСОЦКИЙ, А.КУТИЛОВ, Д.МУРЗИН)

Е. В. Климакова

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики (Новосибирск)

Ситуация войны будет пониматься нами в качестве разновидности “экстремальной ситуации” (в трактовке К. Ясперса).

1.Творчество Высоцкого является одним из самых значительных феноменов русской культуры второй половины XX века и последние тридцать лет неизменно вызывает исследовательский интерес. Одной из наиболее ярких

черт культурного феномена Высоцкого является его ритуальный характер: “Высоцкий был из числа тех, кто отодвигают кошмар духовной энтропии” (В. Аксенов), “Высоцкий <...> был <...> как воздух, необходим людским толпам, стекавшимся его слушать” (К. Рудницкий), “восприятие, слушание его песен становилось поступком для слушателей” (М. Берг). Вместе с экста- тическим характером авторского исполнения это позволяет нам говорить о том, что в на восприятие феномена Высоцкого повлияло осознание присущих ему лиминальной и шаманской ролей.

Народная молва при жизни поэта приписывала ему три основных легендарных статуса: “сидел”, “воевал”, “умирал”. Сама по себе эта триада в мифологическом аспекте замечательна, потому что каждый ее член развивает одну из базовых модификаций героя Высоцкого – 1) разбойник (хулиган, уголовник), политзаключенный; 2) воин (участник Великой Отечественной войны, рыцарь); 3) волк. Указанные действия связаны с социальными статусами, маркированными в пространственно-магистическом аспекте как лиминальные, волчьи, связанные с периферийным, пороговым пространством, противостоящие “нормальной”, “хозяйственной”, центральной зоне [4: 399 – 400]. Мобильный герой отделяется от привычного мира, попадает в зону опасности и смерти, приобретает лиминальный статус, притягивая к себе слушателей возможностью хоть в какой-то степени эмоционально пережить чужой статус как свой, приобщиться к героическому ореолу в условиях культурного дефицита героического. Как правило, поэту и его героям удавалось оставаться в рамках социально и даже официально (песни о войне) приемлемой роли.

Периферийное пространство выступает у Высоцкого романтическим идеалом, бытием, противопоставленным быту общечеловеческого существования. Герой бежит от социума туда, “где встретют меня, и где люди живут”. При этом само перемещение в пространстве носит хаотический характер (“Куда кони несли да глядели глаза”), а конечные пункты пути либо не названы вообще, либо являются местами чрезвычайно отдаленными и лишенными социума: “в Магадан”, “в холода”, “не известно, к какому концу”, “от бед в стороны”, “на Север”, “вглубь”, “ввысь”, “на Вачу”, “и в крошечную тьму, и в неясную згу”.

Традиционно же сакральные зоны пространства – верх и центр (дом и храм) оказываются в художественном мире Высоцкого трагично профанными (“Света – тьма, нет Бога!”). Идеальное же устройство социума, центральной (“хозяйственной”) зоны, неоднократно утверждаемое Высоцким в своем творчестве, подразумевает устойчивый сакральный центр (дом, организованный идеальным женским персонажем, занятым ожиданием героя-мужчины с войны, с периферийной территории): “Мы вас встретим и пеших, и конных, // Утомлённых, нецелых, – любых. // Только б не пустота похоронных, // Не предчувствие их”, “Но вечно надо отлучаться по делам – // Спешить на помощь, собираться на войну // <...> // Век будут ждать тебя и с моря и с небес – // И пригласят на белый вальс, когда вернешься”.

В такой ситуации война и образ воина (волка), как наиболее характерные для периферийного пространства, приобретают особую – ритуальную – ценность. Приведем слова Высоцкого: “...я считаю, что во время войны просто есть больше возможности, больше пространства для раскрытия человека. Тут уж не соврешь: люди на войне всегда на грани, за секунду или за полшага от смерти. Я вообще стараюсь для своих песен выбирать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, в момент риска. Короче говоря, людей, которые “вдоль обрыва, по-над пропастью” или кричат “Спасите наши души!”, но выкрикивают это как бы на последнем выдохе...”

2. Одним из важнейших факторов формирования единства и стабильности современной отечественной культуры является Победа в Великой Отечественной войне – событие, сакрализованное еще в советской культуре и сохраняющее свою сакральность сегодня. “При сильнейшем ценностном дефиците морально-антропологических разработок <...> “война” стала средством определения качества “настоящего человека”, испытания на прочность, лояльность, верность” [2: 54].

3. Особенно интересным этот процесс становится при сравнении его с некоторыми “путями” к обретению сакрального, время от времени прорывающимися в русской поэзии последних десятилетий: *“Работа, пьянка и эстрада // (станок-сивуха-“Песняры”)... // Войну бы надо! Горе надо! // И хлеб из липовой коры... // <...> // ...пусть тятка с фронта не вернется, – // вернется Бог – взамен отца!”* (А. Кутилов), *“... Глядя на эти нравы и времена. // <...> // Если что и спасёт — так только война. // <...> // Только война, и только враг у ворот. // Только странная надпись на пол-листа: // “Офис закрыт. Офис ушёл на фронт”* (Д. Мурзин).

Литература

1. Высоцкий, В. С. Сочинение в 2 т. / В. С. Высоцкий – Екатеринбург: Изд-во “У-Фактория”, 1998.
2. Гудков, Л. Победа в войне // Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 20–59.
3. Кутилов А. П. Скелет звезды. – Омск: книжное издательство, 1998. – 400 с.
4. Михайлин, В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / В. Михайлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 540 с.
5. Мурзин Д. Вторая молитва пазла // Сибирские огни. – № 7. – 2010 [Электрон. дан.] – Режим доступа: <http://www.sibogni.ru/archive/110/1351/>
6. Элиаде, М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

klimakova07@mail.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПРОЦЕСС В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Э. И. Мартынюк

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Е. Э. Никитченко

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

Проблемы, которые связаны с глобализацией не только на постсоветском пространстве, но и в мире в целом, находят своё отражение и в терминологии, которая употребляется в религиозных исследованиях особенностей религиозной жизни второй половины XX века. Например, на наш взгляд, для обозначения устойчивых новаций и актуализаций, трансформаций и модернизаций в религиозной жизни второй половины XX века, можно использовать термин “конвергентные процессы”.

Сам термин «конвергенция» (от лат. *convergentio*, *convergo* – сходиться, сближаться), впервые для целей религиозных наук был употреблен немецким исследователем религии Генрихом Фриком в его работе “Сравнительное религиоведение” (1928 г.) [3;134]. Стремясь к сближению терминологии естественнонаучных и обществоведческих наук, по традиции, начатой ещё Д.Ф. Шлеймахером, он применял этот термин в том значении, в котором он уже употреблялся, прежде всего, в биологии, где это понятие характеризует процесс возникновения подобных черт в строении и функциях у далёких по происхождению организмов, вследствие их приспособления к одинаковым условиям существования. Г. Фрик использовал этот термин для обозначения параллельных, схожих процессов в разных религиях, и в этом значении “конвергенция” остаётся в применении и у современных исследователей религиозных явлений.

В послевоенные годы XX в., этот термин в религиозной среде стал употребляться и в значении констатации «сближения религий». Это позволяет семантика этого слова в романо-германском языковом контексте, что в свою очередь значительно обогащает его современное религиозное содержание. В таком другом распространённом значении “конвергенция” охватывает и такие тенденции в религиозной жизни, которые сформировались, или стали более наглядными именно во второй половине XX в. такие как: а) сотрудничество религий (на уровне организаций, общин, верующих) в разных отраслях социальной деятельности; б) стремление к объединению разных деноминаций в единую традицию; в) тенденцию к созданию единой мировой религии и др..

Тут мы лишь выделим те процессы, которые сформировались, или более актуализировались за последние десятилетия. Это прежде всего: акселерация, актуализация эсхатологии, актуализация социальных доктрин, американизация, вельтизация, виртуализация, глобализация, диалог, консьюмеризм, модернизм, новые религиозные течения, паксизация, приватизация, рационализация культовых действий, ревивализм, секуляризация, синкретизм, совре-

менный религиозный плюрализм, сциентизм, толерантность, увеличение инклюзивизма, унификация экстериоризации, феминизация, фундаментализм, харизматизация эгосинтонизация, екуменическое движение, экзотеризация,.

Большинство указанных выше “конвергентных процессов” уже много лет исследуются, хорошо проанализированы в литературе, поэтому в данных тезисах мы сосредоточимся только на определении некоторых из них, которые имеют непосредственное отношение к явлению глобализации в религиозной жизни.

Вельтизация (от нем. die Welt – мир) - конвергентный процесс, который характеризует стремление в деятельности представителей разных религий к созданию всемирной организации, которая бы объединила все религиозные традиции на основе преодоления существующей отчуждённости.

Глобализация (от франц. global – общий, всемирный). Вообще под глобализацией можно понимать возникновение и распространение явлений, которые имеют надгосударственное измерение.

Впервые в религиоведении этот термин был системно использован в книге “Религия в современном мире: Религиозная ситуация в мире с 1945 до настоящего времени” [2;383], изданной в Эдинбурге коллективом авторов во главе с известным современным религиоведом Ф. Уэлингом в 1987 г. В этой книге наиболее важными (глобальными) событиями в этот период религиозной жизни мира были признаны: возвращений евреев на родину; возрождение буддистских и индуистских традиций в связи с обретением независимости Индии и странами Юго – Восточной Азии; расцвет новой самостоятельности в исламе в период нефтяного кризиса; возникновение новых религиозных течений; внешняя угроза существованию примитивных религий в то время, когда их значение всё больше увеличивается.

В настоящее время, глобальный характер имеют практически все конфликты на религиозной почве, особенно те, которые приводят к войнам. А современные средства коммуникаций могут задавать глобальное измерение практически каждому религиозному явлению – будь то рождественское выступление римского папы или криминальная деятельность злоумышленников из какой-либо религиозной группы.

Терминологическое разделение позволяет исследователю сосредоточиться при изучении современного состояния *екуменизма* именно в первоначальном значении этого термина – объединительном движении христианских церквей, современное состояние которого было основано протестантскими деноминациями в 1910 году на Эдинбургской Всемирной миссионерской конференции [см., напр.: 1; 107].

Екуменическое движение является одним из многих конвергентных процессов, которые возникли в XX веке. И хоть добрая воля христиан и служит этим процессам, и их отношение к ним имеет большое значение для их будущего, судьба человечества зависит не только от христианства, но и от других религий и взаимоотношений между ними.

Паксизация (от лат. *пакс* – мир). Термин, который характеризует один из конвергентных процессов в религиозной жизни II половины XX в., которые свидетельствуют о возрастании числа так называемых мировых религий.

Жанр тезисов позволяет только в очень сжатой форме охарактеризовать содержание этих конвергентных процессов, которые рассматривались. Но уже из приведенного, на наш взгляд, понятно, что речь идёт про комплексную систему анализа тенденций современной религиозной жизни, которые характеризуют глобализацию.

Литература

1. Екуменічний рух. Релігієзнавчий словник. – К.: Четверта хвиля, 1996.
2. Religion in today's world: The religions situation of the World from 1945 to the present day. /ed. Whaling F. – Edinburg: Clark, 1987, - VIII.
3. Frick H. Vergleichende Religionwissenschaft.- Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter and Co., 1928.

СПЕЦИФИКА КЛАССИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА

О. Н. Дьячкова

Уральский государственный университет

В настоящее время, когда происходят изменения во всех сферах общества, когда возникает множество нестандартных ситуаций, требующих уникального решения, изучение проблем творчества становится особо актуальным.

Творчество производно от глагола творить. Творчество – это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Творчество характеризуется неповторимостью, оригинальностью, уникальностью и общественно-исторической значимостью.

В науке существует множество подходов к пониманию творчества. К. Бергквист, иллюстрируя этот факт, дает образное сравнение: представим, что мы находимся в зале с тысячами зеркал, в которых отражается творчество; мы видим творчество всюду, мы рассуждаем о творчестве, но не знаем, какое изображение действительное, а какое – мнимое. Но все подходы сходны в рассмотрении творчества как величайшей ценности, как символа созидания в противоположность репродуктивной деятельности.

Теперь обратимся к классическому пониманию феномена «творчество». Традиционно в рамках классического стиля мышления творчество – это одна из специфических форм культурной деятельности, которая определяется как поиск или достижение нового, качественно нового результата в любой сфере индивидуальной или социальной практики. Новизна выступает как критерий творчества – таков ответ дает классическая философия.

Если творчество – это процесс, связанный с созданием нового, то необходимо рассмотреть и само понятие «новое». Термин «новое» имеет такие смысловые основы, как: впервые созданный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего (например, новая техника, изобретение, открытие и др.); относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени (новая, новейшая история); недостаточно знакомый, малоизвестный (только что поступивший в класс новичок, новобранец, новобрачный и др.) [5, с. 358].

Чаще всего под новым понимается то, что ранее не существовало вообще. Новое трактуется и как результат человеческой деятельности, связанный с коренными, качественными преобразованиями старого, и как критерий результатов творческой деятельности. Новое есть уникальное пересечение прежних сущностей, результат эксперимента, изобретения. Существенной чертой появления новых образцов и знаний является их «несводимость, нередуцируемость к до него существующему содержанию окружающего нас мира... в новом есть содержание, которое абсолютно ново, нетождественно тому, что было» [4, с. 42].

Новизна, с точки зрения классической философии, проявляет себя в конструкциях «чистого разума», «умного субъекта», которые характеризуются чертами единства, абсолютности, устойчивости, рациональности и стабильности. Такому субъекту творчества (человеку с «чистым разумом») доступны все тайны бытия, с помощью конструкций теоретически и практически он познает все и творит нечто новое. Каждый шаг познания и деятельности человека есть «расколдовывание мира» и, если этот шаг ведет к новому результату, то и сам он, и его результат рассматриваются как творческие.

Классическая традиция раскрывает творчество как деятельность, в которой важен процесс и новый результат. Новизна выступает основным критерием творчества. Например, И. Кант характеризует творчество как способность делать что-то не подражая, создавать новое, ранее не известное (например, произведения Гомера, Шекспира и др.). К такому же выводу приходит Освальд Шпенглер в своей книге «Закат Европы», где он отмечает, что творчество – это, безусловно, привнесение нового, но новое не есть следствие старых причин. Философ считает, что под этим углом зрения можно исследовать все культуры и в результате получить подтверждение того, что более молодые, поздние культуры не являются прямым продолжением старых, ранних культур [7, с. 737–741].

Н. А. Бердяев утверждает, что «творчество есть всегда прирост, прибавление, создание нового, небывшего в мире» [1, с. 117]. Российский психолог и философ С. Л. Рубинштейн считает, что «творческой является всякая деятельность, создающая нечто новое, оригинальное, что притом входит не только в историю всякого творца, но и в историю развития науки, искусства и т. д.» [6, с. 358]. Творчество, следовательно, в контексте классического подхода является специфически человеческой формой активности и опирается на рефлексивные отношения человека к этому миру, все это действие, процесс характеризуется результативной новизной.

В классической традиции бытие любой системы представало в своем единстве, целостности, гармонической завершенности и ключевым понятием классики является шаблонное мышление, без которого невозможно дать определение творчеству. Эдвард де Боно пишет, что шаблонное мышление – это один из важных способов человеческого мышления, то есть логика выступала как образец, достойный подражания и логическое мышление нисколько не умаляет понятие творчества, а лишь подчеркивает такие характеристики как строгость, рациональность, разумная обоснованность, выверенность [2, с. 13].

Классическая концепция творчества не отрицает роль и возможность интуиции, но в таком случае творческое решение, новизна, когда уже найдена, обязательно должна быть логически обоснованной и очевидной. Создается впечатление легкости логического решения и всемогущества логики. Понятие «интуиции» в гносеологическом плане слабо исследовано и неоднозначно в содержательном и функциональном отношениях. Марио Бунге выразил существенное понимание интуиции, то есть «для философа интуиция,... – почти всегда способность человеческого ума, которая отличается как от чувственности, так и от рассудка и представляет собой не что иное, как некий автономный способ познания, а именно внезапное, полное и точное постижение» [3, с. 5]. Интуиция обычно проявляется в неразрывной связи с вдохновением, эмоциями и аффективными состояниями, что обуславливается необычным подъемом духовных и физических сил в процессе творчества. Таким образом, интуицию рассматривают как специфический метод познания, заключающийся в «перескакивании» через определенные этапы логического рассуждения, благодаря чему возникает иллюзия прямого непосредственного усмотрения искомого вывода. Интуиция – это особая пронизательная способность поставить проблему и предсказывать результат исследования.

Еще один важный момент специфики классического подхода определения творчества отводится вероятности. Именно вероятность приводит к эвристическому моменту, к открытию чего-то нового, или любого иного результата. Но нельзя забывать и об ином творческом пути – это нешаблонное мышление, с видом безумия или умственного помешательства. Так Эдвард де Боно утверждает, что «различие между шаблонным и нешаблонным мышлением состоит в том, что при шаблонном мышлении логика управляет разумом, тогда как при шаблонном она его обслуживает» [2, с. 17]. Нужно отдавать отчет, что нешаблонное мышление появляется в ситуации хаоса именно для того, что предложить и сотворить новое решение, некий выход из сложившейся ситуации.

Таким образом, понятие творчества было заложено уже на самых ранних этапах культурного развития. Эти представления до сих пор в истории культуры только развиваются и обогащаются. Поэтому вполне оправдана гипотетическая попытка поисков начал, специфических особенностей или предчувствий древнегреческой, средневековой и новоевропейской классической культуры относительно возможности исследования проблемы творчества в

плане его трансформаций. Подход к определению творчества как к процессу создания чего-то нового характерен и для настоящего времени. Под творчеством обычно понимают художественное, научное и техническое творчество. И творческий элемент имеет место в любом виде деятельности: в бизнесе, спорте, игре, мыслительном процессе, общении. Известный академик П. Капица говорит, что творчество везде, где человек действует не по инструкции. В любой сфере человеческой деятельности: научной, производственно-технической, художественной, политической и др., где создается, открывается, изобретается нечто новое, – это и есть место творчества.

Литература

1. Бердяев Н. А. Этика творчества // Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Боно де Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1976. 143 с.
3. Бунге М. Интуиция и наука / Пер. с англ. Е. И. Пальского; ред. и послесл. В. Г. Виноградова. М.: Прогресс, 1967. 188 с.
4. Николко В. Н. Творчество как новационный процесс (философско-онтологический анализ). Симферополь: Таврия, 1990. 190 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы (Весть), 1995. С. 358.
6. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самостоятельности // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Одесса: Б. и., 1922. Т. 11. 587 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Мн.: ООО «Хорват»; М.: Назрань, АСТ, 2000. С. 737–741.

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Т. В. Булыгина

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Современное состояние общества, с учетом изменяющейся социальной структуры, экономической ситуации, дифференциацией стилей жизни различных социальных групп обуславливает повышение интереса к феномену детства. Актуальным становится изучение содержания детства, направления его изменения, процесса социализации детей и вопроса об определении социального статуса детства.

При изучении феномена детства необходимо рассматривать его как общественное явление в его историческом развитии и на современном уровне. Следует учитывать то, что детство это не только особый период жизни человека психофизического созревания, но и социального. Детство – это период формирования личности, полноценного члена общества. Несмотря на боль-

шую значимость этого периода на дальнейшую жизнь человека, интерес к феномену детства появился довольно поздно. Это не сложно заметить, если отметить тот факт, что более или менее серьезно исследующие концепт «детство», источники, появляются только в XX веке.

Знаменитый американский историк и психолог Ллойд де Маус комментирует это следующим образом: «The history of childhood is a nightmare from which we have only recently begun to awaken. The further back in history one goes, the lower, the level of child care, and the more likely children are to be killed, abandoned, beaten, terrorized, and sexually abused » [1, с. 5]. (История детства ужасна, и мы только недавно начали просыпаться. Чем дальше назад в историю, тем ниже уровень заботы о детях, и больше вероятности смерти детей, а также заброшенных, побитых, затерроризированных, подвергающихся сексуальному насилию).

Греческая Античность не знала детства как особой возрастной категории. Знаменитый древнегреческий миф о Кроносе и его сыне Зевсе как нельзя лучше отражает отношение взрослых к детям. Страх потерять власть толкала отца-титана пожирать своих детей сразу же после их рождения. По воспоминаниям античных и средневековых авторов детство было не из легких в те далекие времена: "Кто не ужаснулся бы при мысли о необходимости повторить свое детство и не предпочел бы лучше умереть?" – восклицает Августин. Отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Сорон Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Аристотель считает вполне справедливым, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить "со спокойной душой", а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев. Платон, размышляя о воспитании потомства, видел добродетель в том, чтобы игры маленьких детей как можно больше соответствовали законам, потому что, если они становятся беспорядочными, и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных законопослушных граждан. Маленькие дети не вызывали у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечали. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова принадлежит родителям как прочая собственность.

Право полновластно распоряжаться жизнью и смертью детей было отобрано у отцов только в конце 6 века н. э.. Инфантицид стали считать преступлением только при императоре Константине в 318 году, а к человекоубийству был приравнен лишь в 374 году.

Запрещение детоубийства еще не было признанием за ребенком права на любовь и, тем более, автономное существование. В Библии содержится около двух тысяч упоминаний о детях. Среди них многочисленные сцены приношения детей в жертву, избивания их камнями; многократно подчеркивается требование любви и послушания детей, но нет ни одного намека на сочувствие к детям и понимание детских переживаний.

Надо отметить, что на протяжении всей истории христианской культуры поддерживалась идеализация некоторых маскулинных ценностей, связанных с понятием «отеческой власти». Непослушание отца влекло за собой суровые наказания, изгнание из семьи, родовые проклятия. Несмотря на то, что в Евангелие прослеживается идеал отцовско - сыновних отношений, который является аналогией символической любви Бога – Отца и Бога – Сына, тем не менее, это не отменяет полностью образ ветхозаветного отцовства, которое идеализировалось и мифологизировалось религиозной и философской мыслью. Основа детско-родительских отношений ветхозаветных текстов – неограниченная власть отца над детьми.

Одним из самых ярких историков детства, который исследовал проблему отношения человечества к детству и детям, является француз Филипп Арьес (Ариес). Особое внимание он уделял эпохе европейского Средневековья. На протяжении всего исследования, в своем знаменитом труде «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», Арьес подчеркивает отношение средневекового общества к детям и детству в целом: «В средневековом обществе, которое служит нам отправной точкой, детство не осознавалось как нечто особенное».[2, с.5]. «Пребывание в семье и в обществе в качестве ребенка было слишком кратким и слишком незначительным, чтобы нашлось время или побуждения чувств по отношению к этому периоду»[2,с.9]. Понятно, что жизнь общества той эпохи сильно отличалась от современной, но учитывая его христианизацию, жестокое поведение по отношению к детям, по меньшей мере, сильно противоречило канонам данной религии. Филипп Арьес, один из немногих историков детства, в своих исследованиях прибегает к помощи изобразительного искусства, привилегией которого, бесспорно, является способность донести до современного общества более правдивую реальность иной исторической эпохи. Но и в нем историк «уличает» своеобразное отношение к детству: «Средневековое искусство примерно до XII века не касалось темы детства и не пыталось его изобразить. Трудно было бы представить, что пробел этот существует по причине отсутствия опыта или художественного мастерства. Скорее, в том мире не было места для детства»[2,с.46]. Конечно, в средневековом искусстве встречаются сюжеты с детьми, но изображаются они, как правило, с лицами взрослых людей, но более маленького роста. То же самое касается и моды. Она, вплоть до XIII века, доказывает свое безразличие к детскому периоду: «Как только ребенок вырастал из пеленок (то есть его переставали заворачивать в кусок ткани), его одевали как женщину или мужчину его сословия».

К восемнадцатому – девятнадцатому столетию значение детства было пересмотрено: детство стало идеализированным. Это переопределение не происходило внезапно. Это влекло постепенное отношение к детям. Вообще, новые отношения, среди более устоявшихся, распространяются сквозь социальные структуры. Эти отношения призывают людей говорить меньше о детской полезности, их способности вносить вклад в семейную экономику; вместо этого, они подчеркивают необходимость детей в уходе (ласке). Семья

стала более частной сферой, центром чувств; внутри семьи дети получили и вернули любовь. Сложно иметь полное понимание истории детства, но всего лишь за два века(XVIII,XIX), европейское общество узнало намного больше о детстве, когда это сентиментальное определение детства возникло и процветало. В течение XIX столетия, большое количество людей стало грамотным и печатающим на лучших технологиях, являющейся причиной поразительного подъема публикаций книг, периодики и другого печатного материала. Как результат – это более богатый исторический итог повседневной жизни, и этот результат говорит, что Европа и США подверглись важному преобразованию в отношении к детям, пересмотрев детство в сентиментальных выражениях.

Новый, идеализированный, сентиментальный взгляд на детство, вне его первоначального центра в семейной жизни, начали развивать реформаторы. Они стали привлекать внимание к проблемам, связанным с детьми в большом обществе, проблемам, которые раньше игнорировались. Например, романы Чарльза Диккенса показывали детские проблемы в сентиментальных красках. К середине XIX века кампания, чтобы основать общественные школы в США, была очень хорошо установлена; к концу столетия, закон сделал обучение обязательным, и возраст, в котором дети могли официально учиться повысился. Большая кампания в интересах детей в течение девятнадцатого и двадцатого столетий была направлена против использования детской рабочей силы, на движения за основание детских законов, судей в защиту детей, специальных учебных заведений, детских программ социального обеспечения, игровых площадок. Все эти движения отразили сентиментальный взгляд взрослых на детство. То есть, реформаторы рассмотрели детей как уязвимый, нуждающийся и заслуживающий защиты общества слой.

Конец XIX – начало XX столетий также видели разнообразие других событий, которые формировали отношение к детям. Каждое заслуживает особого внимания: становление психоанализа в работе Зигмунда Фрейда и его последователей. Психоанализ рассматривал события раннего детства на примере взрослой личности, в частности, родительской; влияние на нее детского развития. Это основное понимание стало общим осознанием распространения психоанализа в XX веке. Хотя относительно немного людей поняли эту перспективу хорошо, многие усвоили, что эта новая наука делает родителей ответственными в развитии личности их детей и в решении их проблем и неудач. Детская незащищенность делает их чувствительными к обидам, даже внутри убежища семейной жизни. Так, сентиментальная перспектива делает легкой связь детей с социальными проблемами.

Литература

1. Joel Best. Troubling children. Studies of Children and Social problems.- ALDINE DE CRUYTER. New York, 1998.

2. Филипп Арьес. «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке».- Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К ЕДИНСТВУ

Р. Мамедова

Институт философии, социологии и права НАН Азейбарджана

«Моя единственная цель - это увидеть Бога в истории»

Общности, считающие себя объектом-творцом истории и нередко формирующие евроцентристские теории и мысли, старающиеся привить человечеству западные ценности как универсальные, с целью стать объектом этой истории, сами продолжают определять направления развития человечества. На самом деле, эти субъекты, говоря словами С.Халилова, являются «неполным человечеством» и их представление себя человечеством, может быть расценено как «ошибка истории»(2). Исторические опыты, идея цикличности цивилизаций, мысли о том, что жизнь каждой цивилизации составляет 500-1000 лет таких мыслителей как А.Тойнби, О.Шпенглера, Н.Данилевского и др., хотя и приводят к мысли о том, что жизнь никакой цивилизации не вечна, почему-то отдельные индивиды, общности уверены в вечности западных идеалов. В умах сформирована мысль об идентичности «конца истории», то есть конца человечества с концом Запада. В такой ситуации, различные общности не направляют свои усилия к достижению истинных общечеловеческих ценностей, которые могут сделать их богатыми, а продолжают наоборот, стремиться к преходящим желаниям, целям. В целом философское исследование культур показывает, что на самом деле, великие культуры строятся на великих идеях и на вечных ценностях, которые связуют отдельные общности и которые могут передаваться с некоторыми изменениями. В то время как нация, состоящая из индивидов, принимается как целое, единое, человечество, состоящее из наций, никогда не принималось как целое. А причина в том, что это единство, как минимум не нашло своего отражения в реальности. То есть идеал «человечества» все еще продолжает оставаться мечтой для человечества. С этой точки зрения, для Данилевского не существует общечеловеческой цивилизации и не может существовать. Потому, что это было бы невозможной и нежелательной неполностью. В целом, Данилевский выдвигает мысль о реализации высшего единства различных индивидов в определенных культурно-исторических типах, что эти культурно-исторические типы в конце и превращаются в смысл истории.(3, стр.129) А русский философ Соловьев, выступая против его идеи обесценивания общечеловеческих ценностей, пишет, что «если мы будем определять рамки моральной деятельности этими критериями, то перед нами не останется никакой задачи кроме того, чтобы думать о себе.»(5, стр.411-412).

По нашему мнению, нация должна выступать не как разъединяющий человечество субъект индивидов, но как самый благоприятный организованно, системно соединяющий его субъект. То есть мы не ошибемся если скажем, что нация является связующим звеном между индивидом и человечеством. Но почему-то в мире происходит удаление понятий от своей сущности. При том, что культура является субстанциональной основой всех народов, а нация всех государств, сформирована мысль о том, что это западное явление. С этой точки зрения, понятие нации, говоря словами Э.Фромма, составляет эквивалентность с «возведением поклонения к земле и крови до степени обожествления».

К сожалению западный мир, добившийся общественного единства над индивидуальными интересами, не находя в себе волю отрицать эгоцентристские воззрения, не имея силы возвысить достигнутые им ценности, выходя за временные и пространственные рамки, во имя своих низменных целей, пытается сохранить в истории образ своего «неполного человечества». Со временем, эта неполнота действует и в конце концов мы остаемся лицом к лицу с неполным человеком, с неполной семьей, с неполным обществом, с неполным человечеством и с неполной правдой. Как и во всех других случаях, если общественные связи ограничиваются только собой, когда превращают общество в изолированный объект исследования, в межличностных отношениях между людьми царят только светские правила, являющиеся продуктом человеческого разума. А так как человеческий разум относителен, то тогда эта форма основываясь на вечную относительность или должна скатиться в релятивизм, или должна строится на абсолютной власти, на физической силе.

Изолирование порядка в обществе, в целом миропорядка от божественного порядка, от космического единства, приводит к цикличности в общественном развитии, а для этого явления не характерна ни бесконечность развития, ни существование точки горизонта.

Несмотря на то, что правила существования на современном этапе определяются и регулируются государством и правом, у них у самих есть большая потребность не в псевдорелигиозной, а в религиозной основе. То есть поиск истины не должна ограничиваться отдельными индивидами, а должна превратиться в поиск каждой общности, всего человечества.

Основание общественных связей на «чувственную правду» или на неполную правду, это путь абсолютизации человеком самого себя, что в наше время это особенно резко чувствуется. И вследствие этого, сегодня развитие науки не направлено видеть себя и в целом человеческое творчество как составную часть божественной науки, а направлено к светскому, перефразируя П.Сорокина к тому чтобы «видеть даже человека как совокупность электронов и протонов.»(4, стр.469)

Человек, находящийся в бесконечных поисках вечности и считающий себя существом того мира, в конце находит себя в созданных им же оковах. От Востока к Западу, от Запада к Востоку он ищет истину. А адрес истины во

всех божественных религиях одна и она показана в 115-м аяте суры Аль-Багара Корана: «И Восток, и Запад принадлежат Богу, и куда бы вы не направились, Бог там.»(1, стр.130)

Литература

1. Qurani-Kərim, Bakı: “Çıraq”, 2004, 680s.
2. Xəlilov S.S., Tarixçilərin səhvi, //525-ci qəzet, №44, 10.03.10
3. Данилевский Н.Я., Россия и Европа». С-Петербург, Тип. Братьев Пантелеевых Казанская, 33.1889, 610 стр.
4. Питирим Сорокин, «Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд. Политической литературы, 1992.
5. Соловьев В. Сочинения в 2 т.Т II. М.: Мысль, 1988, 822 стр.

О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ»

А. В. Калмазан

Сибирский институт повышения квалификации

В настоящее время ориентация на потребителя образовательных услуг является важным условием развития системы образования. Последние десятилетия XX века и начало XI века стали периодом интенсивного поиска новых концептуальных идей, обеспечивающих повышение качества общего образования. Основанием актуализации проблемы качества образования в современных условиях стало возрастающее значение качества как определяющего фактора общественного развития, социального прогресса общества, повышения эффективности деятельности образовательных учреждений. Проблема качества на современном этапе затронула начальное, среднее, высшее и дополнительное образование.

Становление качества как неотъемлемой характеристики образования является частью истории образования. Н.А. Селезнева отмечает, что качество – «категория конвенциональная» [1]. А это значит, что каждый раз нам надо договариваться о его «образе», его уровнях и основных параметрах. Поскольку качество – это мера соответствия установленным нормам, требованиям, а они имеют тенденцию к изменению, то изменяется и содержание понятия качества образования. Поэтому, чтобы понять сущность явления и прогнозировать его изменения нужно проанализировать его с ретроспективной точки зрения.

Анализ литературных источников по рассматриваемой нами проблеме показал, что понятие «качество» начало изучаться в русле философского направления (Аристотель, И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс), затем технико-экономического (Ф.Тейлор, А. Файоль, А. Фейгенбаум), а после и в педагогическом направлении.

Термин «качество» существует около 2500 лет со времен Аристотеля, который говорил о том, что «качество – это существенная определенность объекта, в силу которой он является данным, а не другим объектом, то есть эта та самая определенность, которая отличает лошадь от стола». Данная трактовка была основной вплоть до XX века [2].

В высокоразвитых странах еще в 60-х годах начался переход от рынка производителя к рынку потребителя. Впервые в России интерес к качеству на уровне производства исследователи отмечают с 70-х годов. В 1978-1988 провозглашается курс в борьбе за повышение качества и эффективность труда. Внимание придавалось улучшению системы управления, совершенствованию организационных структур, ликвидации лишних звеньев. В образовании начинает применяться системный подход. Важнейшими средствами управления учебными заведениями считаются директивное планирование и централизованное распределение выпускников [3]. Новый экономический и политический курс в стране был провозглашен в 1989-1996 годы, когда прежний государственный заказ и социальный заказ утратили свою силу, а новые подходы, внутренние аспекты управления профобразованием не разработаны. В это время продолжает использоваться системный подход, но во главу ценности становятся потребности и способности личности, поскольку личностно-ориентированный подход, концептуально заданный в «Законе об образовании» (1996 г), требует изменения исходной позиции, принципов управления профобразованием. И роль профессионального образования видится в том, что оно позволяет обучающимся найти свое место в сфере профессиональной деятельности. Такой подход находится в русле обеспечения качества образования [4].

Исследования, предметом которых явилось качество профессионального образования, стали проводиться с начала 90-х, по существу вместе с созданием Исследовательского центра проблем качества [5, 32 с.]. Специалисты центра под руководством Н.А. Селезневой (В.И. Байденко, С.И. Григорьев, В.П. Панасюк, А.И. Субетто, Ю.Г. Татур, В.В. Щипанов) занимались вопросами философии образования, разработкой концепции развития образования, его нормированием, квалиметрией, мониторингом, информационной и методической поддержкой, стандартизацией. Существенный вклад в разработку проблем качества образования внесли работы Н.А. Селезневой и А.И. Субетто.

В педагогической среде отношение к качеству формировалось на основе переосмысления существующих подходов. В 90-х годах сторонники традиционного подхода (В.П. Беспалько, И.Я. Лернер и др) определяют качество через соответствие процесса и его результата требованиям государства, а также судят о качестве образования по тому, каков уровень знаний обучающихся. Представители инновационного подхода (В.И. Байденко, А.Ф. Анисимов, В.А. Федоров, А.Т. Глазунов и др.) акцентируют внимание на потребностях и требованиях личности, производства, общества. Критерием качества в этом случае служит не только качество знаний, но и трудоустройство выпускников. В 1997 году Т.П. Дубровская, опираясь на труды Исследовательско-

го центра проблем качества, пишет о том, что качество образования как социальной системы относится к роду системно-социальных качеств. «Оно есть соответствие (адекватность) принятым требованиям и социальным нормам (стандартам)» [6].. В динамике развития (эволюции) качество образования должно опережать системы требований, предъявляемым развитием среды. В словаре «Профессиональное образование» (1999) дается следующее определение качества образования – это «интегральная характеристика образовательного процесса и его результатов, выражающая меру их соответствия распространённым в обществе представлениям о том, каким должен быть образовательный процесс и каким целям должен он служить». Определение качества как соответствие нормам (стандартам) и запросам личности использует Н.А. Селезнева. А.И. Субетто, В.П. Панасюк, В.А. Кальней, С.Е. Шишова, П.И. Третьяков и Т.И. Шамова делают акцент на удовлетворение ожиданий и потребностей личности, общества.

В отличие от многих стран, где менеджмент качества имеет многолетнюю историю развития и для которых использование его принципов в образовательных организациях стало закономерным результатом этого развития, ряд российских учебных заведений пытались решить проблему повышения качества подготовки специалистов путем внедрения различных подходов в области управления качеством – международных стандартов ИСО, Модели Премии Малкольма Болдриджа, Модели EFQM.

Анализ авторефератов диссертационных исследований показал, что с 2000 годов шло активное изучение зарубежного опыта, практики внедрения и управления показателями качества как системой (система менеджмента качества) и подходов в управлении качества в различных странах.

В 2000 г. Техническим комитетом №176 Международной организации по стандартизации (ISO) была разработана версия стандарта ИСО 9000 по построению систем менеджмента качества, которая в 2001 году гармонизирована Госстандартом России в качестве национального стандарта (ГОСТ Р ИСО 9000-2001). Данный стандарт стал широко использоваться рядом учебных заведений России для построения системы управления качеством. Но в этой системе отсутствовали нормативы, непосредственно относящиеся к системе образования, возникли риски чрезмерности затрат дополнительных финансовых средств и времени на освоение системы, риск излишней бюрократизации образовательного процесса. 22 марта 2000 г. Министерство образования РФ приказом № 839 объявило конкурс «Внутривузовские системы обеспечения качества подготовки специалистов», который стал проводиться ежегодно. Основной задачей конкурса стало стимулирование вузов к проведению самооценки своей деятельности по критериям, отражающим современные подходы к управлению на основе качества и совершенствованию работы. Изначально критерии конкурса и с критерии Премии Правительства РФ в области качества совпадали и были следующими: лидирующая роль руководства, политика и стратегия организации в области качества, персонал, партнерство и ресурсы, процессы, осуществляемые организацией, удовлетворенность по-

требителей качеством продукции, удовлетворенность персонала, результаты работы организации. Можно сделать вывод, что критерии в области понимания качества образовательного учреждения опирались на стандарт ИСО, неадаптированный к системе образования. Последствием отсутствия адаптации стандарта к системе образования послужило возникновение в образовательных учреждениях моделей качества, в которых присутствовал ряд инородных для образования понятий в описание образовательного процесса, таких как «упаковка», «закупки» и др.

В 2005 г. название конкурса и критерии требований ему изменились. Первая группа критериев в конкурсе «Системы обеспечения качества подготовки специалистов» была предназначена для диагностики средств получения результатов в области качества подготовки специалистов («возможности»): политика и стратегия в области обеспечения качества подготовки специалистов; использование потенциала преподавателей, сотрудников, обучаемых для обеспечения качества подготовки специалистов; рациональное использование ресурсов (материальных, финансовых и людских); управление процессами обеспечения качества подготовки специалистов. Вторая группа критериев характеризовала то, что достигнуто («результаты»): удовлетворенность работодателей качеством подготовки специалистов вуза; удовлетворенность преподавателей и сотрудников работой в вузе; удовлетворенность студентов уровнем качества и содержанием подготовки; влияние вуза на общество; результаты, которых добился вуз в отношении запланированных целей повышения качества подготовки специалистов.

В этом же году был внедрен проект «Научно-методическое обеспечение по созданию и внедрению системы управления качеством в образовательных учреждениях профессионального образования» (Федеральная программа развития образования на 2005 год, проект по госконтракту № 715 от 15.09.2005 г.). Целью проекта явилась разработка методологии проектирования и оценки систем управления качеством в вузах и ссузах на основе анализа международного и российского опыта создания и функционирования систем управления качеством образования. Под типовой системой качества образовательного учреждения понималось упорядоченная совокупность рекомендаций, которые могут применяться для общего руководства образовательным учреждением с целью гарантии качества и его улучшения. Анализируя процессы, происходящие на Федеральном уровне образования, мы можем проследить генезис понятия качества, постепенную адаптацию его из производственной сферы к образовательной среде, обречение новыми смыслами, присутствиями образовательному пространству.

Изучением вопроса общего качества российского образования в различных аспектах его проявления занимались в своих работах А.В. Артюхова, М.П. Афанасьева, В.И. Байденко, В. Балабан, Э.С. Бука, В.В. Левшина, Е.Б. Гаффорова, О.Д. Головина, О.А. Горленко, Н.Д. Гуськова, Г.В. Гутник, В.К. Зиненко, В.А. Качалов, И.С. Кейман, И. Кравченко, Е.Б. Куркин, Н.П. Ма-

каркин, А.М. Макаров, Т.А. Николаева, Т.А. Салимова, А.И. Севрук, Н.А. Селезнева, А.И. Суббетто, Н.О. Радькова, Н.В. Фомин и др.

Многие исследователи рассматривают качество образования как совокупность качественных показателей составляющих его компонентов, но называют разное количество составляющих элементов, поскольку качество рассматривают его в разных аспектах. Так, например, В.И. Байденко качество образования определяет через совокупность следующих факторов: качество целей, качество стандартов и эталонов; качество образовательных программ, качеством кадрового и научного потенциала; качество абитуриентов на входе; качество выпускников на выходе; качество средств образовательного процесса; качество образовательных технологий; эффективность системы контроля достижений; наличие обратной связи по течению и результатам образовательного процесса; система традиций; успешность вхождения в социум; согласованность потребностей личности, общества и государства в уровне и качестве образования [7]. Минобрнауки России рассматривает понятие качество образования в двух аспектах: 1) качество результата образовательного процесса: соответствие уровня знаний выпускников требованиям ГОС; 2) характеристики системы обеспечения этого качества: содержание образования, уровни подготовки абитуриентов, качество преподавательских кадров, информационно-методического обеспечения и т.д [8].

Как указывает Г.В. Гутник компоненты понятия качества образования будут разными, если качество образования рассматривается его субъектами на различных уровнях: на федеральном (уровень Министерства и ведомств); на региональном (уровень республики, края, области); на институциональном (на уровне образовательного учреждения); на неправительственном (органы сертификации на соответствие стандартам ИСО) [9]. М.М. Поташник также выделяет самый последний уровень – уровень субъектов образовательного взаимодействия и считает, что любые попытки определить некие сквозные (одинаковые) компоненты качества образования изначально некорректны по сути [10].

Качество образования может рассматриваться как с позиции субъектов образовательного процесса с учетом социально-значимых характеристик, параметров, так и с позиции самого образовательного учреждения, предоставляющего комплекс услуг, адекватных требованиям государственного образовательного стандарта, запросам личности и общества (потребителей).

Как указывает В. Б. Полуянов, существует множество концепций качества на уровне профессионального образовательного учреждения. Эти концепции условно соотнесены с шестью подходами к формулированию сущности понятия «качество образования»: формально-легитимный подход – степень соответствия фактического результата деятельности образовательного учреждения нормативному заданию, сформулированному учредителем, соответствие требованиям аккредитации и лицензирования; предметно-отраслевой подход – степень соответствия ГОС, либо квалификационным характеристикам, коммерческий подход – степень достижения целей образовательного

учреждения зачисленными обучающимися с минимальными затратами; подход, ориентированный на потребителя – степень удовлетворения требований слушателей; подход, ориентированный на рынок труда – степень удовлетворения требований работодателей; подход, ориентированный на развитие организации – степень выполнения задач и достижения собственных целей образовательным учреждением [11].

В настоящее время выделяют подходы к понятию «качества образования» с точки зрения различных парадигм: 1) знаниевого подхода (качество образования в средней школы – качество знаний выпускников, соответствующих требуемому уровню ЕГЭ, для вузов – ФЕПО); 2) компетентностного подхода – (качество образования – соответствие компетенциям, предусмотренным для выпускников на выходе обучения); 3) адаптивного подхода (качество образования определяется личностным запросом, т.е. качественная система образования должна быть настолько гибкой и вариативной, чтобы обеспечить как можно большее количество запросов). Как указывает И.М. Швец, у подобных подходов к определению качества образования есть свои проблемные зоны [12].

Таким образом, понятие «качество образования» является конвенциональным, носит динамичный характер, оно изменяется во времени, но также качество различно по уровням и типам образовательных учреждений, по-разному трактуется субъектами образовательной деятельности, по-разному определяется с точки зрения образовательных подходов. Отличительными чертами в современном понимании аспектов качества образования можно считать:

- полиаспектность – множественность форм представления качества конечного результата образования и качество потенциала образовательных систем, обеспечивающих достижение этого качества;
- многоуровневость конечных результатов (качество образовательной услуги с точки зрения потребителей, качество выпускников, специалистов, слушателей, получивших образовательные услуги);
- многосубъектность оценки качества образования, которая осуществляется множеством субъектов (слушатели, работодатели, общество в целом и государственные органы, сама система образования и отдельные образовательные учреждения, исследователи системы образования);
- наличие большого количества критериев – оценка разными субъектами – участниками образовательного процесса по разнородным критериям;
- полихронность – сочетание текущих, тактических и стратегических аспектов качества образования, которые в разное время одними и теми же субъектами воспринимаются по-разному;
- инвариативность и вариативность – общие характеристики, характерные для ряда оценивающих субъектов и специфические, характерные для конкретного субъекта.

Литература

1. Селезнева Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. М.: 2001. 79 с.
2. Бермус А.Г. Система качества профессионально-педагогического образования. – Ростов на Дону: Изд-во Рост ун-та, 2002. 220 с.
3. Булынский Н.Н. Теория и практика управления качеством образования в профессиональных училищах: Дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 1997. 271с.
4. Суворов В.С. Управление качеством многоуровневой подготовки специалистов в колледже. Монография. Казань: Изд-во КГУ, 2005. –308 с.
5. Модельный образовательный кодекс для государств-участников СНГ / постановление № 27-12 от 16 ноября 2006 года (принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).
6. Дубровская Т.П. Управление качеством подготовки специалистов в системе среднего профессионального образования: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Красногорск, 1997. 218 с.
7. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. М: Исследовательский центр качества подготовки специалистов, Российский Новый университет, 2002. 128 с.
8. Сенашко В, Ткач Г. Болонский процесс и качество образования // ALMA-MATER. Вестник высшей школы, №8, 2003. С. 25 – 34.
9. Гутник Г.В. Качество образования как системообразующий фактор региональной общеобразовательной политики // Стандарты и мониторинг в образовании. №1. 1999. С. 28–34.
10. Поташник М.М. Управление качеством образования: Практикоориентированная монография и методическое пособие / М.М. Поташник, Е.А. Ямбург, Д.Ш. Матрос и др. – М.: Педагогическое общество России, 2000. 446 с.
11. Полуянов В.Б. Теоретические основы маркетинга образовательных услуг. М.: Издат. Центр АПО, 2009. 102 с.
12. Швец И.М. Качество образования: новые аспекты и возможности стандартизации // Качество образования. Проблемы и перспективы. Сборник статей №4 /под ред. А.В. Петрова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. 2009. С. 35–41.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРЕСТУПНОМ СООБЩЕСТВЕ

О. С. Сарматина

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Само существование в государстве организованных преступных сообществ как наиболее опасных форм группового соучастия с четкой структурой организацией, признаками устойчивости и сплоченности и направленности на совершение тяжких и особо тяжких преступлений обуславливает акту-

альность темы исследования. Полагаем, что проблемы информационного взаимодействия внутри преступных сообществ, имеют особую практическую значимость и требуют более детальной социологической разработки. Основным методом, используемым в исследовании – метод включенного наблюдения за ОПФ «Общак» (ответвление дальневосточного ОПС «Общак»), действовавшим в Магаданской области до 2006 г., большинство участников которого остались на свободе и продолжают привычный образ жизни.

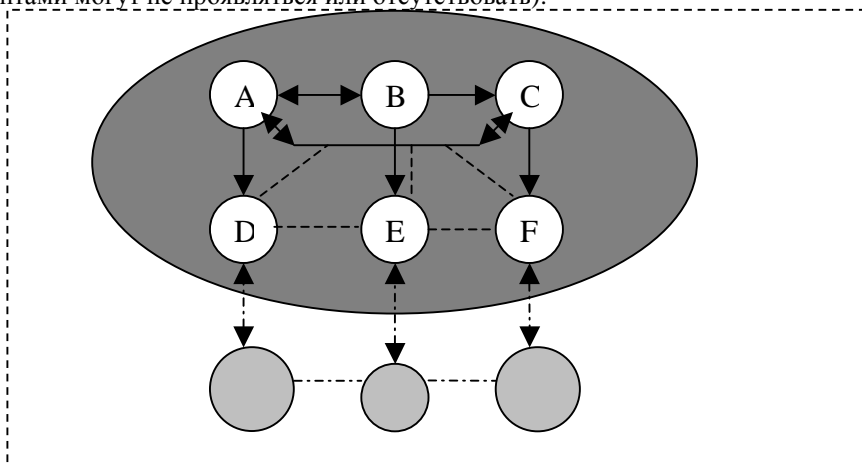
Информационное взаимодействие – важнейший инструмент управления, формирования интересов, потребностей, взглядов и мировоззрения человека, механизма обучения и воспитания, под которым, по мнению, В.З. Когана понимаются отношения в процессе производства, преобразования, передачи и потребления информации [1].

Различаются три этапа информационного взаимодействия – производство информации, ее передача и потребление (использование). На стадии потребления формируется система ценностных ориентаций, хотя человек не всегда использует полученную информацию из-за психологических барьеров.

Выделяются следующие этапы информационного взаимодействия:

1. Предфаза – контакт с базовым фактом.
2. Фаза производства.
3. Фаза передачи.
4. Фаза потребления.
5. Постфаза [2].

На примере ОПС «Общак» можно предложить следующую схему информационного взаимодействия внутри преступного сообщества (в зависимости от степени сплоченности организаторов преступных групп, структурных подразделений и «сочувствующих лиц» информационные линии между элементами могут не проявляться или отсутствовать):

Расшифровка: А, В, С – организаторы преступного сообщества, лидеры ОПГ, входящих в его состав. Прямое информационное воздействие

D, E, F – ОПГ и их участники. В зависимости от сплоченности ОПС в получении информации взаимодействуют либо со своим лидером (опосредованное информационное взаимодействие с остальными элементами сообщества), либо с сообществом в целом (прямое взаимодействие). Так, ОПС «Общак» включал в себя ОПФ по всему Дальнему Востоку, действующие разрозненно, т.е. информационное взаимодействие на уровне «субъект управления - объект управления» осуществлялось напрямую между лидером отдельного преступного формирования и его участниками, и опосредованно – между объединением организаторов и отдельными формированиями.

«Сочувствующие». В состав ОПС и ОПФ не входят, но оказывают содействие их деятельности (материальная помощь, интересующая информация и т.п.), контактируют напрямую с отдельными членами подразделений (зачастую, об остальных участниках, организаторах и структуре сведений не имеют), но важные для сообщества решения до «сочувствующих» не доносятся. Могут пересекаться друг с другом либо действуют обособленно.

Важный элемент взаимодействия на этапах передачи и потребления информации - информационное воздействие, т.е. возбуждение (торможение) в управляемой системе процессов, стимулирующих желательный для управляющей стороны выбор. В нашем случае управляемой системой является преступное сообщество, входящие в него ОПГ и их участники, субъектом управления – организатор (лидер) или объединение организаторов. Оно предполагает подачу такой информации управляемым субъектам, которая натолкнет на выбор определенного решения, при этом требуется рассчитать объем сведений, способ их подачи и психологические характеристики участников ОПС.

На основании этого можно выделить следующие способы информационного воздействия внутри преступного сообщества:

1. Информирование - вариант подачи информации, при котором либо отсутствует, либо не фиксируется внимание на задаче психологического воздействия на человека. Нейтральность позиции источника сообщения, или ее видимость, обеспечивает иллюзию свободы выбора в формировании отношения человека к передаваемому сообщению [3]. Мнимое нейтральное информирование не предполагает прямого подстрекательства к совершению противоправных действий. Например, бывший участник преступного формирования, начинает сотрудничать с правоохранительными органами; другому лицу как бы «между прочим» сообщается об этом факте и прямо указывается на «предателя». В этой ситуации, если убеждения и личная преданность воспринимającego субъекта достаточно сильны, он начинает самостоятельно «действовать» к устранению или устрашению сотрудничающего, и функция мнимого информирования выполнена: сообщивший не является прямым подстрекателем, а тот, кому сообщили, впоследствии будет отрицать навязывание чужой воли.

2. Убеждение – обращение к сознанию людей посредством логической систематизации и упорядочивания фактов, выводов, умозаключений, под-

тверждающих декларируемый тезис, с целью добиться согласия собеседника с высказанной точкой зрения [4]. Результат убеждения - формирование мотивов поведения человека, устойчивых свойств его личности. Так, при обсуждении противоправности совершаемых действий, преступники ссылаются на несовершенство системы в оправдание своего образа жизни, приводя доводы к убеждению окружающих в своей правоте.

3. Внушение - метод воздействия, рассчитанный на не критическое восприятие и усвоение информации субъектом; ориентируется на эмоции, не нуждается в доказательствах и логике и предполагает простое принятие информации без ее активного и целенаправленного анализа. Один из методов внушения права на совершение преступных действий - инструмент идеологии и ценностей криминального характера, благодаря которым формируются признаки иерархии, сплоченности и устойчивости преступных сообществ.

4. Принуждение – осуществляется открыто, реализуется в формах приказа, распоряжения, требования, указания, угрозы и т.д. Несет опасность дезорганизации обстановки в преступном сообществе, особенно если авторитет применяющего его лидера ставится под сомнение либо лицо, к которому оно применяется, отличается автономностью.

Таким образом, информационное взаимодействие в преступном сообществе осуществляется на различных уровнях в зависимости от степени сплоченности и взаимозависимости организаторов, лидеров и структурных подразделений. Может быть прямым (между субъектами управления, между субъектами управления или участниками и независимыми от сообщества лицами, либо при воздействии управляющего субъекта на управляемый объект) и опосредованным (решения, принимаемые на уровне организаторов, лидеров, доносятся до каждой преступной группы через своего лидера). Важный элемент взаимодействия на этапах передачи и потребления информации - информационное воздействие, осуществляемое различными способами.

Литература

- [1] - Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1991– с.7
- [2] – там же – с.50
- [3] - Кроз М.В., Ратионова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – с.24
- [4] - там же – с.30

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

М. В. Шибает

Красноярский государственный педагогический университет

Развал СССР в 1991 году вызвал сильные изменения в правовом сознании людей. Демократизация общества привела к тому, что на суды обрушилась лавина судебных исков о клевете, оскорблениях, конфликтах с авторским правом, рекламой и многих других. Зачастую специфика данных дел такова, что противоправные действия в них совершаются с помощью продуктов речевой деятельности, не текстуальных доказательств вины или невинности не существует. Такая ситуация актуализировала в области права вопрос: способен ли наивный носитель языка, каким является и судья, и адвокат с прокурором, правильно оценить спорную вербальную информацию (является ли она противоправной) или для этого необходимо привлечение специалиста в области языка – лингвиста? В последнее время все чаще юристы склоняются ко второй точке зрения.

Это и обуславливает выделение в языкознании отдельной научной дисциплины, юрлингвистики, объектом изучения которой является взаимоотношение языка и права, и, как практической ее области, – теории лингвистических экспертиз. Функционирование лингвистики в области права налагает большую ответственность на исследователя, так как ошибки здесь могут быть фатальны. Ситуация эта осложняется тем, что зачастую противозаконные действия выражаются в речевой деятельности имплицитно или рождаются вследствие конфликта взаимоотношений между многозначностью слова в обыденном языке и его однозначной трактовкой в языке юридическом.

Правовая область использования лингвистических экспертиз очень широка: сюда входят дела об оскорблениях, клевете, дела, связанные с авторским правом, с рекламой, но в данной статье мы более подробно рассмотрим только одну, но немаловажную категорию дел – дела, связанные с экстремистской деятельностью. Выше мы уже говорили об изменении правового сознания людей как последствия самоликвидации Советского Союза. Стоит отметить еще один момент – возникновение большого иммиграционного потока и связанное с этим увеличение числа конфликтов на национальной и религиозной почве. Наша страна всегда была многонациональной и многоконфессиональной, но сейчас, в период раздробленности, эти различия чувствуются острее и, к сожалению, все чаще приводят к конфликтам между людьми.

В Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности» [10] под экстремизмом в частности понимается:

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний.

Правовым полем использования экспертиз экстремистских текстов являются, в основном, статьи 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [9] и 280 УК РФ – «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» [8].

Сразу оговорим значение категории «призыв», упоминаемой в последней статье. Так как призыв отражает коммуникативное намерение говорящего (намерение побудить к каким-либо действиям), рассматривать его следует, прежде всего, в рамках теории речевых актов, как подтип речевого акта побуждения. Наиболее удачное, на наш взгляд, определение призыва как речевого акта дал А. Н. Баранов. Под призывом он понимает «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы...» [3, 420]. В наиболее эксплицитной версии призыв является императивом, однако гораздо чаще используется призыв скрытый – информация, подстрекающая к определенным действиям, имплицитно программирующая поведение адресата речи. Такие скрытые призывы требуют пристального внимания лингвистической экспертизы, потому что доказать их наличие гораздо сложнее.

В силу специфики экстремистских текстов – ведь ими могут являться и двусложный призыв «бить евреев», нацарапанный на стене дома человеком недалекого ума, и солидная по объему монография профессора, пытающаяся доказать изначальное превосходство арийской расы над всеми другими – нельзя говорить о единообразии экстремистской литературы. Однако можно выделить определенные лингвистические особенности, характерные для таких текстов, служащие авторам средством выражения своих идей. Разумеется, такие явления можно встретить на всех уровнях языка, но мы остановимся, в первую очередь, на лексических особенностях как на наиболее важных и наиболее интересных для рассмотрения.

В первую очередь к таким явлениям следует отнести инвективную лексику. Сразу поясним, что под инвективой мы понимаем характеристику, «планом содержания которой является собственно оскорбление, а планом выражения – его резкая или табуированная форма» [7]. Практически любой экстремистский текст содержит лексику такого типа. В рамках данной работы классификацию и виды инвективной лексики мы рассматривать не будем, так как это предмет отдельного разговора, но для наглядности приведем примеры: «*Бей хачей это весело...*» [15]; «*Мы же не говорим «бей чурок или этих самых чернопопых каких-то»*» [6].

Второй пример показателен еще и тем, что в нем присутствует категория отрицания, но отрицается только сам факт призыва, а инвектива, т. е. номинация лиц определенной национальности «чурками», остается в силе. Интенция оскорбления здесь очевидна.

Достаточно широко на лексическом уровне в текстах экстремистского характера представлена метафора: *«Вы открываете газету, пробегаете новости, читаете статью своего любимого журналиста.. Конечно! На ваши глаза уже одеты окрашенные стекла. Вы взираете на мир, на политику, на нужды своего народа сквозь еврейские очки. Ваша газета в какой-нибудь степени принадлежит какому-нибудь еврею, новости скомбинированы еврейским телеграфным агентством»* [12]. Метафора *еврейские очки* представлена здесь как переосмысление прецедентного текста – *розовые очки*.

Часто для номинации целого народа через одного его представителя используется синекдоха. Например: *«Еврей при всяком запросе отвечает обманом и ложью»* [11]. Разумеется, здесь имеется в виду не отдельный еврей, и автор высказывает свои прогнозы относительно действий всей нации.

В ряде случаев в пределах одного текста совмещается метафора и синекдоха: *«Три тысячи лет Иуда терзал Италию»* [12]. Здесь имя Иуды, ставшее уже давно конвенциональной метафорой со значением предателя, переосмысливается как перенесение обозначения одного представителя нации, являющегося, в глазах автора, его символом, в целом на обозначение всего народа.

Достаточно часто в экстремистских текстах находят отражение фразеологизмы:

*«Но в государственный чертог
Вступил еврей и стал он властью.
Семь шкур с России вздумал драть,
Чтоб накормить собратьев рать»* [13].

Отметим, что использование «неискаженных» фразеологизмов встречается реже. Чаше фразеологизм разрушается, переосмысливается: *«Но сколько еврейского нациста не ублажай, а он все равно в сторону мирового Сиона глядит...»* [11] (ср. *«Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит»*). Здесь мы видим использование прецедентного текста – известной русской пословицы. По нашему мнению, выбор именно этой пословицы не случаен – в оригинале на месте «еврейского нациста» был волк, что еще сильнее проявляет негативную оценку и создает нелицеприятную ассоциативную связь с животным, трактуемым, в рамках русской культуры, как проявление таких качеств как «неблагодарность» и «коварство».

К приемам, призванным воздействовать на адресата за счет нарастания смыслового или эмоционального значения следует отнести градацию.

Приведем пример, связанный с описанием возникновения нацизма в Германии: *«Германия, проснись!»* - прозвучал огневой призыв, подхваченный единицами, десятками, сотнями, тысячами, миллионами, всей пробудившейся, объединившейся и организовавшейся нацией. Германия проснулась. Вырвалась... Стала свободной. И великой!» [12]; *«Мы не можем избавить мир от малярии, если прежде не уничтожим москитов. Мы не можем спасти людей от проказы, если мы прежде не изолируем носителей заразы»*.

Для того, чтобы спасти человечество от всех форм марксизма, ... (коммунизм, большевизм, анархизм), неразберихи, хаоса, мы должны изолировать носителей заразы - евреев» [12].

Также следует выделить прием, использование которого обусловлено самим определением экстремизма – антитезу. Напомним еще раз, что к экстремизму, в частности, относится пропаганда превосходства или неполноценности человека по признаку его принадлежности к определенной расовой, социальной, религиозной или национальной группе. В такой ситуации подразумевается наличие как минимум двух групп – одной, к которой относится данная характеристика (превосходство или неполноценность), и другой, к которой такая характеристика не относится или относится характеристика противоположная: *«Кавказ – сила, Россия – могила» [14]; «Красивые русские парни, ... хачи – страшные макаки» [15].*

Разумеется, это далеко не полный список лингвистических особенностей экстремистских текстов, а только небольшая их часть, но уже это позволяет сделать вывод о разнообразии средств языкового выражения противоправных идей в такой литературе.

Подводя итоги, следует обратить внимание на экстралингвистические моменты, связанные с рассматриваемыми выше вопросами. Все мы видим социальную напряженность в российском обществе в последние годы. Появляются все новые группировки пронацистского толка, новые религиозные течения конфликтуют с традиционными. О том, что проблема экстремизма сейчас актуальна как никогда, говорит хотя бы относительно недавнее принятие самого закона «О противодействии экстремистской деятельности» и публикация федерального списка экстремистских материалов. И чем сильнее проявляется эта проблема, тем более необходим системный подход к анализу таких текстов, создание инструментария, способного объективно интерпретировать спорные речевые акты как законные или незаконные. Необходимо создание соответствующих справочников, словарей, методических пособий для правоохранительных структур и юрислингвистическое образование населения.

Литература

1. *Араева, Л. А., Осадчий, М. А.* Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // http://www.ecrime.ru/arhiv/4_aprel_2006_g950/predvaritelnoe_rassledovanie_i_operativno45rozisknaya_deyatelnost952/sudebno45lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnim_proyavleniyam_ekstremizma_
2. *Араева, Л. А. Осадчий, М. А.* Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений предусмотренных статьей 282 УК РФ / Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово – Барнаул, 2007. – С. 211-215.

3. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов– М.: Флинта: Наука, 2007.
4. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009.
5. Галяшина, Е. И. О проблемах судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов // <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=203>
6. Кожевникова Г. Язык вражды: типология ошибок журналиста // <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=171>
7. Коряковцев, А. В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Кемерово, 2009 // http://iaais.kemsu.ru/news/files/?conn=iaaisDB&id=234&sql=ora_meetings.get_project
8. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности // <http://www.ukru.ru/code/10/280/index.htm>
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // <http://www.ukru.ru/code/10/282/>
10. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) // <http://base.garant.ru/12127578.htm>
11. Емельянов В. Н. Еврейский нацизм и азиатский способ производства. М.: Русская правда, 2005. – 128с.
12. Родзаевский К. В. Завещание русского фашиста. М.: ООО «ФЭРИ-В», 2001. – 512 с.
13. Струкова М. Ветерану // http://www.russkoedelo.org/poetry/strukova_2.php
14. Интернет-сайт: <http://www.abotfern.ru>
15. Интернет-сообщество «Русские идут!». Интернет-сайт: www.vnorilske.ru

Раздел III

Теоретические проблемы права

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ И СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. С. Бугаева

Московская государственная юридическая академия
им. О.Е. Кутафина (Оренбург)

Взаимодействие Комиссии и Совета ЕС в основном строится на основе статей 237-238 и 241-243 Договора о функционировании ЕС. Функцию определения политики ЕС и координационную функцию Совет ЕС осуществляет при помощи и поддержке Комиссии, так как одной из основных задач Комиссии является продвижение общих интересов Союза и разработка инициатив по его дальнейшему развитию. Однако содержание учредительных договоров (и прецедентное право Суда ЕС) в определенной степени противопоставляет эти два института друг другу ввиду того, что Европейская Комиссия представляет интересы Союза, требуя полной независимости и самостоятельности от комиссаров, а Совет все же действует в интересах государств-членов ЕС. Но эти два института должны действовать скоординировано во многих сферах политики ЕС, чтобы добиться слаженности всех мероприятий, осуществляемых на уровне Союза.

Европейская Комиссия и Совет ЕС взаимодействуют на регулярной основе в ходе осуществления политики Европейского Союза (исторически их взаимодействие рождалось в рамках Европейских Сообществ, то есть бывшей первой опоры Союза) в процессе подготовки и проведения самых разных мероприятий и встреч на уровне Совета. «Институциональный» интерес этих органов заключается в постепенном и плавном осуществлении политики ЕС [1, р. 17]. Эффективное управление делами ЕС посредством этих институтов усиливает способность решать проблемы на наднациональном уровне, а также способствует укреплению легитимности институтов.

Как отмечают С.Ю. Кашкин и Ю.С. Кашкин, взаимодействие ключевых институтов в сфере законодательной и исполнительной властей обеспечивается на основе принципа сотрудничества и координации [2, с. 82]. В частности, исходя из положений статей 16 и 17 Договора о Европейском Союзе в редакции Лиссабонского договора, можно заключить, что институты хотя и независимы друг от друга, но при подготовке тех или иных решений или осуществлении мероприятий по управлению делами Союза взаимодействуют между собой.

Это взаимодействие начинается с формирования состава (Совет, как и Европейский Парламент, принимает участие в процессе формирования Европейской Комиссии) и продолжается непрерывно в ходе законодательного процесса, а также при осуществлении определенных функций. Так, Европейская Комиссия сначала инициирует принятие решений законодательными органами ЕС, а затем, получив «готовые результаты» их деятельности, следит за их исполнением. При этом свои функции в качестве органа исполнительной власти Европейская Комиссия осуществляет под контролем Суда ЕС [3]. В связи с этим логично было бы заключить, что на Комиссии «замыкается» круг отношений и взаимодействия институтов. Таким образом, Европейская Комиссия является главным связующим звеном между ними.

Комиссия и Совет заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве – особенно в сфере принятия законодательства, и не заинтересованы в возможных провалах в этой сфере, к которым ведет неспособность достигнуть компромисс при принятии тех или иных решений. Так, достижение соглашения между государствами-членами ЕС внутри Совета еще не гарантирует эффективное осуществление политики, тогда как слаженные действия Европейской Комиссии и Совета ЕС способны привести к реальному результату. В связи с этим как справедливо отмечает проф. Томас Кристиансен, Комиссия (как евробюрократ) и Совет (как форум государств-членов ЕС) могут иметь разные интересы, но они вынуждены объединяться в общем желании придать развитие встречам на уровне Совета [4, р. 84], то есть в достижении консенсуса или получении большинства голосов при обсуждении определенного законопроекта.

Поиск компромисса в Совете требует посредничества Европейской Комиссии и Генерального секретариата Совета, осуществляемого разными способами. Так, представители Европейской Комиссии посещают заседания на разных уровнях – от заседаний рабочих групп и COREPER до встреч на уровне министров ЕС в рамках так называемых формаций. В результате Комиссия оказывается участником работы Совета и, таким образом, устанавливает рабочие отношения с Генеральным секретариатом Совета.

Как отмечает проф. М. Брутер, Европейская Комиссия исполняет более важную роль, так как она должна вырабатывать общую позицию на основе совокупности мнений членов Европейской Комиссии, оформляя ее в виде законопроекта [5, р. 183]. После передачи законопроекта в Совет, Европейская Комиссия теряет большую часть возможностей по совершению активных действий ввиду того, что принятый законопроект отражает институциональную позицию, согласованную на уровне коллегии комиссаров.

Институты ЕС при новом порядке взаимодействия способны, опираясь на наработанный опыт, эффективно сотрудничать. Как отмечает проф. Дж. Монар (Joerg Monar), в ЕС «в атмосфере соперничества» Европейский Парламент и Европейский Совет «являются главными опорами власти» [6, р. 43]. Комиссия при этом «зажата между двумя институтами», и, соответственно, вынуждена опираться на их поддержку [7]. Европейской Комиссии необхо-

димо, опираясь на принципы функционирования институтов ЕС, выработать новые механизмы сотрудничества, направляя Союз дальше на пути интеграции.

Литература

1. Christiansen T. The Role of Supranational Institutions in EU Treaty Reform // Journal of European Public Policy. № 1. 2002. P. 17.
2. Кашкин С.Ю., Кашкин Ю.С. Концептуальные основы и принципы организационного строения Европейского Союза // Право и государство: теория и практика. 2007. № 2. С. 82.
3. Согласно пункту 1 статьи 17 Договора о Европейском Союзе Комиссия «осуществляет надзор за применением права Союза под контролем Суда Европейского Союза».
4. Christiansen T. «Relations between the European commission and the Council Secretariat : the administrative complex of european governance introduction» // 'The Political Logic of the European Commission', European Consortium of Political Research, Joint Session of Workshops, Grenoble, 2001. P. 84.
5. Bruter M. Diplomacy without a State: The External Delegations of the European Commission // Journal of European Public Policy. № 2. 1999. P.183.
6. Цит. по: Beach, Derek/Mazzucelli, Colette, Leadership in the Big Bangs of European Integration. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2006. P. 43.
7. Там же. P. 43.

ПРОГРАММНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Б. В. Бабин

Одесская национальная морская академия

Проблематика программности в правовом регулировании современных международных отношений обуславливает актуальность проблемы определения содержания сегодняшних международно-правовых регуляторов. Вопросы международных программ до сих пор анализировались в связи с конституционной и административно-правовой доктриной. В то же время еще советские теоретики, включая Бувайник Г.Е., Гавердовского О.С., Ульянову Н.Н. рассматривали аспекты программной деятельности в международном праве, но их труды следует считать устаревшими, не имеющими прямого отношения к проблеме современных международных программ.

Как отмечает Пронто А.Н., развитие международного права и рост его специализации обуславливает расширение международных правотворческих процессов. Анализируя инструменты международного права, исследователи обращают внимание на прогнозирование в современных источниках между-

народного права, особенно при определении взаимодействия между различными видами правотворческих инструментов. Природа современного децентрализованного международного права отражается в широкой вариативности методов и процедур его создания, что предусматривает расширение современного международного права [3, р. 476]. Это позволяет критически относиться к классической модели международного права, предусматривающей как ограниченность видов источников, стереотипы касательно природы и классификации международно-правовой норм.

После возникновения мирового рынка взаимосвязь государств получила невиданную до того прочность, а международные экономические связи, прямо обусловленные международным разделением труда, стали примыкать к процессам материального производства, обуславливая и значительную часть политических интересов государств. Во всей цепочке экономика – политика – право стремительно возрастало значение программных регуляторов. По мнению Блищенко И.П. возникновение новых институтов международного права, основывается на заинтересованности и необходимости развития государств и позволяет создавать новый международный правопорядок. Это обусловливается тем, что «в новых исторических условиях взаимозависимого и взаимосвязанного мира начинают работать закономерности целостного мира, находящие свое проявление в создании принципов и норм мирового правопорядка» [1, с. 10]. Как признавал Шишко А.А., институционализация международных отношений обусловлена необходимостью организовывать сотрудничество государств с использованием достижений науки и техники. Глобальные технологии требуют соответствующего уровня сотрудничества государств, благодаря чему существенно расширилась сфера международно-правового регулирования. Вопросы, которые раньше считались исключительно внутренним делом государств, вошли в сферу международных отношений и подпали под действие международно-правовых норм [2, с. 3].

В регулировании международных отношений и в функционировании соответствующей нормативной системы наблюдается тенденция возрастания роли целей. Такие цели, указывая на желаемый результат, становятся фактором, направляющим деятельность государств и действие норм системы. Многообразие целей определяет сложный характер их взаимодействия, через метод построения «дерева целей», определение иерархии целей, их соподчиненность и взаимосвязь. Вместе с тем именно целевой метод позволит решить проблему влияния неправовых норм на международно-правовые и национальные правовые, снять ряд вопросов о международной правосубъектности, в частности в сфере имплементации и компетенции государственных органов. В условиях растущего динамизма международной жизни усилению регулирующего влияния нормативной системы происходит как путем детализации регулирования, так и через четкое определение целей и сфер ответственности субъектов, и на этой почве распространяется метод программно-целевого регулирования.

Проанализировав тенденции развития международного права и факторы, влияющие на данные процессы следует указать на следующие особенности, обусловившие потребность в использовании программного регулирования на международном уровне. Международное право является специфическим правовым феноменом, но в то же время сегодня международное право в сферах правового обеспечения регулирования и принуждения становится ближе к национальному праву, чем раньше, что влияет и на роль программных регуляторов. Международное право сегодня стало не только продуктом взаимодействия международных субъектов, оно включает в себя иные формы и конструкции международного сотрудничества, которые постоянно усложняются, при этом на глобальном уровне происходит переход от «права компромисса» к «праву сотрудничества». Это обусловлено развитием производительных сил и их интернационализацией, возникновением глобальных проблем и феноменом информатизации. Стирается грань между национальными и международными управленческими структурами, появляются сетевые регулятивные образования, действующие в формате глобального управления, меняются требования к формам, содержащим нормы для регулирования наднациональных отношений, поскольку в соответствующем регулировании возникают новые ценности, повышается роль целей, возрастает динамичность и значимость временных характеристик. Это обуславливает необходимость программного регулирования международных отношений, что влечет необходимость новых научных исследований в этой сфере.

Литература

1. Блищенко И. П., Солнцева М. М. Мировая политика и международное право. – М. : Межд. отношения, 1991. – 156 с.
2. Научно-технический прогресс и актуальные вопросы международного права / Н. Н. Ульянова, А. А. Шишко, Е. Т. Рунько и др. – К. : Наук. думка, 1990. – 212 с.
3. Pronto A. N. Some Thoughts on the Making of International Law // The European Journal of International Law. – 2008. – Vol. 19. – №. 3. – P. 463-490.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСИЛЕНИЯ АКТИВИЗАЦИИ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Р. Дадашова

Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана

Одним из существенных направлений развития ООН как средства международно-правового регулирования является увеличение их роли в обеспечении принуждения к соблюдению норм международного права. Резолюция Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности ООН, принятая в соответст-

вии с Уставом и содержащая осуждение, а также более серьезные меры, способно оказать воздействие на правонарушителя. Согласно ст.33 Устава ООН государстве, участвующие в любом споре, продолжение которого могли бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стремиться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитраже, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашением или иными мирными средствами по своему выбору. Согласно Уставу ООН в лице СБ определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями Устава для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

В 90-ых годах XX в. были предложены некоторые проекты о реформах в механизме ООН по предотвращению региональных конфликтов.(1) На основе этих проектов Совета Безопасности ООН принял резолюции 1327 об увеличении эффективности роли СБ в отношении к поддержанию мира в 13 ноября 2000 году, резолюции 1366 «О роли Совета Безопасности в отношении к предотвращению военных конфликтов» в 30 августа 2001 году, резолюции 1625 «О упрочении потенциала ООН для предотвращения конфликтов» в 14 сентября 2005 году.(2)

В современном периоде единственным путем восстановления мира и стабильности на Южном Кавказе является восстановление территориальной целостности Азербайджана и Грузии. Без решения конфликта Нагорного Карабаха и Абхазского проблема в регионе не будет мира, ни стабильности, ни экономического развития. Для усиления своей активизации в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, обосновываясь этим резолюциям ООН должен совершить следующее:

- Изучение истории и причины конфликта между Арменией и Азербайджаном, также причина проблема Абхазии.

- принятие санкции против Армении. Контроль Генерального секретаря и СБ на реализации санкций.

- Должны быть усилены механизмы реализации принимаемых решений, введены жесткие санкции за нарушение договоренностей.

- Решительно потребовать от Республики Армения прекратить военные действия, вывести все вооруженные силы Армении с оккупированных территорий Азербайджана.

- Обеспечить безопасное возвращение беженцев и перемещенных лиц на свой родине. Гуманитарная помощь к конфликтных регионам, защита прав перемещенных лиц, соблюдение распорядку персонала ООН, обеспечение безопасности персонала ООН.

- Обмен военных пленников и заложников.

- Немедленное освобождение захваченных территорий Грузии и возвращение беженцев в родные края под контроль наблюдатели ООН.

-Политический статус Абхазии должен обсуждаться в Генеральной Ассамблее ООН. Постановление ООН должно быть реализовано. Каждое государство имеет свои национальные интересы. Поэтому необходимо превращение региона в демилитаризованную зону, отказ от размещения здесь военных контингентов государств и блоков.

-Размещение миротворческих сил ООН в конфликтном регионе. Военно-полицейский персонал, который участвует в миротворческой операции должен узнать обычаев, культуры, политической ситуации соответствующей страны.

-Сотрудничество с ОБСЕ должно реализовываться согласно с Уставом ООН.

-Региональные и граничные государства должны обращаться к Армении о прекращении враждебности.

-Использование роли ЭКАСОР, специализированных учреждений, фондов, программ, ВОТ, МВФ, ВБ, АС, неправительственных организаций, субъектов гражданского общества.

-Необходимость обращения к Международному Суду, создание особых трибуналов о геноциде, о преступлении против человечества, о виновниках во военных преступлениях. Согласно конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. геноцид является международным преступлением. Государства – участники Конвенции 1948 года обязуются принимать необходимые меры для наказания лиц, виновных в совершении или в заговоре с целью совершения геноцида, в подстрекательстве к его совершению, в покушении или в соучастии в геноциде.

-Реализация программы о борьбе с продажей оружия, программа о борьбе с завоеванием природных ресурсов и с обменом производственных товаров, программа о борьбе с незаконной транспозицией населения завоевательного государства-Армении к завоеванным территориям- Азербайджану.

-Создать специальную комиссию по определению материального ущерба и оценке преступных действий оккупантов на территории Азербайджана. Организовать комиссию по компенсациям.

-Дать политическую оценку агрессии Республики Армения против Азербайджанской Республики. Политическая ответственность выражается в форме сатисфакцией, заверение пострадавшей стороны в недопущении повторения правонарушения, принесение извинений, выражение сожаления, наказание конкретных виновников правонарушения, иные формы морального удовлетворения потерпевшей стороны.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия миротворчество и поддержание мира.1992; Доклад Генерального секретаря. Дополнении и повестке дня для мира, 1995; Доклад Генерального секретаря о предотвращении вооруженных конфликтов от 7 июля 2001 год; Доклад Группы высокого уровня по угрозам вызовам и переменам.<http://>

www.un.org; Резюме Доклада Генерального секретаря. При большей свободе; к развитию, безопасности и правам человека. [http:// www.un.org](http://www.un.org);

2. Перечень резолюции Совета Безопасности принятых в 2000г., в 2001г., в 2005г. [http:// www.un.org](http://www.un.org);

dadashova.ramila@rambler.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

А. В. Серегин

Южный федеральный университет

В современной теории государства и права классически выделяют четыре вида республиканского правления: президентское, парламентское, президентско-парламентское (смешанное) и советское. Вместе с тем, данную классификацию целесообразно дополнить ещё двумя видами республик: коллегиальной и плебисцитарной.

В коллегиальной республике главой государства является не единоличное должностное лицо, а коллективный орган, принимающий решения большинством голосов своих членов или единогласно; назначающий председателя правительства вступающего в должность после одобрения парламента.

Так, Конституция Франции 1795 г. основными принципами государственного строя провозглашала: представительное правление и разделение властей. Устанавливались двухстепенные выборы в высшие органы государственной власти. Вначале избиратели (только мужчины, родившиеся и живущие во Франции, достигшие возраста 21 года, уплачивающие прямой налог и прожившие в одном месте не менее года) избирали выборщиков. Выборщиками могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста и пользовавшиеся правами гражданина, а также обладающие имуществом, стоимость которого была бы не ниже заработной платы рабочего за 200 дней. Выборщики избирали членов Законодательного корпуса и высших судебных органов. Избранными могли быть лица, отвечающие еще более высоким цензам. Высшим органом законодательной власти объявлялся Законодательный корпус, состоящий из двух палат: верхней - Совета старейшин и нижней - Совета пятисот. Нижняя палата составляла законопроекты, которые затем утверждались или отклонялись Советом старейшин. Исполнительная власть вручалась Директории в составе пяти членов, назначаемых Советом старейшин из кандидатов, выдвинутых Советом пятисот. Директории принадлежало право назначения министров, командующих армиями и других высших должностных лиц. Ежегодно один из членов Директории должен был переизбираться [1, с. 139].

Современным примером коллегиальной республики является Босния и Герцеговина, провозгласившая свою независимость в 1992 г. от Югославии.

Мусульмане (боснийцы) организовали этнические чистки в сербских анклавах. Боснийские сербы при военной поддержке Союзной Республики Югославии образовали Сербскую республику. Разразилась гражданская война на религиозно-национальной почве. В конфликт вмешались силы НАТО, подержавшие мусульман и примкнувшим к ним хорватам католикам. В конце 1995 г. на основе заключённого при посредничестве США в Дейтоне (штат Огайо) мирного соглашения между Боснией и Герцеговиной, Сербией и Хорватией в регионе была достигнута хрупкая стабильность. По даны 1996 г. население Боснии и Герцеговины составляло около 4,5 млн. человек, большинство из которых боснийцы (славяне принявшие ислам) – 39,5%; сербы 32% и хорваты – 18,4% [2, с. 406].

14 декабря 1995 г. была принята Конституция Боснии и Герцеговины [3, с. 406 - 411], закрепившая республиканскую форму правления (ст. I). Законодательная власть Боснии и Герцеговины осуществляется Парламентской ассамблеей, состоящей из двух палат: Палаты народов и Палаты представителей (ст. IV). Палата народов состоит из 15 депутатов, 2/3 которых избирается представительным (законодательным органом) от Федерации Боснийцев и Хорватов (5 - боснийцев и 5 - хорватов) и 1/3 от Национальной ассамблеи Республики Сербской (5 - сербов). Девять членов Палаты народов составляют кворум при условии присутствия по меньшей мере трёх сербских и трёх хорватских и трёх боснийских депутатов.

Палата Представителей состоит из 42 членов, две трети которых избираются от Федерации Боснийцев и Хорватов, а одна треть от Республики Сербской.

Роль главы государства исполняет коллегиальный орган – Президиум Боснии и Герцеговины в количестве 3-х человек: одного боснийца, одного хорвата и одного серба, каждый из которых избирается сроком на четыре года непосредственно от территории Федерации Боснийцев и Хорватов (хорват и босниец) и Республики сербской (серб). Члены президиума определяют своего председателя. Президиум должен стремиться принимать свои решения консенсусом (единогласно). Если все усилия по достижению согласия не имеют успеха, то они могут быть приняты большинством, т.е. двумя членами Президиума (ч. 2 ст. V). Не согласный с решением член Президиума может объявить такое решение Президиума наносящим ущерб жизненным интересам Образования, от территории которого он избран, при условии, что он сделает это в течение трёх дней с момента принятия этого решения. Такое решение незамедлительно передаётся в Национальную ассамблею Республики Сербской, если это заявление делается членом от этой территории; боснийским депутатам палаты народов Федерации, если это заявление сделано хорватским членом. Если это заявление подтверждается 2/3 голосов этих лиц в течение 10 дней с момента передачи, то оспариваемое решение президиума в силу не вступает. Каждый член президиума в силу занимаемой должности имеет полномочия на гражданское командование вооружёнными силами. Президиум назначает Председателя Совета министров, который вступает в

должность после утверждения его палатой представителей. Председатель совета министров назначает соответствующих министров. Причём, от территории Федерации Боснийцев и Хорватов могут назначаться не более 2/3 всех министров, а заместители министров не должны принадлежать к тому же народу что и министры.

В Боснии и Герцеговине имеется Конституционный суд состоящий из 9 членов. Четыре члена выбираются палатой представителей Федерации Боснийцев и Хорватов и Федерации Боснийцев и Хорватов; два члена – ассамблеей Республики Сербской. Остальные три члена выбираются Председателем Европейского суда по правам человека после проведения консультаций с Президиумом.

Таким образом, выше перечисленные конституционные нормы, свидетельствует об ограниченном суверенитете Боснии и Герцеговине и искусственности этого государства спаянного штыками НАТО.

Плебисцитарной республики свойственны следующие признаки: 1) главой государства является коллегиальный орган, формируемый депутатами верховной легислатуры и населением административно-территориальных единиц; 2) законодательная власть принадлежит однопалатному парламенту, избираемому на короткий срок (как правило, на 1 год), наделённому правом разработки законов; а также народу утверждающему их окончательную редакцию.

Пример такой республики, был закреплён в Конституции Франции 1793 г., в соответствии с которой органом законодательной власти стал Законодательный корпус (Национальное собрание). Он состоял из одной палаты и избирался на один год. Столь короткий срок, по мнению Робеспьера, исключал возможность чрезмерного обособления депутатов от избирателей. В духе идей народного суверенитета предусматривалось участие рядовых граждан в законотворчестве, в связи с чем, вводилась законодательная плебисцитарная система. Законодательный корпус составлял так называемые предложения законов. Их предметом были наиболее важные сферы законодательства: гражданское и уголовное право, бюджет, объявление войны и т.д. (ст. 54). Предложения законов направлялись на утверждение первичных собраний, которые образовывались в составе 200-600 граждан, имевших право участвовать в голосовании. Если через 40 дней после рассылки предложения закона в половине департаментов плюс одна десятая часть первичных собраний в каждом из них не отклоняла его, проект считался принятым и становился законом. В случае отклонения проекта предусматривался опрос всех первичных собраний, решение которых по данному вопросу, как следует полагать, становилось окончательным. Законодательный корпус получил также право издания декретов, не требующих последующих плебисцитов. Их предметом было все, выходящее за рамки законов.

Текущее административно-распорядительное управление вручалось исполнительному совету, который образовывался следующим образом: собрание выборщиков каждого департамента выдвигало по одному делегату, из

назначенных таким путем 83 кандидатов (по числу департаментов) Законодательный корпус избирал 24 члена исполнительного совета, половина из них подлежала ежегодному переизбранию. Исполнительному совету, действующему строго в границах принятых законов и декретов, предстояло руководить, координировать и контролировать деятельность всех ведомств (министерств), назначать высшие должностные лица во все ведомства.

Таким образом, представленные примеры республик должны изучаться в рамках самостоятельных видов: коллегиального и плебисцитарного правления.

Литература

1. Романенко В.Б., Серегин А.В. История государства и права зарубежных стран: учебник. – Ростов н/Д, 2009.
2. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия. / Под ред. В.А. Якушина. Т. I. – Тольятти, 2003.
3. Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. // Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия. / Под ред. В.А. Якушина. Т. I. – Тольятти, 2003.

andrei-seregin@rambler.ru

МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ ДЛЯ РОССИИ: ЭФФЕКТИВНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

За последние годы обсуждение проблем конституционной реформы и изменения действующей российской Конституции перестало быть популярным, и в основном сводится к изучению политологами (а не юристами) современного состояния политической системы страны и оценки ее эффективности в условиях модернизации российской экономики [1].

В конце 90-х гг. в научной литературе детально исследовались внутренние противоречия текста российской Конституции, причины неэффективности действия конституционных норм, осуществлялся поиск наиболее оптимальных моделей устранения противоречий в конституционно-правовом аспекте, включая вопрос о принятии специального закона о Конституционном Собрании как единственно легитимном органе публичной власти по пересмотру Конституции [2]. Впоследствии дискуссии на эту тему в трудах ученых-юристов перешли в сферу деятельности органов конституционного правосудия, связанную с толкованием норм Конституции (концепция «преобразования Конституции») и по существу не коснулись подлинных причин неэффективности той конституционной модели публичной власти, которая

сложилась в процессе разработки окончательного текста российской Конституции (что отличается от аналогичной ситуации в странах СНГ) [3]. Между тем низкое качество законотворческой деятельности, несовершенство принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов, двусмысленность с конституционно-правовой точки зрения конструкции «тандема», правовой нигилизм в различных группах населения и существование коррупционных схем в системе государственного управления вновь актуализируют проблему реформирования конституционного механизма управления российским государством [4, 5].

Однако возвращение к истокам конституционной реформы в России начала 90-х гг. XX в. уже фактически состоялось. В настоящее время доступны и опубликованы архивные материалы Конституционной комиссии, Конституционного совещания, обсуждаются исторические аспекты формирования и развития российского конституционализма и его современное состояние [6]. Внесение в 2008 г. двух поправок в Конституцию РФ, связанных с увеличением сроков полномочий Президента РФ и Государственной Думы, введением ежегодного отчета Председателя Правительства РФ перед Государственной Думой, подчеркивает необходимость обеспечения эффективного действия данных конституционных норм правовым механизмом, свободным от политической конъюнктуры и уровня развития партийной системы страны [7].

Учитывая специфику развития российского государства на рубеже веков и исторические условия принятия российской Конституции, конституционная реформа в России по существу предполагает реализацию усложненного порядка внесения изменений в российскую Конституцию в виде поправок к главам 4-7, а также включения в текст Конституции дополнительных норм, обеспечивающих должную реализацию принципа разделения властей и повышающих эффективность деятельности конституционно-правовых институтов [8]. Эти изменения касаются взаимоотношения федеральных органов государственной власти, функционирования избирательной и партийной системы в государстве:

1. В Конституции РФ необходима дополнительная глава, посвященная *избирательной системе*, не допускающая в дальнейшем на уровне федерального законодательства постоянных изменений юридических процедур избирательного процесса. В настоящее время конституционные нормы содержат отдельные положения о принципах избирательного права, о выборах Президента и депутатов Государственной Думы, которых явно недостаточно для обеспечения стабильности избирательной системы. Очевидно, что для выборов Президента РФ должна быть закреплена *мажоритарная система*, а для выборов депутатов Государственной Думы - *пропорциональная система*, в рамках которой барьер для субъектов избирательного процесса должен быть не выше 4%. При этом правом выдвижения кандидатов в депутаты Государственной Думы должны обладать помимо партий *избирательные блоки*, формирующиеся на основе объединения нескольких общественных организаций.

Требования к созданию политических партий *в более упрощенной процедуре* позволят максимально представить интересы населения в составе российского парламента [9].

2. В Конституции РФ необходимо четкое определение правового статуса и компетенции Президента РФ как главы государства, подтверждающего свою легитимность путем прямых выборов населением. Правовой статус Президента РФ *должен быть ограничен* осуществлением функций охраны конституционного строя (в сфере внешней политики и обеспечения национальной безопасности) и контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Отсюда следует, что вопросы назначения на должность министра иностранных дел, министра обороны и руководства вооруженных сил подлежат согласованию с главой Правительства РФ, обеспечивающим текущее финансирование федеральных министерств и вооруженных сил. В то же время закрепленная Конституцией РФ функция Президента РФ по обеспечению согласованного функционирования органов государственной власти требует конкретизации, поскольку Президент РФ должен выступать лишь *арбитром* в разрешении конституционно-правовых споров и коллизий между Правительством и Федеральным Собранием РФ [10]. Администрация Президента РФ при этом выступает «техническим» органом, не обладающим правом издания нормативно-правовых актов.

3. Особое значение в системе органов публичной власти имеет *Федеральное Собрание РФ*, от эффективности деятельности которого зависит не только качество законотворчества, но и формирование федеральных органов исполнительной власти, и постоянный контроль над ними. Введение элементов парламентской республики в России позволило бы преодолеть сложившуюся тенденцию в законотворчестве, когда Правительство РФ выступает основным субъектом законодательной инициативы и подменяет, по сути, деятельность палат Федерального Собрания РФ. Реформа Федерального Собрания требует превращения российского парламента в полноценный орган представительства интересов населения и регионов. Тем самым в Конституции РФ (и Регламентах палат Федерального Собрания) необходимо закрепить норму о формировании в составе депутатского корпуса Государственной Думы «*коалиции парламентского большинства*», а также порядок *выборов членов Совета Федерации* населением в субъектах РФ из кандидатур, представленных законодательными органами субъектов РФ.

4. *Правительство РФ* также выполняет существенную роль в функционировании единой системы органов государственной власти в связи с осуществлением полномочий по распределению бюджетных средств и финансирования общегосударственных программ. В связи с этим постоянный контроль над принятием решений в Правительстве и отсутствие у него сугубо «технической роли» может быть обеспечено только в результате кардинальной реформы его формирования и функционирования. Поправка к ст. 103 Конституции РФ, внесенная законом «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ» от 30.12.2008, может эффективно

применяться только в случае, если *состав Правительства формируется «коалицией парламентского большинства»*, а не Президентом по согласованию с Государственной Думой и главой Правительства. Состав Правительства должен полностью соответствовать расстановке политических партий и избирательных блоков в российском парламенте, а основания для прекращения полномочий Правительства должны быть прозрачны и зависеть от уровня доверия депутатов, избранных населением. Тем самым назначение кандидатур на должности федеральных министров и утверждения в должности Председателя Правительства РФ относится к исключительной компетенции Государственной Думы. Распределение полномочий между Президентом как гарантом Конституции и Правительством определяется их функциями, определенными Конституцией РФ.

5. *Федеративное устройство РФ*, закрепленное в Конституции РФ, предполагает высокую степень самостоятельности субъектов РФ как в процессе осуществления законотворчества, так и при формировании органов публичной власти. В Конституции РФ необходимо закрепить неизменный порядок *избрания депутатов законодательных органов власти субъектов РФ* (тип избирательной системы - по усмотрению субъекта РФ) и *избрания* высшего должностного лица субъекта РФ для устранения дисбаланса и нарушения принципа разделения властей по вертикали. При этом в состав Совета Федерации должны избираться представители лишь от законодательных органов власти субъектов РФ.

Очевидно, что обсуждение основных этапов конституционной реформы и изменений российской Конституции требует конструктивного диалога между представителями науки, общественности и политической элиты страны. Невостребованность соответствующих научных разработок и экспертных предложений в последние годы может стать серьезным препятствием для эффективного функционирования российского государства в будущем [11].

Литература

1. См.: Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010; Россия XXI века: образ желаемого завтра. Доклад Института современного развития. М., 2010; Петров Н. Сверхуправляемая демократия: тандем и кризис // Pro et Contra. 2009. №5-6.
2. См.: Чиркин В.Е. Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 42-61; Проблемы развития российской Конституции. Сб. статей. СПб, 2002.
3. См.: Митюков М.А. Преобразование – оптимальный вариант развития Конституции РФ // Конституция как символ эпохи. Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004; Азізбаєва Л.І. Конституційна реформа: проблеми та перспективи // Другі конституційні читання. Харків, 2009. С. 70-72; Чебаненко О.Д. Конституція як основа суспільно-політичного діалогу в умовах демократичної консолідації // Другі конституційні читання. Харків, 2009. С. 64-67. Однак

в Украине решение Конституционного Суда от 30.09.2010 отменило результаты конституционной реформы 2004 г., связанные с введением парламентско-президентской республики.

4. См.: Черненко А.К., Дидикин А.Б., Курилов Э.П. Формирование правового государства: политико-правовые аспекты. Новосибирск, 2009.

5. В частности принятый 21 сентября 2010 г. и подписанный Президентом РФ 28 сентября 2010 г. федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково»» содержит прямые нарушения российской Конституции, ограничивая местное самоуправление и деятельность органов государственной власти на территории будущего Сколково.

6. См.: Дидикин А.Б. История конституционализма в России. Новосибирск, 2009; Конституционное совещание. Документы и материалы. В 20 тт. М., 1995-1996; Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия. В 6 тт. М., 2008-2010.

7. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с учетом изменений, внесенных законами РФ о поправках к Конституции № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2008. 31 декабря.

8. См.: Краснов М.А. Рождение российской конструкции власти: соотношение объективного и субъективного // Право. Журнал ГУ-ВШЭ. 2008. №1. С.25-40.

9. См.: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2007; Кынев А. «Партийные списки» в беспартийном пространстве: избирательные права граждан и принудительная партизация местных выборов // Российское электоральное обозрение. 2010. №1. С.4-20.

10. См.: Чиркин В.Е. Законодательная власть. М., 2008; Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010; Марино И. Размышления о некоторых особенностях создания Конституции РФ 1993 года // Конституционный вестник. Проблемы реализации Конституции. 2008. №1. С. 78-91.

11. См.: Дидикин А.Б. Модернизация российского конституционализма: проекты, предпосылки, антикризисные сценарии // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VII региональной научной конференции молодых ученых Сибири. Новосибирск, 2009. С. 205-208.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. С. Мохначев

Удмуртский государственный университет

В современной России регулирование инновационной деятельности осуществляется посредством применения норм Конституции РФ, Гражданского

кодекса РФ, принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов РФ и субъекта РФ, а также международных договоров РФ, регулирующих инновационную деятельность.

Среди существующих нормативно-правовых механизмов стимулирования инновационной деятельности в Удмуртской Республике необходимо отметить разработку и реализацию целевых программ. Элементом системы программных мероприятий первой такой программы [1] являлась разработка нормативно-правового, организационного и методического обеспечения программы. К примеру, в течение 2007 года с целью совершенствования нормативного регулирования инновационной деятельности в Удмуртской Республике государственным заказчиком программы – Министерством экономики Удмуртской Республики подготовлено 2 Указа Президента Удмуртской Республики, 2 постановления и 3 распоряжения Правительства Удмуртской Республики, 9 приказов министерства.

За время реализации первой целевой программы в Удмуртской Республике созданы элементы республиканской инновационной инфраструктуры: Региональный центр наноиндустрии Удмуртской Республики, 6 центров трансфера технологий в ведущих высших учебных заведениях и научных учреждениях республики. С целью привлечения частных инвестиций для финансирования инновационных проектов проведено 10 инновационных выставок-сессий, организованы 19 обучающих семинаров по подготовке кадров для инновационной деятельности. Из средств республиканского бюджета на конкурсной основе с 2005 года по 2007 год предоставлялись субъектам хозяйствования льготные бюджетные кредиты на реализацию инновационных проектов под 7% годовых сроком на три года. За период с 2005 по 2008 год Удмуртская Республика была представлена на 17 выставках-форумах, где приняло участие 42 предприятия республики с 79 инновационными проектами. В целях стимулирования инновационной активности в Удмуртии с 2007 года проводятся ежегодные конкурсы «Десять лучших инновационных идей студентов» и конкурсы по поддержке научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В настоящее время в Удмуртии реализуется новая целевая программа [2], которая нацелена на решение проблемы недостаточного уровня внедрения и коммерциализации инновационных проектов и практического применения научных разработок в производстве. Среди задач данной программы, в частности, определено формирование благоприятной среды для создания и коммерциализации инноваций путём повышения заинтересованности в участии в инновационной деятельности промышленных предприятий и научных учреждений посредством создания налоговых льгот и (или) других преференций, а также формирование финансово-экономических механизмов поддержки и стимулирования инновационной деятельности, повышение привлекательности для частных инвестиций сферы генерации знаний и использования высоких технологий.

При разработке новой целевой программы учтены положения Федерального закона от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части усиления государственной поддержки инновационной активности малого бизнеса и сформировавшиеся в регионе механизмы развития предпринимательства [3]. Кроме этого, в 2010 году в Республиканскую целевую программу развития малого и среднего предпринимательства в Удмуртской Республике на 2009-2013 годы внесены существенные изменения, касающиеся расширения мер поддержки инновационного предпринимательства в Удмуртской Республике.

Регулирование инновационной деятельности в регионе осуществляется также в рамках реализации стратегий развития субъекта Федерации. В Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики до 2025 года определена роль Удмуртской Республики как поставщика высокотехнологичной продукции на мировой и российский рынки машиностроения, в том числе рынки вооружений, электротехники, нефтегазового оборудования, автомобилестроения и другие.

Задачи инновационного развития региона диктуют необходимость принятия комплекса мер по дальнейшему совершенствованию системы регионального законодательства в области инновационных отношений в пределах компетенции субъекта Федерации. Однако на сегодняшний день формирование и реализация инновационной политики, нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности происходит в условиях незавершенности законодательной базы в инновационной сфере на федеральном уровне.

Во-первых, отсутствует единый федеральный закон, который закреплял бы понятия инноваций, инновационной деятельности, а также устанавливал общие принципы реализации инновационной деятельности в РФ и разрешал иные вопросы, связанные с указанными категориями. Проект Федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы ФС РФ И.Д. Грачевым, Н.В. Левичевым, О.Г. Дмитриевой, в 2010 году включён в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы.

Во-вторых, недостаточная проработка в законодательстве вопросов косвенного финансирования научно-технической и инновационной деятельности, в первую очередь, за счёт предоставления различных налоговых льгот и преференций, лишает хозяйствующих субъектов стимулов к созданию и внедрению в производство научно-технических результатов. Данный недостаток может быть устранён путем разработки и принятия ряда специальных законов, вносящих изменения и дополнения в Налоговый кодекс РФ в части совершенствования налогообложения субъектов научно-технической и инновационной деятельности.

В-третьих, в отечественном законодательстве нет эффективных механизмов коммерциализации и внедрения в производство результатов научно-технической деятельности, полученных за счёт или с привлечением средств федерального бюджета. Данный пробел должен быть восполнен разработкой

и принятием специального закона о правах на технологии, созданные за счёт или с привлечением средств федерального бюджета, либо включением соответствующих норм в часть четвертую Гражданского кодекса РФ.

Чрезвычайно актуальным становится в условиях новой экономики принятие Федерального закона «О рисковом финансировании», который должен определить понятие «венчурный фонд», предусмотреть особенности его создания, реорганизации и ликвидации, а также установить организационно-правовые формы венчурного фонда, состав его участников и основные формы инвестирования венчурным фондом.

Принятие вышеуказанных рекомендаций по активизации инновационного развития в регионе, законодательных актов, иных законопроектов, направленных на внесение изменений и дополнений в Налоговый кодекс РФ, а также в нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти, будет способствовать созданию благоприятных экономических и правовых условий для развития субъектов инновационной деятельности.

Литература

1. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 22 июня 2004 г. № 250-III «О Республиканской целевой программе «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2005 - 2009 годы» (в ред. постановлений Государственного Совета УР от 27.02.2007 г. № 780-III, от 26.02.2008 г. № 43-IV) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства Удмуртской Республики от 6 июля 2009 г. № 182 «Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2010 - 2014 годы» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Мохначев К.С. Формирование институциональных условий и совершенствование законодательства для развития банковского финансирования малого и среднего предпринимательства [Текст] / К.С. Мохначев, С.А. Мохначев // Вестник Финансовой Академии. 2009. №2. С.28–30.

О МЕТОДИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.-Д. С. Третьякова

Сибирский университет потребительской кооперации

Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы при проведении правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации руководствуются приказом Министерства

юстиции Российской Федерации от 29.10.2003г. № 278 «Об утверждении Рекомендаций по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» [1]. Необходимо уточнить, что в связи с изменениями от 18.01.2010 г., внесенными в указы Президента Российской Федерации от 13.10.2004г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» и от 10.08.2000г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» полномочие Министерства юстиции Российской Федерации по проведению юридической экспертизы заменено на правовую экспертизу [2]. Следует отметить, что до внесения изменений в вышеназванные указы Президента Российской Федерации, в федеральном законодательстве понятие «юридическая экспертиза» применялось только к деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов. Понятие «правовая экспертиза» более широкое и охватывает деятельность, которую осуществляют и иные органы, например, прокуратура. Вместе с тем, анализ практики проведения органами юстиции юридической экспертизы с 1995 года показывает, что изменение наименования «юридическая» на «правовая» не меняет смыслового содержания, не расширяет и не сужает границы ее проведения. Таким образом, правовая экспертиза, проводимая органами юстиции, является правопреемником юридической экспертизы и используется как тождественные понятия.

Так, в вышеназванных Рекомендациях по проведению юридической экспертизы подробно изложена методика проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Раскрыта последовательность действий эксперта, проводящего экспертизу, представлен механизм анализа нормативного правового акта субъекта Российской Федерации на соответствие Конституции Российской Федерации и федеральным законам. В частности, в процессе правовой экспертизы необходимо: определить предмет правового регулирования нормативного правового акта и цель его принятия; состояние нормативного регулирования в соответствующей сфере правоотношений; установить компетенцию органа издавшего акт, на его принятие; обратить внимание на порядок принятия, обнародования (опубликования) нормативного правового акта субъекта Российской Федерации; оценить соблюдение правил юридической техники при подготовке акта, то есть наличие набора реквизитов, построение, правильность использования юридической терминологии; и наконец, проанализировать нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации, содержащихся в нем норм, на предмет соответствия нормам Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

Министерством юстиции Российской Федерации разработана методологическая основа проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Территориальными органами юстиции используются унифицированные Рекомендации по проведению юридической экспертизы. Таким образом, деятельность по проведению правовой

экспертизы носит единообразный характер, направленный на выявление в текстах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, положений противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.

Вместе с тем, в настоящее время отсутствует единое методологическое обеспечение проведения правовой экспертизы, универсальное и обязательное для всех субъектов, проводящих экспертизу. В связи с этим, предлагается разработка и принятие Методики проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов, которая будет утверждена Указом Президента Российской Федерации. Названная Методика будет иметь юридическую силу для органов юстиции и прокуратуры, при проведении правовой экспертизы и для Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в части права давать заключения о соответствии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также иным федеральным законам, регулирующим избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Такая мера будет способствовать созданию единого методологического подхода в выявлении в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, норм не соответствующих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, и как следствие приведет к сокращению сроков приведения в соответствие органами государственной власти субъектов Российской Федерации, противоречащих нормативных правовых актов.

Литература

1. Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. № 11.
2. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004г. № 1313: в ред. указа Президента Российской Федерации от 05.05.2010 г. № 552 // Российская газета. 2004. № 230. 19 октября.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Т. И. Ряховская

Сибирская академия государственной службы

Проблема правовой природы решений Конституционного Суда России является одной из центральных в отечественной доктрине конституционного права. Тем временем, отсутствие определенности в понимании юридической природы решений Суда негативным образом сказывается на всем правоприменительном процесс в целом.

Например, по мнению Т.Г. Морщаковой, обозначать юридическое значение решений Конституционного Суда как прецедента неточно, так как прецедент - применение правовых выводов одного суда при рассмотрении дел другими судами в ситуации, сходной по фактическим обстоятельствам [12, С.347-348]. Схожих идей придерживаются Ю.Р. Мрясова, Е.В. Тарибо [9, 14].

А.В. Краснов, более приемлемыми, видит наименования «судебный акт как источник права», «судебная нормотворческая практика» [5, С.329].

С позиции же О.Е. Кутафина, постановления Конституционного Суда – это лишь акты применения Конституции РФ, потому что они не создают правовых норм, регулирующих деятельность Конституционного Суда. Они лишь применяют нормы Основного Закона к конституционным правовым актам или отдельных их нормам, тем самым, констатируя соответствие последних нормам Конституции [6, С.145-147]. М.С. Саликов [11], Л.А. Морозова [8] отмечают, что постановление Конституционного Суда является источником права, а потому, не может не оказывать влияние на всю правовую систему государства. В.Д. Зорькин же полагает, что решения Суда по делам о проверке конституционности законов и иных нормативно-правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер и как таковые приобретают прецедентное значение, имеющие такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов [4, С.115-116]. То есть, государствоведом отмечается двуединая природа решений Конституционного Суда РФ.

По поводу проблемы, связанной с природой актов толкования Конституционного Суда, в юридической литературе существует сегодня большое разнообразие мнений. В своем исследовании предлагаем остановиться на некоторых из них. В целом, «акт судебного толкования – это один из видов правовых актов, издаваемый судебными органами в процессе правоприменительной и контрольной деятельности и содержащий в себе официальное разъяснение смысла и содержание правовых норм в целях их наиболее правильного и единообразного применения» [13, С.55].

Например, Х. Гаджиев говорит, что Конституционный Суд предлагает такие решения, которые связаны с дословным текстом Конституции весьма тонкими нитями. Он характеризует их как правотворческие акты, отмечая, что решения о толковании Конституции не просто имеют равную юридическую силу с конституционными нормами, а применение последних, по которым было дано толкование Конституционным Судом невозможно без учета такого толкования [2, С.15-29].

Ю.Л. Шульженко излагает такую идею: акты нормативного толкования Конституции РФ имеют фактически равную силу с Конституцией РФ. Все это существенно влияет на форму Конституции. И она в настоящее время включает в себя собственно текст Основного закона и акты нормативного

толкования Конституции [15, С.213]. Об этом же говорит и В.Д. Зорькин [3, С.3-9].

В.А. Петрушев придерживается иной точки зрения, говорящий, что постановления Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ являются только актами ее официального нормативного толкования, а следовательно, они не являются источниками права. В тех же случаях, когда Конституционный Суд РФ создает какие-либо новые конституционные положения, он выходит за рамки своих полномочий и вторгается в прерогативы законодательной власти, что недопустимо [10, С.29]. Однако в соответствии со ст.106 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде», толкование федеральной конституции, данное Конституционным Судом является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления и т.п. И если уж законодательно Конституционный Суд РФ является единственным органом, осуществляющим официальное нормативное толкование Конституции РФ, то делается это не с целью «взять» часть чужой компетенции, а, наоборот - оказать воздействие и влияние на процесс создания новых правовых норм. К тому же, сам Конституционный Суд неоднократно указывал, что он не может выступать участником законотворческого процесса: «обращение о толковании Конституции, предполагающие такую конкретизацию ее положений, которая фактически требует от Конституционного Суда создания новых правовых норм, не подведомственны Конституционному Суду»[1].

В.О. Лучин излагает подход в соответствии с которым решения Конституционного Суда, содержащие толкование, не содержат новых правовых норм и поэтому не могут считаться источниками права, хотя и обладают их некоторыми свойствами [7, С.542].

Резюмируя изложенные идеи, полагаем, что постановления Конституционного Суда (в первую очередь постановления о толковании Конституции РФ) являются специфическими источниками права, выходящим за рамки классического понимания. Вместе с тем, Конституцию России невозможно применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда и в данной связи постановления Суда оказываются одним из инструментов реализации прямого действия конституционных норм, обеспечивающих ее реальность.

Литература

1. Определение Конституционного Суда от 16.06.1995г. №67-0; абзац 2 мотивировочной части// Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2003. – С.129. (Текст определения официально опубликован не был)
2. Гаджиев Х. Юридическое значение толкования норм конституции и закона Конституционным Судом// Право и жизнь. – 2001. – №36. – С.15-29.

3. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации// Журнал Российского права. – 2004. – №12. – С.3-9.
4. Зорькин В.Д. Россия и ее Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007. – 400с.
5. Краснов А.В. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как источник права// Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. – Казань, 2006. – С.325-332.
6. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. – М., 2002. – 348с.
7. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002. – 687с.
8. Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права// Государство и право. – 2004. – №1. – С.19-23.
9. Мрясова Ю.Р. О прецедентной природе решений Конституционного Суда Российской Федерации// Дайджест Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. – 2005. – №22, ч.2. – С.120-121.
10. Петрушев В.А. О юридической природе Постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ// Право и политика. – 2007. – №5. – С.26-29.
11. Саликов М.С. О предпосылках и последствиях изменения правовых позиций Конституционного Суда// Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. – Казань, 2006. – С.427-435.
12. Судебная власть/ Под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003. – 720с. (автор параграфа Т.Г. Морщакова)
13. Тарасова В.В. Акты судебного толкования правовых норм: Юридическая природа и классификация/ Под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 2002. – 152с.
14. Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации// Право и политика. – 2005. – №2. – С.118-122.
15. Шульженко Ю.Л. Форма Российской Конституции и ее толкование// Дайджест Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. – 2000. – №11. – С.212-214.

К СТРУКТУРЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

И. Ю. Макаrchук

Сибирский федеральный университет

Проблемы правотворчества всегда привлекали к себе внимание исследователей. Правотворчество представляет собой одну из важнейших и сложных

теоретико-правовых категорий, ее содержание трансформируется по мере развития юридической науки.

Любой процесс, в том числе и правотворческий, протекает в определенных формах и может быть разбит на соответствующие структурные элементы. В юридической литературе вопрос относительно структуры правотворческого процесса решается неоднозначно.

Правотворческая политика должна формироваться субъектами правотворчества исходя из потребностей общества и тенденций социального развития. В гносеологическом плане в основе процесса правотворчества лежит отражение явлений общественной и экономической жизни; своеобразие этого отражения, понимаемого в философском смысле слова, обусловлено функциями, выполняемыми правом в обществе, и прежде всего ролью права как средства управления и самоуправления. Как отмечает, член-корреспондент РАН В.Ф.Яковлев «правовое государство – это жизнь общества и его граждан по общеизвестным правилам законов, исполнение которых обеспечивается прежде всего тем, что они выражают потребности и интересы гражданина и общества в целом» [1, с.3]. Выступая на торжественном собрании, посвященном 85-летию создания Верховного Суда России 20 марта 2008 года, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев констатировал, что «правовой нигилизм является мощнейшим тормозом на пути развития нашего государства. Неуважение к праву не появляется само по себе. Оно имеет исторические причины и возникает лишь в том случае, когда законы не отвечают потребностям людей или не выражают их интересы. И наоборот, только если эти законы адекватны интересам людей, их потребностям, адекватны современному состоянию экономики, социальной сферы, эти законы воспринимаются и уважаются ими» [1, с.35]. Опираясь на мнение В.Ф.Яковлева и Д.А.Медведева, считаем, что пусковым механизмом правотворческого процесса является изучение, анализ общественных явлений и процессов, установление потребности в правовой регламентации, определение предмета правового регулирования.

На основании изложенного, предложим свое видение структуры правотворческого процесса.

Многие авторы, наряду со стадиями правотворческого процесса выделяют в последнем этапы, соответственно объединяя стадии в этапы. Например, в одном из современных учебников по проблемам теории государства и права отмечается, что «правотворчество охватывает два этапа – предпроектный и проектный. Специфика проектного этапа состоит в том, что он включает в себя ряд последовательно сменяющих друг друга стадий» [2, с.697-699]. В советской правовой науке в правотворческом процессе выделяли два основных этапа: первый – предварительное формирование государственной воли, внешне выражающееся в составлении проекта нормативного акта; второй – официальное возведение воли народа в закон, воплощение государственной воли в нормах права [3, с.157].

Из содержания Конституции Российской Федерации следует, что официально правотворчество начинается со стадии осуществления законодательной инициативы. Но выше мы приняли точку зрения, согласно которой правотворческий процесс объективно начинается с «познания и оценки правовых потребностей общества и государства..., с изучения и анализа явлений и процессов, допускающих правовую регламентацию или требующих ее» [4, с.398]. В связи с этим, во внутреннем устройстве правотворческого процесса можно обнаружить доофициальную (предофициальную) и официальную части. Именно части правотворческого процесса по-нашему мнению следует полагать самыми крупными его структурными единицами. В свою очередь, внутри каждой части правотворческого процесса следует выделять соответствующие правотворческие стадии (этапы), каждую из которых образуют правотворческие процедуры. Такая структура правотворческого процесса представляется обоснованной по следующему основанию. Правотворческий процесс – органически единый, нераздельный комплекс, единое целое. Часть – это раздел, отдельная единица, на которые подразделяется целое [5, с.901] – правотворческий процесс. Правотворческий процесс начинается с доофициальной части, которая затем переходит в официальную. Стадия есть период, ступень в развитии [5, с.751] соответствующей части правотворческого процесса. Процедура – это «официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-либо» [5, с.616], то есть правотворческие процедуры представляют собой совокупность последовательных действий правотворческого органа по реализации своих полномочий. Правотворческие процедуры обеспечивают организацию и успешное завершение той или иной правотворческой стадии. В качестве примера, можно привести такой вид правотворческой процедуры как парламентская процедура, являющуюся «совокупностью последовательных действий парламента по реализации своих полномочий» [6, с.241].

Таким образом, предложенная структура правотворческого процесса представляет собой трехуровневую конструкцию, в которой выделяются доофициальная и официальная части, правотворческие стадии (этапы) и правотворческие процедуры. Автор полагает, что предложенная структура правотворческого процесса будет способствовать познанию сущности указанного процесса.

Литература

1. Медведев Д.А. Россия: становление правового государства: выступления, статьи, документы. В 3 т. Т. 1. – М., 2010.
2. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М., 2008.
3. Дрейшев Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. – М., 1977.

4. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2007.
- 5/ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.
- 6/ Парламентский глоссарий / авт.-сост. А.Х. Саидов, Т.Я. Хабриева. – М., 2008.

faler2007@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РФ

М. С. Бороздин

Московская финансово-юридическая академия (Орск)

Языковые отношения в РФ регулируются: Конституцией РФ, ФЗ «О государственном языке РФ», Законом РФ «О языках народов РФ», аналогичными законами субъектов РФ. Отдельные правовые нормы закреплены в других нормативно-правовых актах, например, в Законе «О средствах массовой информации», в Законе «Об образовании». Языковые нормы содержатся и в законодательстве, регулирующем государственную (муниципальную) службу: ФЗ «О системе государственной службы РФ», ФЗ «О муниципальной службе в РФ», ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и так далее.

Владение государственным языком РФ как требование при поступлении на службу установлено: в ст. 12 ФЗ «О системе государственной службы РФ», в ст. 33 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», ст. 4 ФЗ «О муниципальной службе в РФ», ст. 4 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», Указе Президента РФ «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы РФ» и некоторых других.

В ныне действующем Законе «О милиции» не предусмотрено согласование по языковым требованиям к поступающим на службу с ФЗ «О системе государственной службы РФ». Зато владение государственным языком прямо прописано в проекте ФЗ «О правоохранительной службе РФ» (п.1 ст. 22) [1; электронный доступ] и в ст. 37 обсуждаемого проекта ФЗ «О полиции» [2; электронный доступ].

Делопроизводство в правоохранительных органах ведётся на русском языке (ст. 18 Закона РФ «О языках народов РФ»). В субъектах РФ может вестись на двух языках или на национальном языке. Лица, не владеющие языком делопроизводства, могут давать объяснения на родном языке или на любом другом языке, избранном для общения.

В работе Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, других федеральных арбитражных судов, военных судах используется государственный язык РФ. В других судах общей юрисдик-

ции, мировых судах и в других судах субъектов РФ судопроизводство может вестись на языке республики РФ или на языке других народов России. Более детально законодательство субъектов РФ не определяет, на каком языке ведётся весь процесс или его часть. Решение этого вопроса имеет значение для работы судей, аппарата суда и для функционирования суда в целом.

Не нашли своего отражения в Законе «О языках народов РФ», ФЗ «О статусе военнослужащих», ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» вопросы использования языков в Вооружённых Силах РФ. В ФЗ «Об обороне» устанавливается лишь язык руководства и управления Вооружёнными силами РФ, обучения личного состава – государственный язык РФ (ст. 13). Но правовая урегулированность вопросов использования языков народов РФ в данной сфере одинаково важна для обеспечения высокого уровня обороноспособности армии и для защиты языковых прав граждан во время прохождения службы.

Существует и проблема введения языкового ценза в национальных республиках РФ. Например, в Республике Татарстан до сих пор действует ч. 4 ст. 93 Конституции РТ, предусматривающая, что Президент РТ приносит присягу в торжественной обстановке на двух государственных языках. Аналогичная норма закреплена в ст. 85 Конституции Республики Башкортостан, а в ст. 86 Конституции РБ установлено, что Президент РБ обязан владеть государственными языками РБ.

Ч.1 ст. 11 Закона «О языках народов РФ» говорит, что работа в федеральных органах государственной власти, в органах государственной власти субъектов РФ, в органах местного самоуправления ведётся на государственном языке РФ. Наряду с ним в субъектах РФ могут употребляться языки республик и языки других народов России. Однако во многих региональных законодательствах (Башкортостан, Кабардино-Балкария) данная норма приобрела другое звучание, установлено, что работа в высших законодательных и исполнительных органах республики ведётся на государственных языках республики (без уточнения).

По мнению Е.М. Доровских, необходимо в ФЗ «О языках народов РФ» отделить права граждан выступать на любом языке народов РФ и права граждан, которые являются государственными служащими. [3; с. 17]

На наш взгляд, любой государственный (муниципальный) служащий обязательно должен владеть общегосударственным языком РФ, что и предусматривает ФЗ «О системе государственной службы РФ». Владение дополнительным языком в субъектах РФ не должно являться ограничением или приоритетом для поступления на службу и при её прохождении. Делопроизводство должно вестись на русском языке с возможным дублированием на государственный язык республики РФ или другой язык народов РФ.

Практическая деятельность госслужащего связана с речевым общением посредством устной и письменной речи – проведение служебных заседаний, встреч, переговоров, общение с коллегами, участие в научно-практических

дискуссиях, выступления перед общественностью, работа с документами и другое. [4; с. 30].

Особенностью статуса госслужащего является то, что он является «двойным» субъектом права на использование языка (как гражданин и как представитель государства) [5; с. 41-43], его профессиональная переподготовка, повышение квалификации, стажировка не только желательны, но и обязательны, причем за счет средств бюджета соответствующего уровня, то есть в первую очередь заботиться о компетенции своих служащих должно государство.

Уровень владения русским языком падает по России в целом. Падает он и среди государственных служащих. В 2007 году проводился Год русского языка, на данный момент действует ФЦП «Русский язык» (на 2006-2010 годы). В рамках данной программы, как и в рамках других целевых программ, отдельно не предусмотрены мероприятия, направленные на повышение языковой компетенции госслужащих. При обсуждении ФЦП «Русский язык» (на 2011-2015 годы) нами было озвучено предложение о дополнении ФЦП соответствующими мероприятиями [6; с. 76].

Сегодня нужно принимать срочные меры, например, разрабатывать словари для государственных служащих, проводить курсы. Некоторые учёные предлагают создать лингвистические комиссии при органах государственной (муниципальной) власти для проверки служащих на знание языка. Даже ведётся речь о создании Федеральной лингвистической службы, одной из задач которой была бы работа с госслужащими по повышению их языковой компетенции.

Нельзя рассматривать языковую политику отдельно от других составляющих государственной политики (внутренней и внешней). Проблемы языка носят «клубковый» характер, они связаны со всеми звеньями Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, поэтому подлежат активному совершенствованию со стороны нашего общества и государства.

Литература

1. Проект ФЗ «О правоохранительной службе в Российской Федерации». Электронный доступ: <http://chupanov.narod.ru/Library/03/01.htm>.
2. Портал обсуждения проекта ФЗ «О полиции». Электронный доступ: <http://zakonoproekt2010.ru/section-7#clause-37>.
3. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык»// Журнал российского права. №12. 2007.
4. Ларионова Ж.А. О языке госслужащих// Государственная служба. № 6 (32). Ноябрь-декабрь. 2004.
5. Воронцовский П.М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений// Журнал российского права. № 11. 2007.

6. Бороздин М.С. Материалы круглого стола по обсуждению ФЦП «Русский язык» (на 2011-2015 годы) от 11.06.2010.// Архив Комитета Государственной Думы ФС РФ по культуре за текущий год.

MihalSergeevich@list.ru

КОМПЕНСАЦИОННАЯ И КАРАТЕЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ

В. А. Кинсбургская

Высшая школа экономики при Правительстве РФ

Виды юридической ответственности можно классифицировать по двум критериям: в зависимости от отраслевой природы санкций и в зависимости от целевого предназначения санкций. Второй критерий предполагает укрупненную типизацию юридической ответственности, однако, по нашему мнению, именно этот критерий наиболее важен для классификации юридической ответственности в сфере публичных финансов, в частности, в сфере налогообложения.

Непосредственные цели применения юридической ответственности – наказание совершивших правонарушения лиц и максимально возможное устранение причиненного правонарушением ущерба. В зависимости от того, какая из этих двух целей является доминирующей, можно выделить два типа юридической ответственности – карательный и компенсационный. Основная цель применения карательной ответственности – возмездие лицу за совершенное им правонарушение. Основная цель применения компенсационной ответственности – возмещение ущерба, причиненного потерпевшему в результате совершения правонарушения.

Финансовые правоотношения имеют имущественный, денежный характер, поэтому правонарушения в сфере публичных финансов всегда наносят тот или иной имущественный ущерб государству. Такой ущерб должен быть возмещен, что неизбежно порождает необходимость применения к нарушителю финансовой дисциплины мер компенсационной ответственности. Функцию возмещения имущественного ущерба, причиненного казне в результате неправомерного обращения с бюджетными средствами, выполняет финансовая ответственность, представляющая собой самостоятельный вид юридической ответственности компенсационного типа.

В сфере налогообложения единственной санкцией финансовой ответственности является пеня, применяемая на основании п. 2 ст. 57, п. 3 ст. 58, ст. 75 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) за просрочку уплаты или перечисления налога (сбора, авансового платежа). Никакие иные имущественные санкции, применяемые за нарушения законодательства о налогах и сборах, не относятся к мерам финансовой ответственности. Штра-

фы за совершение налоговых правонарушений, взимаемые на основании положений разд. VI НК РФ, отвечают всем признакам административных штрафов. Соответственно, налоговая ответственность – это разновидность административной ответственности, применяемой в особом процессуальном порядке за совершение налоговых правонарушений, предусмотренных гл. 16 и 18 НК РФ. Финансовая и налоговая ответственность совпадают только по сфере применения, но имеют разные основания возникновения (финансовое правонарушение и административное правонарушение) и по своему целевому предназначению относятся к разным типам ответственности (финансовая ответственность – компенсационная, налоговая ответственность – карательная).

Компенсационные санкции должны играть главную роль в финансовых (налоговых) отношениях. В целях защиты публичного налогового интереса правоприменитель (налоговый орган, суд) при реализации мер юридической ответственности в первую очередь должен учитывать необходимость возмещения имущественного ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате недополучения налогов и сборов. Поэтому в системе юридической ответственности, применяемой к налогоплательщикам, должна доминировать финансовая ответственность в виде пени за просрочку уплаты или перечисления налогов (сборов). Однако в налоговых правоотношениях полное возмещение имущественного ущерба далеко не всегда может рассматриваться в качестве адекватной реакции государства на совершенное правонарушение. Зачастую для восстановления социальной справедливости, выполнения функции общей и частной превенции необходимо не просто взыскать с налогоплательщика все те денежные средства, которые были им незаконно удержаны у государства, но еще и обязать правонарушителя уплатить некую сумму сверх суммы причиненного им имущественного ущерба или даже применить к нему более суровые меры, в том числе связанные с изоляцией от общества, – как возмездие за совершенное им противоправное деяние. В таком случае возможно привлечение персонифицированных физических лиц (самых субъектов налогообложения или их должностных лиц) к карательным видам ответственности.

Доминирующее положение в подсистеме карательной ответственности налогоплательщиков должна занимать штрафная налоговая ответственность. Именно эта разновидность административной ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах в первую очередь призвана выполнять функцию возмездия в отношении нарушителей налоговой дисциплины. К уголовной ответственности следует привлекать только за те правонарушения, которые представляют наибольшую общественную опасность, и только при наличии обстоятельств, свидетельствующих об устойчивости корыстных намерений виновного лица и его нежелании отказаться от противоправной деятельности, влекущей неплатежи в казну налоговых платежей. Причем применение наказания в виде лишения свободы оправданно лишь тогда, когда с учетом степени тяжести, характера, обстоятельств совершения пра-

вонарушения и личностных особенностей правонарушителя понятно, что взыскание штрафа не сможет выполнить функцию частной и общей превенции.

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ В РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ О ПРИОБРЕТЕНИИ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. В. Козлова

Сибирский университет потребительской кооперации

Развитие законодательства о гражданстве в нашем государстве происходит поэтапно и в результате применения выявляется ряд проблем, одной из которых является правовое регулирование и порядок реализации норм о приобретении гражданства. Так, с момента принятия нового закона неоднократно вносились изменения в статьи 13 и 14 ФЗ от 31.05.2002 г. 62-ФЗ "О гражданстве РФ", которые определяют общий и упрощенный порядок приобретения гражданства.

Примером могут служить:

1. Федеральный закон от 11.11.2003 N 151-ФЗ которым введена ч. 4 ст.13 на основании которой граждане государств, входивших в состав СССР, проходящие не менее трех лет военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, других войсках или воинских формированиях, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации без соблюдения условий, предусмотренных пунктом "а" части первой настоящей статьи, и без представления вида на жительство.

2. Федеральный закон от 01.10.2008 г. 163-ФЗ, которым внесены изменения в ст. 14, распространившие упрощенный порядок приобретения российского гражданства на иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Россию в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

3. Федеральный закон от 28.06.2009 N 127-ФЗ которым введены п "г" и "д" ч. 2 ст. 14 на основании которых иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории Российской Федерации, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке без соблюдения условия о сроке проживания, установленного пунктом "а" части первой статьи 13 настоящего Федерального закона, если указанные граждане и лица:

г) имеют ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, - в случае, если другой родитель этого ребенка, являющийся гражданином Российской Федерации, умер либо решением суда, вступившим в законную силу, признан безвестно отсутствующим, недееспособным или ограниченным в

дееспособности, лишен родительских прав или ограничен в родительских правах;

д) имеют сына или дочь, достигших возраста восемнадцати лет, являющихся гражданами Российской Федерации и решением суда, вступившим в законную силу, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности, - в случае, если другой родитель указанных граждан Российской Федерации, являющийся гражданином Российской Федерации, умер либо решением суда, вступившим в законную силу, признан безвестно отсутствующим, недееспособным или ограниченным в дееспособности, лишен родительских прав или ограничен в родительских правах.

Правоприменительная практика определяет пробелы действующего законодательства, при этом ликвидация правовых коллизий помогает решить социальные, миграционные и демографические проблемы в стране.

Федеральная миграционная служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции. Одной из задач данного органа власти является обеспечение возможности приобретения иностранными гражданами гражданства Российской Федерации. При выполнении данной задачи, с одной стороны, осуществляется производство по делам о гражданстве РФ в порядке, установленном законодательством, а, с другой стороны, ФМС России активно участвует в формировании нормативной базы по вопросам приобретения гражданства России и подтверждает гражданство Российской Федерации по запросам различных органов государственной власти.

Государственная функция ФМС России по осуществлению полномочий в сфере реализации законодательства о гражданстве Российской Федерации исполняется в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих приобрести российское гражданство.

Вследствие этого именно по результатам ее деятельности можно оценить эффективность реализации норм Федерального закона 2002 г. 62-ФЗ "О гражданстве РФ".

На основании статистических данных Федеральной миграционной службы России в 2007 году приобрело гражданство Российской Федерации 260 746 иностранных граждан и лиц без гражданства, за аналогичный период в 2008 г. - 273 047 человек, в 2009 г. - 271 780 человек. За 4 месяца 2010 года всего приобрели гражданство 36 976 человек, из них в упрощенном порядке (ст.14) - 18532, в общем порядке (ст. 13) - 17, в соответствии с международными соглашениями - 18 414. При этом отменено решений по вопросам гражданства - 526, а отклонено заявлений в приеме в гражданство РФ - 1415.

По результатам деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Новосибирской области за январь-июнь 2010 года всего приобрели гражданство 1787 человек, из них в упрощенном порядке (ст.14) -568, в общем порядке (ст. 13) - 0, в соответствии с международными соглашениями

- 1219. При этом отменено решений по вопросам гражданства - 3, а отклонено заявлений в приеме в гражданство РФ - 320.

По-прежнему наиболее доступной и широко применяемой являлась ч. 4 ст. 14 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации", срок действия которой закончился 1 июля 2009 года, в соответствии с которой российское гражданство приобретают бывшие граждане СССР, прибывшие в Российскую Федерацию из государств, входивших в состав СССР, и зарегистрированные по месту жительства по состоянию на 1 июля 2002 года либо получившие разрешение на временное проживание в Российской Федерации или вид на жительство (64 % от всех принятых в российское гражданство за 9 месяцев 2009 года).

Более пятидесяти процентов лиц, приобретают гражданство в соответствии с международными соглашениями, что свидетельствует о желании бывших граждан СССР, вследствие нестабильной социальной, экономической или политической обстановки стать гражданами российского государства, таким актами являются:

1. Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства;

2. Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской республикой об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Киргизскую республику, гражданами Киргизской республики, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и выхода из прежнего гражданства;

3. Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (утратило силу);

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства;

5. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию

Хотя имеется динамика по приобретению гражданства по международным соглашениям и в упрощенном порядке, исходя из статических данных, но на практике существует не мало сложностей, для лиц желающих стать гражданами России, использующими общий порядок приобретения и основная нагрузка в решении данной задачи ложиться на территориальные органы миграционной службы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВООЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Р. Ю. Шульга

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ

Правозащитная деятельность в России наиболее активно развивалась в начале 1990-х годов – многочисленные правозащитные организации, подерживаемые благотворительными фондами, в основном иностранными, проводили в жизнь различные программы в построении гражданского общества. Согласно программным заявлениям прежнего Президента РФ В.В. Путина, развитие гражданского общества стало одной из приоритетных задач при проведении реформ. Усилия властей по созданию формальной структуры для осуществления гражданской деятельности привели сначала к созыву в 2001 году «Гражданского форума» [1], а позднее – в 2005 году – созданию Общественной палаты [2] в качестве «дополнительной возможности для развития гражданского общества в стране» [3]. Кроме этого, в ноябре 2004 года реорганизована Комиссия по правам человека при Президенте России в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [4]. Со стороны властей идут активные попытки также поддержки развития гражданского молодёжного движения (например, молодёжное движение «Наши»).

На этом «благополучном» фоне усилий властей по поддержке развития гражданского общества, тщательно проверяются гражданские организации на предмет финансирования их «влиятельными зарубежными фондами» или «отстаивания ими «сомнительных групповых и коммерческих интересов» (из ежегодного послания Президента России В.В.Путина Федеральному собранию 2004 года [5]). При этом внутренних источников финансирования для развития независимого правозащитного движения практически не существует. Существующие грантовые конкурсы со стороны прогосударственных структур на практике сводятся к помощи группам, лояльным по отношению к федеральной или местной власти, а финансовая поддержка со стороны крупного российского бизнеса постоянно наталкивается на те или иные препятствия со стороны властей (например, уголовное преследование Ходорковского).

На этом фоне ужесточения властями контроля по отношению к организациям правозащитной направленности, а также разочарованием скромными результатами своей деятельности из страны уходят иностранные доноры (достаточно вспомнить свёртывание всех своих благотворительных программ на территории России Фонда Сороса в 2003 году, вынужденное закрытие офисов Британского Совета, закрытие деятельности Фонда «Евразия»).

Хотя надо признать, что некоторые направления деятельности даже в подобных жёстких условиях контроля властей, усилились и активизировались, в особенности те, которые ориентированы на предоставление социальных

услуг. Кроме того, усиливаются уличные протесты, гражданская мобилизация граждан, что заставляют вспомнить об истоках «настоящего» гражданского общества, которое строится снизу вверх. Достаточно вспомнить протесты против монетизации льгот в январе 2005 года, многочисленные «автомобильные» акции протеста, в частности, против запрета использования японских автомобилей с правосторонним рулём; против новых налогов на дорогие автомобили и против изменения правил дорожного движения; против строительства автодороги через Химкинский лес; публичные выступления против точечной застройки и повышения коммунальных тарифов, акции обманутых дольщиков, забастовки рабочих [6].

Подобная гражданская активность связана почти исключительно с ущемлением личных интересов. Протест возникает либо когда отбирают последнее, либо когда власти (или те, кто умеет заручиться их поддержкой) покушаются на добытое собственным трудом.

Публичные акции, направленные на защиту социально-экономических прав, стали носить по преимуществу эгоистический характер: люди решаются на протест, если нарушены их собственные права. В этом отличие правозащитной деятельности начала 1990-х годов и ранее от современных правозащитных протестов. Выходя на митинг, граждане рассчитывают на восстановление справедливости в отношении себя лично. За редким исключением протест возникает *ad hoc*: в ответ на конкретное повышение тарифов или конкретный строительный проект, ухудшающий условия жизни тех, кто живёт поблизости. Завершившиеся акции не оставляют после себя организованной группы. Добившись своего или (что происходит чаще) увидев, что их действия бесперспективны, участники протеста просто расходятся. Хотя в последние годы налицо тенденция роста низовой активности, общественная солидарность остаётся низкой, и горизонтальные связи практически не возникают.

Необходимо обратить внимание, что в отличие от раннего правозащитного движения, особенностью нынешних протестов является то, что они происходят в полном отрыве от политики, предъявления каких-либо политических требований. Сокращение или даже прямой отъём политических прав, якобы гарантированных Конституцией России [7] оставляют подавляющее большинство россиян равнодушными (например, что произошло после лишения граждан права избирать главу региона). Одной из причин можно считать то, что, в отличие от автомобиля или денег на покупку жилья, политические и гражданские права никто себе не добывал. Они достались «даром», были подарены «сверху», а потом сверху же и отобраны, вот и не возникает желания их отстаивать.

Кроме того, российские граждане не рассматривают политические права как инструмент для решения социальных проблем. Патерналистская модель, в рамках которой люди оказались радикально отодвинуты от политического процесса, была добровольно принята российским обществом. В условиях

растущего благосостояния граждане отказались от участия в принятии политических решений и предоставили властям полную свободу действий.

Пассивная лояльность гражданского общества по отношению к власти традиционна для России, но впервые в российской истории лояльность обеспечивается не кнутом, а пряником.

Поскольку цена на нефть продолжает оставаться достаточно высокой, у государства нет недостатка в так называемых «пряниках». Те, кто считают, что их так или иначе обделили, организуют митинги протеста. Власть сама выбирает какие требования удовлетворить, а на другие просто не обращает внимание или попросту разгоняет или запрещает (что происходит с активистами «Другой России» или что произошло с кандидатами на последних выборах в Московскую городскую Думу от объединённого демократического движения «Солидарность»). Пока обиженные не могут рассчитывать на широкую поддержку населения, пока не возникает веских причин – и нет организационных возможностей – для массового, масштабного протеста, публичные акции не представляют серьёзной угрозы для власти.

Таковы современные тенденции развития правозащитного движения в России.

Примечания

1. См., подробнее: Гражданский форум: Год спустя / Под ред. Н.М.Дорошевой. М.: САФ, 2003.

2. См.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ (в редакции от 23 июля 2010 года) «Об Общественной палате Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

3. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. № 1 (31). С. 6-24.

4. См.: Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 2004 года № 1417 (в редакции от 10 февраля 2009 года) «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека». // Собрание законодательства РФ. 2004. № 46 (ч. II). Ст. 4511.

5. См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 26 мая 2004 года «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». // Российская газета. 2004. 27 мая.

6. См., например: Грин С., Робертсон Г. Новое рабочее движение. // Pro et Contra. 2008. № 2-3 (41). С. 36-58.

7. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ). // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА В КОРПОРАТИВНЫХ НОРМАХ И НОРМАХ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С. В. Кружкова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Категория «интереса», «законного интереса» в науке права рассматривалась неоднократно; в сущности, интерес является одной из основных характеристик права, которая и позволяет последнему выполнять функцию универсального регулятора и синтезатора разнородных общественных потребностей.

Интерес движет людьми, служа одним из самых значимых мотивов совершения действий. Вступая в правоотношение, лицо руководствуется своим личным интересом, в то же время, признавая и подчиняясь интересу публичному, государственному.

Сознательное ограничение и отказ от некоторых стремлений «в пользу общества» объясняется по-разному – начиная от психологической теории права Л.Петражицкого и заканчивая идеей Л.Дюги об отсутствии у людей субъективных прав и необходимости подчиняться объективному праву в силу взаимной зависимости.

В любом случае, каждая из выдвинутых теорий объясняет лишь один феномен – подчинение государственно-властному велению. Однако в обществе существуют и иные регуляторы, которые действуют на него не в меньшей, а иногда и большей степени, нежели нормы права: обычаи, традиции, нормы морали, религии, корпоративные нормы, нормы саморегулируемых организаций и др. Опуская глобальный вопрос о том, почему лица вообще подчиняются социальным регуляторам и праву в частности, представляется целесообразным отдельно рассмотреть принцип действия двух последних регуляторов – корпоративных норм [1] и норм саморегулируемых организаций [2].

Несмотря на то, что вырабатываются они на одном уровне – уровне юридического лица, между ними имеются серьезные различия, которые определяют их силу и механизм принудительного обеспечения. Как представляется, именно интересы и потребности членов (участников) организации будут определять эффективность действия таких норм: чем более лицо заинтересовано в достижении с помощью организации того или иного результата, тем более приемлемыми для него будут казаться возможные ограничения прав и возложение дополнительных обязанностей.

Возможность удовлетворения потребностей членов организаций обуславливается структурой правоотношений, участниками которых они являются. Корпоративные правоотношения являются общими как для корпораций, так и для саморегулируемых организаций, однако, по мнению автора, различаются по характеру социальных связей, устанавливаемых между организацией и ее членами.

Корпоративное правоотношение строится по классической схеме «должник-кредитор», в которой субъективному праву члена корпорации корреспондирует соответствующая юридическая обязанность самой корпорации. Смена интересов членов корпорации обуславливает динамику правоотношений, при этом для выражения, опосредования своего интереса им предоставлены права: вступать (или не вступать) в корпорацию, участвовать в управлении и получать информацию о деятельности корпорации, выйти из нее, получить часть ее имущества или компенсацию стоимости такой части при выходе и т.д. Соответственно, поведение членов в рамках предоставленных им прав обеспечивается обязанностями корпорации.

Саморегулируемые организации, в отличие от «обычных» корпораций обладают иными обязанностями: разрабатывают и устанавливают условия членства субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в саморегулируемой организации, применяют в отношении своих членов меры дисциплинарного воздействия, рассматривают жалобы на их действия, осуществляют анализ деятельности своих членов, обеспечивают информационную открытость их деятельности [3], осуществляют иные обязанности, предусмотренные федеральным законом «О саморегулируемых организациях» и иными законами.

Какие права членов обеспечиваются исполнением указанных обязанностей? Законодательные акты, регулирующие деятельность саморегулируемых организаций, не содержат указаний на предоставление членам таких организаций каких-либо субъективных прав в части разработки документов СРО, применения мер воздействия и т.д. С трудом можно отнести такую деятельность и к управлению организацией.

Согласно теории построения гражданских правоотношений объект правомочия и объект обязанности должны совпадать. Однако судя по содержанию перечисленных обязанностей, они не направлены на обеспечение реализации прав членов СРО. Обязанности возлагаются на саморегулируемую организацию нормами объективного права, а следовательно, и выполнены должны быть перед государством [4].

К аналогичному выводу приводит и анализ целей, стоящих перед саморегулируемыми организациями соответствующих видов: регулирование и обеспечение деятельности арбитражных управляющих [5], обеспечение условий осуществления аудиторской деятельности [6], обеспечение условий профессиональной деятельности участников рынка ценных бумаг [7], повышение качества выполнения работ, предупреждение причинения вреда жизни, здоровью или имуществу вследствие недостатков работ, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства и выполняются членами саморегулируемых организаций [8] и др.

Нет оснований полагать, что достижение указанных целей позволит удовлетворить частные потребности лиц, вступающих в саморегулируемые организации.

Оказывается под угрозой и удовлетворение потребностей самой саморегулируемой организации – императивные нормы, возлагающие на нее преимущественно обязанности и минимум обеспеченных прав, скорее обеспечить охрану и защиту общественного интереса, нежели интереса СРО.

Социальные нормы юридически фиксируют и регламентируют наиболее важные, нуждающиеся в защите интересы. Нельзя утверждать, что саморегулируемые организации не признают интересов своих членов (их можно защитить в рамках охранительных правоотношений), но механизм выработки норм саморегулируемых организаций и их принудительная реализация свидетельствуют о том, что проявление инициативы, самостоятельности в этой сфере не поощряется.

Корпоративные нормы, построенные большей частью на принципе согласования, по мнению автора, предполагают более широкие возможности для поддержания и реализации интересов участников корпоративных правоотношений, в то время как положительный эффект действия норм саморегулируемых организаций будет поддерживаться искусственно, с помощью применения санкций.

Литература

1) В данном случае под корпорацией понимается любое юридическое лицо, основанное на началах членства. Корпоративные нормы трактуются как нормы, принимаемые корпорациями и регулирующие отношения между их членами и самой корпорацией.

2) Под нормами саморегулируемых организаций понимаются нормы, содержащиеся в стандартах и правилах саморегулируемых организаций.

3) Федеральный закон от 01.12.2007г. №315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 27.07.2010г.). Собрание законодательства РФ, 03.12.2007, №49, ст. 6076. Ст.6

4) Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 52

5) Федеральный закон от 26.10.2002г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от ред. от 27.07.2010). Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, №43, ст. 4190. Ст.2

6) Федеральный закон от 30.12.2008г. №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 01.07.2010). Собрание законодательства РФ, 05.01.2009, №1, ст. 15. Ст.17

7) Федеральный закон от 22.04.1996г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 04.10.2010). Собрание законодательства РФ, №17, 22.04.1996, ст. 1918. Ст.48

8) Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004г. (ред. от 27.07.2010г.) №190-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16. Ст.55.1

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО (ПОНЯТИЙНОГО) ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. С. Салий

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург)

Современный этап развития общества характеризуется формированием и развитием сферы точных информационных технологий и сферы информации. От таких категорий, как точность и чёткость предоставляемой информации, в наше время зависит специфика и сущность общественных отношений. Показатели чёткости и точности имеют большое значение для правового регулирования общественных отношений (степень полноты охвата нормами права сфер общественных отношений, а также степень эффективности их регулирования зависит от точного и чёткого отражения специфики общественных отношений). Это будет способствовать повышению уровня эффективности правового регулирования.

В правовом аспекте, практическим выражением обозначенных категорий, по мнению автора, выступает понятийный аппарат, под которым необходимо понимать определённую совокупность понятий и определений, раскрывающих сущность, структуру, признаки, содержание и иные характеристики того или иного общественного отношения.

Понятийный аппарат должен содержать определения, соблюдающие условия категорий точности и чёткости, что непосредственно приводит к улучшению качества правового регулирования.

Современная система нормативных правовых актов РФ обладает рядом недостатков. Проблемной до сих пор остается сфера терминологического подхода к разработке определений. Эти недостатки выражаются в ряде аспектов: во-первых, далеко не все действующие нормативные правовые акты содержат в себе определения, которые отражают сущность и специфику тех общественных отношений, на регулирование которых направлен данный акт. Во-вторых, содержащиеся в нормативных правовых актах определения либо не чётко, либо не полностью отражают специфику общественных отношений. Часть используемых понятий и терминов являются либо не имеют точного определения, либо неоднозначными, т.е. употребляющимися в различных, не всегда разводимых, значениях. Следует придерживаться принципа однозначности

И, в-третьих, несколько нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения, содержат единые определения, которые отражают противоположные признаки. Тем самым, третий аспект выступает в качестве предпосылки возникновения противоречий (коллизий) между нормами права.

В целях более четкого обозначения проблемы, по мнению автора, целесообразно привести конкретизирующие примеры.

Примером первого проблемного аспекта может выступать факт отсутствия в Земельном Кодексе РФ понятия земли, как объекта, представляющего собой ядро общественных отношений, регулируемых указанным кодифицированным актом. Статья 6 Земельного кодекса РФ устанавливает, что объектами земельных отношений (регулируемых земельным законодательством) являются: «Земли, как природный объект и природный ресурс; земельные участки; части земельных участков». И встаёт вопрос – как может регулироваться неопределённый объект (ведь если отсутствует понятие земли, нет её признаков то, какое конкретное содержание этого понятия регулируется земельным законодательством?). По мнению автора, приведенное понятие земли, есть не что иное, как определение границ регулирования земельным законодательством. Если же в настоящий момент данное понятие законодательно не закреплено, то это является пробелом.

Второй проблемный аспект, по мнению автора, носит двоякий характер и выражается в следующем. Во-первых, определения не отражают всей совокупности признаков конкретных общественных отношений (т.е. регулируемые нормативным правовым актом, в котором содержатся указанные определения). Во-вторых, нормативный правовой акт не содержит необходимой совокупности определений для полного и точного отражения сущности регулируемых общественных отношений. Вопрос о необходимой и достаточной совокупности определений, необходимо разрешать исходя из совокупности входящих в их структуру социально-значимых явлений (выступающих ядром указанных отношений). Например, сфера труда и занятости включает в свою структуру следующие социально-значимые явления, как: труд, заработная плата, гарантии и льготы, отдых, трудовые споры и пр. Таким образом, нормативные правовые акты, регулирующие сферу труда и занятости (в первую очередь Трудовой кодекс РФ) должны содержать определения всех указанных аспектов.

Например, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее УПК РФ) отсутствуют определения «подсудимый», «осужденный», «оправданный», а также нормы, определяющие их уголовно-процессуальный статус. Кроме того, отсутствует четкость и определенность в объеме предоставляемых прав. Например, в ст. 16 УПК РФ, посвященной принципу обеспечения подозреваемого и обвиняемого права на защиту, заложено определенное несоответствие. Исходя из смысла указанной статьи, право на защиту не гарантируется подсудимому и осужденному. В норме статьи 47 УПК РФ четко зафиксировано, что обвиняемый пользуется помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных УПК РФ, тогда как в норме статьи, относящейся к подозреваемому указание на бесплатность отсутствует.

Примером второй части проблемного аспекта может послужить отсутствие в законодательстве, регулирующем сферу авторских и патентных прав в сфере глобального информационного пространства (речь идёт о сети Internet), определения интернет сайта. По данному вопросу Е. С. Басманова, отмечает следующее: «В связи с существующими противоречиями между

авторским и патентным законодательством возникают следующие юридические проблемы: идентификации интернет-сайта как результата интеллектуальной деятельности... Пути решения указанных проблем заключаются в законодательном закреплении понятия интернет-сайта, указывающего на его комплексную природу» [1].

Проблема третьего проблемного аспекта выступает в качестве предпосылки зарождения коллизий между различными нормативными правовыми актами. Некоторые нормативные правовые акты (например, Гражданский кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ и др.) содержат определения отражающие сущность и специфику соответствующих общественных отношений, но с разных позиций. Например, схожие и в тоже время разные определения должностного лица содержат УК РФ и КоАП РФ. Принципиальная разница состоит в том, что определение, закреплённое в примечании к статье 2.4 КоАП РФ отражает «дополнительные признаки» по сравнению с определением, закреплённым в УК РФ («то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него»). Данный пример свидетельствует об отсутствии «мононорматизма» (единства) в толковании понятия должностного лица, а также свидетельствует о наличии противоречия в указанных нормах. Данной точки зрения придерживается и С.В. Федосеева, отмечая следующее: «В законодательстве не содержится единого понятия должностного лица, которое могло бы применяться ко всем отраслям права...» [2. С. 54].

Однако следует указать и на то обстоятельство, что указанные нормативные акты не должны содержать единого определения должностного лица в связи с тем, что: «...каждый тип отношений, регулируемый нормами определенной отрасли законодательства, имеет свою специфику, и понимание одних и тех же категорий зачастую должно детерминироваться особенностями конкретной сферы правоприменения» [2. С. 55]. Однако не следует отрицать возможности наличия в Российском законодательстве терминологических коллизий, нарушающих правильное толкование норм и отрицательно влияющих на уровень эффективности правового регулирования (например, понятие должностного лица в *ГК РФ*).

По мнению автора, проблемы понятийного аппарата можно решить путём создания единого терминологического кодекса РФ, представляющего собой свод основных определений из различных отраслей права. При этом определения должны быть приведены в «широком смысле» и должны включать наиболее общие признаки соответствующих социально-значимых явлений общественных отношений. Кроме того, каждый нормативный правовой акт, регулирующий конкретные отношения должен содержать свой узконаправленный понятийный аппарат, включающий определения социально-значимых явлений в узком смысле конкретизирующего характера.

Помимо вышеуказанного, необходимым условием эффективного функционирования предлагаемого механизма является законодательное закрепле-

ние правила, в соответствии с которым, в случае возникновения коллизии между определениями, закреплёнными в различных нормативных правовых актах необходимо прибегать к определению, закреплённому в Терминологическом кодексе (а именно, к определению в широком смысле).

По мнению автора, предлагаемый механизм, в случае его реализации на практике, обеспечит: «мононормативный характер» понятийного аппарата всей совокупности нормативных правовых актов; конкретизацию указанного аппарата в содержании нормативных актах разного уровня; наличие процедуры устранения терминологических коллизий.

Обобщая всё вышеизложенное, автор приходит к следующим выводам: 1) Отсутствие в действующем законодательстве РФ единого терминологического аппарата, закреплённого в кодифицированном нормативном правовом акте; 2) Наличие ряда проблем вызванных «терминологическим несовершенством» законодательства РФ; 3) Не закреплённость процедуры разрешения терминологических коллизий на законодательном уровне; 4) Необходимость принятия кардинальных мер по разрешению указанных выше пробелов.

Предпринимаемые меры должны преследовать цель точного и чёткого отражения специфики и особенностей регулируемых общественных отношений.

Литература

1. Басманова Е.С. Проблемы юридических противоречий в Российском праве // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 15 – 17.
2. С.В. Федосеева Понятие «должностное лицо»: неоднозначность в толковании // Администратор суда. 2009. № 1. С. 54 – 56.

ПРИНЦИПИАЛЬНО-СХЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМИОТИКИ ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА, СПЕЦИФИКА

О. В. Павлышин

Национальная академия внутренних дел (Киев)

Современные семиотические исследования имеют глубокую теоретическую основу, опираются как на труды классиков – философов и лингвистов, так и на результаты деятельности тартуско-московской школы семиотики и зарубежных ученых нашего времени. Они посвящены знаковой природе культуры в целом и отдельных ее проявлений, особенностям знаковой организации социального пространства и другим вопросам. В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес представляют труды по семиотике политики, символизму тоталитарной эпохи (Г.Г. Почепцов, И.А. Лебедев), семиотические исследования политико-правовых феноменов (Н.И. Хабибулин

на, Р.А. Рахимов, А.Г. Хабибулин, Е.И. Шейгал), а также определяющие отечественную традицию развития этой отрасли исследований работы собственно по семиотике права (А.А. Денисова, Н.И. Хабибулина, А.К. Саркисов, С.Э. Зархина, В.Д. Титов и другие) [1-9].

Объектом семиотики права является правовая реальность в ее знаковом воплощении, то есть знаковая организация правовой реальности.

Предмет семиотики права может быть определен как закономерности функционирования и развития права как знаковой системы, отношения между правовыми знаками, между знаками и обозначаемыми правовыми явлениями, а также специфика социального отражения и восприятия правовых знаков.

Изучение правового бытия с точки зрения его семиотической интерпретации может осуществляться в следующих основных направлениях, которые определяют строение семиотики права в содержательном аспекте:

1) семиотика естественного права как правового идеала и источника права (в этом направлении интересно выявление закономерностей и связей человеческого бытия как такового с правовыми идеалами и принципами);

2) семиотика закона (в этом направлении важно определение характера связи и корреляции естественного права и закона, формально определенного нормативного волеустановления);

3) семиотика правовых отношений (это направление имеет наиболее практически ориентированный характер в современном обществе, важной проблемой является соотношение текста закона и правовой действительности).

Структуру семиотики права можно рассматривать также с точки зрения составляющих общей семиотики, отражающих направленность и инструментальные особенности исследования. С этих позиций возможно выделение таких отраслей, как:

– синтактика права (рассмотрение системы внутренних отношений между правовыми знаками);

– семантика права (исследование отношений между правовым знаком и его значением);

– прагматика права (анализ проблем интерпретации правовых знаков, их ценности, отношений субъектов права к правовым знакам).

Наряду с подобным принципиальным разграничением, возможно также отраслевое деление семиотики права и по другим критериям, соответственно определяющее специфику семиотических исследований формальных связей между правовыми знаками, содержания знаковых форм и социальных контекстов реализации правовых предписаний, знакового устройства отдельных отраслей и институтов права, конститутивных элементов правовой системы и взаимосвязей между ними, различных аспектов знаковой организации и функционирования правовой реальности.

Семиотические исследования правовых явлений проводятся с использованием как специальной, так и общенаучной методологии, что позволяет ин-

тегрировать полученные результаты в систему правового знания. При этом семиотика права имеет как интегративное, так и самостоятельное методологическое значение, а также может рассматриваться не только как отрасль знаний и правовых исследований, но и как метаюридическая методология философско-правового дискурса.

В связи с этим, среди основных функций семиотики права следует отметить: 1) познавательную (информационную); 2) методологическую; 3) интегративную; 4) символично-отражательную; 5) прогностическую.

Важное значение для развития семиотики права безусловно имеет изучение языка права. В пространстве естественных и искусственных семиотик язык выполняет посреднические функции. Знаковые средства фиксации абстрактно-логического знания унаследовали от естественного языка его основной конструктивный принцип – уровневое строение. В своем генезисе поведение формировалось на основе запретов и предписаний, и тогда, как в оппозиции культурных семиотик, противопоставленных по значимости в них субъективно-чувственных и объективно-рациональных значений поведение, с одной стороны, и искусственные семиотики, с другой, занимают полярные позиции, право является комплексной и синтетической знаковой системой, объединяющей различные по своему внешнему выражению семиотические объекты.

Литература

1. Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии. — К. : Глобус, 1994. — 152 с.
2. Лебедев И.А. Семантика и семиотика в культуре тоталитарных обществ: миф, символ, ритуал: Дис ... кандидата философских наук: 24.00.01. — Санкт-Петербург, 2006 – 163 с.
3. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа / Р.А. Рахимов, А.Г. Хабибулин // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59.
4. Хабибулина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона: теоретико-методологическое исследование: Дис... доктора юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2001 - 335 с.
5. Денисова А.А. Семантика терминов общей теории права (парадигматический аспект): Дис... канд. филолог. наук: 10.02.01. - Москва, 1992. -177 с.
6. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 1996. – 146 с.
7. Саркисов А.К. Семиотика права: Историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 - Коломна, 2000 - 222 с.
8. Речицкий В. Символічна реальність і право / В. Речицкий. – Л.: ВНТЛ–Класика, 2006. – 732 с.

9. Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. – Харьков: ФИНН, 2009. – 432 с.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. А. Магомедов

Сибирская академия государственной службы (Новосибирск)

Критерии отнесения к категории МСП в РФ закреплены в Федеральном Законе от 24 июля 2007 года № 209 – ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (Далее ФЗ «О развитии МСП»). По мнению автора, можно выделить четыре общих критерия (соответствующих как статистическим, так и декретным (политическим) целям выделение субъектов МСП), и один чисто декретный характер. Рассмотрим более подробно каждый из критериев отнесения предприятий к категории МСП:

1. В ч. 1 ст. 14 ФЗ «О развитии МСП» закреплены следующие виды субъектов: потребительские кооперативы; коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий); индивидуальные предприниматели); крестьянские (фермерские) хозяйства.

Все указанные субъекты являются участниками коммерческой, экономической деятельности, что представляется логичным и следует из самой природы МСП. Однако нововведением закона является то, что к категории МСП могут быть отнесены и некоммерческие потребительские кооперативы. Целью такого нововведения, как нам представляется, является поддержка взаимного кредитования участников кооперативов с членством в них субъектов МСП.

Так же в законе прямо запрещено отнесение государственных и муниципальных предприятий к категории МСП, тем самым вносится ясность в вопрос о том, что МСП не могут быть созданы на базе государственного и муниципального имущества.

2. В ч. 1 ст. 4 так же определены две категории субъектов МСП со средней численностью работников за предшествующий календарной год: до 100 человек включительно – малые предприятия, внутри которых выделяются микропредприятия с численностью до 15 человек; от 101 до 250 человек – средние предприятия.

Как мы видим в отличие от ч. 1 ст. 3 ФЗ от 14 июня 1995 года № 88 – ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», утратившего на сегодняшний день силу, при определении средней численности работников не учитывается отраслевая принадлежность предприятия. Видимо законодатель решил отказаться от этого принципа учи-

тывая ту особенность, что в РФ малые предприятия носят в большинстве своем многопрофильный характер, а так же из-за возможных трудностей при определения оптимального количества работников необходимых для нормального функционирования предприятия. Потому что в той же промышленности существует множество отраслей: нефтяная, газовая, химическая, пищевая, текстильная и др. и минимальное количество необходимых сотрудников сильно различается.

В тоже время существовала и проблема диспропорции в распределение малых предприятий по территориям РФ. По мнению Л.Т. Ибадовой задачей государственных и муниципальных органов власти должно быть выделение приоритетных отраслей развития малого бизнеса (промышленность, сельское хозяйство, научно-техническая сфера), а значительное расширение круга субъектов МСП может привести к тому, что реальная помощь будет оказана не всем субъектам МСП или же размер её будет весьма незначительным [1, с. 77-82]. Такая позиция представляется весьма интересной, но в то же время приоритет отрасли развития в разных регионах и в разных муниципальных образованиях может существенно различаться, а направление деятельности государственных и муниципальных по поддержке МСП можно регулировать и соответствующими государственными и муниципальными программами по поддержке субъектов МСП, а не путем полного исключения предприятий неприоритетной отрасли из категории МСП.

3. Критерий самостоятельности предприятия позволяет ограничить недобросовестное использование льгот и помощи со стороны государства крупным предприятиям и тем самым четко выделить субъект поддержки – самостоятельные и независимые хозяйствующие организации. Субъектами МСП могут стать только предприятия, у которых суммарная доля участия государства и МО, иностранных граждан и юридических лиц, общественных, религиозных организаций, фондов, юридических лиц (не субъектов МСП) в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) не превышает двадцать пять процентов (за не которым исключением).

4. Введение стоимостного критерия (сумма выручки от реализации товаров, услуг или балансовая стоимость активов) вызывало у исследователей ряд опасений, связанных с непостоянством этих показателей, которые должны регулярно корректироваться, учитывая ежегодную инфляцию и динамику развития сектора МСП, а так как изменение федерального закона достаточно долгая и сложная процедура, то своевременной корректировки показателей может и не произойти, что в дальнейшем приведет к сдерживанию дальнейшего развития этого сектора. Во избежание такой ситуации, законодатель пошел по пути установки предельного значения названного критерия, Правительством РФ для каждой категории субъектов МСП один раз в пять лет с учетом данных сплошных статистических наблюдений за их деятельностью (ч. 2 ст. 4 Закона № 209-ФЗ) с целью формирования специализированных программ поддержки.

Стоит отметить, что законодатель отказался от региональной дифференциации критерия выручки. С одной стороны это упрощает учет и статистическое наблюдение за сектором, соблюдает экономическую становую целостность, позволяет относительно просто пересматривать и корректировать пороговые значения, но с другой стороны уменьшается эффективность учета специфики регионального развития и адресной поддержки субъектов МСП.

5. Цель осуществляемой деятельности. В ч. 3 ст. 14 ФЗ «О развитии МСП» приведен перечень видов деятельности, при осуществлении которых малые и средние предприятия не могут рассчитывать на поддержку органов государственной власти и органов местного самоуправления (кредитные организации, инвестиционные фонды, и др.), а в ч. 4 ст. 14 указанного закона (осуществляющие производство и реализацию подакцизных товаров, а также добычу и реализацию полезных ископаемых, за исключением общераспространенных) – на финансовую поддержку названных органов. Но с точки зрения статистических целей – указанные предприятия не лишаются статуса МСП.

Литература

1. См.: Ибадова Л.Т. Некоторые проблемы понятия субъекта малого предпринимательства // Государство и право 2005. № 9.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Загуляев

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Современные условия общей финансово-экономической нестабильности, сопровождающиеся замедлением темпов развития большинства отраслей российской экономики, предусматривают сосредоточение усилий органов государственной власти на поиске новых путей преодоления кризисных явлений.

Как показывает мировой опыт, одним из наиболее эффективных механизмов посткризисной регенерации экономики является поддержка предпринимательской деятельности, а именно его массовой формы – малого и среднего предпринимательства. Во многом это связано с высокой мобильностью малых и средних форм хозяйствования, их возможностью оперативно создавать новые рабочие места, заполнять перспективные рыночные ниши и внедрять инновационный продукт.

В экономически развитых странах малый и средний бизнес определен в качестве особого объекта законодательного регулирования, так как произво-

димая в этом секторе продукция составляет большую часть валового национального продукта и экспорта.

Сегодня мы можем констатировать стратегическое понимание органами государственной власти Российской Федерации важной роли малого и среднего предпринимательства в экономическом развитии страны и формировании среднего класса.

Повышение роли малого и среднего предпринимательства в современной экономике России является гарантией стабильного увеличения объема налоговых поступлений в бюджет страны.

Правительство Российской Федерации распоряжением от 17 ноября 2008 г. № 1663-р включило развитие малого и среднего предпринимательства в Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года и поставило задачу значительного увеличения роли малых и средних форм хозяйствования в экономической жизни российского государства.

При этом определена основная задача - повышение вклада малых предприятий в ВВП страны с 21% в 2008 году до 29% к 2012 году (в 2005 году подобный показатель составлял 12% и 11,6% в 2006 году соответственно), в занятости населения - до 23%; доли неторгового сектора – до 40%, а в выпуске инновационной и высокотехнологичной продукции – увеличение к 2012 году в 6 раз.

Государство предприняло немало реальных шагов, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства. Упрощается открытие собственного дела, сокращаются административные барьеры, совершенствуются контрольно-надзорная деятельность, сфера налогообложения, система электронных торгов и т.д.

Вместе с тем, очевидно, что успех малого и среднего предпринимательства зависит не только от создания благоприятной макроэкономической, но и, прежде всего, правовой среды, отвечающей интересам всех участников гражданского оборота в этой сфере.

Несмотря на интенсификацию усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области развития и поддержки малого и среднего предпринимательства, сохраняется ряд серьезных проблем, препятствующих успешному развитию указанного сектора отечественной экономики.

К числу факторов, сдерживающих развитие малого и среднего предпринимательства, относятся проблемы правового регулирования имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и арендных отношений указанных субъектов с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Ключевым документом, обеспечивающим имущественную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства является Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъек-

тов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон).

Федеральный закон призван урегулировать правоотношения, возникающие в связи с отчуждением из государственной собственности субъектов Российской Федерации либо муниципальной собственности недвижимого имущества, арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства. В нем отражены особенности отчуждения арендуемого имущества, условия предоставления и порядок реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества, определены последствия несоблюдения требований к порядку совершения сделок по возмездному отчуждению государственного или муниципального имущества.

Основная цель Федерального закона – оказание адресной государственной поддержки предприятиям малого и среднего предпринимательства посредством установления для них преференций в приватизации арендуемых объектов недвижимого имущества.

Однако при его реализации предприниматели сталкиваются с серьезными проблемами.

Одна из них связана с нежеланием органов местного самоуправления продавать муниципальное имущество. Действующее законодательство дает право органам государственной власти субъектов Российской Федерации или органам местного самоуправления, уполномоченным на осуществление функций по приватизации имущества, принимать решения о целесообразности приватизации имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности.

Часто органы местного самоуправления при организации выкупа помещений завышают рыночную стоимость выкупаемого помещения.

Другой проблемой является затягивание сроков рассмотрения заявок и отказы в выкупе.

Следующий круг выявленных проблем реализации Федерального закона – это перевод выкупаемого имущества в региональные и муниципальные перечни поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, доначисление налога на добавленную стоимость, неравномерная рассрочка платежей, продажа помещений «своим» компаниям.

Еще одной нормой Федерального закона, влияющей на динамику выкупа помещений, является предоставление права субъектам Российской Федерации устанавливать максимальную площадь помещений, на которые распространяется право преимущественного выкупа.

Учитывая изложенное, институт имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, являясь одним из самых важных и востребованных субъектами малого и среднего предпринимательства, требует дальнейшего законодательного совершенствования.

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

С. Л. Парамонова

Институт Макса Планка (Фрайбург)

Вопрос юрисдикции возникает при решении любой правовой ситуации с иностранным элементом, в особенности в отношении трансграничных преступлений: какое государство уполномочено применять в отношении уголовного дела собственное национальное право. Свои особенности имеют решения в рамках Интернет-пространства [1].

Нормы, на основании которых определяется уголовная юрисдикция, закрепляются в нормах внутреннего законодательства. Эти нормы базируются на определенных принципах - юрисдикционных (территориальный принцип, принцип гражданства, реальный принцип, универсальный и др.). В некоторых государствах, в частности, некоторых штатах США [2], действуют специальные внутренние законодательные акты, регулирующие юрисдикцию в кибер-пространстве. Что касается, например, российского и немецкого права, то юрисдикция в Интернет-пространстве определяется на основе **традиционных принципов юрисдикции** (ст. 11-13 УК РФ; §§ 3-9 УК ФРГ), специальные законодательные предписания, касающихся юрисдикции в Интернет-пространстве отсутствуют [3].

Неограниченные возможности в Интернет-пространстве (*разнообразие информации, высокая скорость передачи информации, трансграничность, анонимность*) [4] с одной стороны и ограниченный контроль уголовного права - две полярности, которые характерны для Интернет-пространства. Национальное уголовное право по сравнению с Интернет-возможностями действует **в пределах своей юрисдикции**. В первую очередь юрисдикция государства распространяется на территорию государства, что свидетельствует о его суверенитете (*территориальный принцип*: ст. 11 УК РФ; § 3 УК ФРГ). Другим базовым принципом является *принцип гражданства* (распространение норм национального уголовного права на собственных граждан и постоянно проживающих на ее территории лиц независимо от места совершения преступления - ст. 12 УК РФ; §§ 5-7 УК ФРГ). Например, в Германии основополагающим принципом до 1975 был принцип гражданства [5]. В зависимости от национального законодательства существует ряд других принципов, определяющих границы действия национального уголовного закона, например, принцип универсальности [6].

Нормы, регламентирующие применение уголовного права - пределы юрисдикции, - относятся к материи национального права [7]. Главное назначение "**юрисдикционных норм уголовного права**", на которых основываются юрисдикционные принципы, - это определять случаи распространения уголовной юрисдикции соответствующего государства. Регламентация дан-

ных норм содержится в ст. 11-13 УК РФ в российском законодательстве и §§ 3-9 УК ФРГ в Германии.

Юрисдикционные нормы уголовного права в отличие от норм **международного частного права** (одностороннего коллизионного права) [8], предусматривают исчерпывающе случаи применения собственного внутреннего законодательства, не принимая во внимание юрисдикционных норм других государств. Таким образом, применимым, согласно юрисдикционным нормам как немецкого, так и российского уголовного права, может быть только соответствующее **национальное право**. При этом под немецким применимым уголовным правом понимается совокупность всех уголовных норм ФРГ (в границах объединенной Германии, на основании ст. 1 Договора об объединении) [9]. Наряду с УК ФРГ, сюда включаются дополнительные уголовные законы (*Nebenstrafrecht*), где могут содержаться новые составы преступлений [10]. Под российским уголовным правом понимается не только нормы, закрепленные в УК РФ, но также дополнительные уголовно-правовые нормы. Однако, что касается материального уголовного права, согласно п. 1 ст. 3 УК РФ, новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. Т.е. все составы преступления должны быть отражены в УК РФ, не в каких-либо иных законах. Так, к уголовно-правовому нарушению, в том числе, через Интернет, авторских прав будет применяться ст. 146, 147 УК РФ или соответственно §§ 106-111 "Закона об авторских правах ФРГ" [11], где предусмотрена уголовная ответственность.

Итак, при установлении *уголовной юрисдикции* какого-либо государства решается вопрос: какое государство уполномочено применять в отношении уголовного дела собственное национальное право [12]. Однако, признание юрисдикции того или иного государства еще не означает, что это деяние будет подлежать уголовной ответственности по законодательству данной страны. Положительное *решение о распространении юрисдикции* - это первое, но не единственное условие, которое должно быть соблюдено, чтобы лицо понесло уголовную ответственность в данном государстве. Второе условие - *деяние должно преследоваться по уголовному закону* данной страны - должно быть соблюдено. По российскому или немецкому законодательству это выражается в закреплении определенного состава преступления в национальном уголовном законе, например, в Особенной части УК РФ. Это положение вытекает из принципа законности: "нет наказания без закона" (ст. 3 УК РФ; § 1 УК ФРГ). Отсутствие первого или второго условия свидетельствует о том, что нет легитимационного основания применения соответствующего национального права [13].

Литература

1. *Парамонова С.Л.*: Уголовная юрисдикция в Интернет-пространстве: территориальный принцип в российском и немецком законодательстве / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения

(ИЗИСП), 2009, N 4, с. 77-85; *Парамонова С.Л.* Уголовное преследование транснациональных Интернет-преступлений / Материалы конференции (ИЗИСП), Москва, 2009, с. 327 - 331.

2. Например, Computer crime legislation of Arkansas: *Ark. Code Ann.* § 5-27-606 (2003); North Carolina: *N.C. Gen. Stat.* § 14-453.2 (2002).

3. *Paramonova S. L.* Transnational Cybercrimes: Problems of Jurisdiction and Solutions According to Russian and German Legislation. Kaspersky Lab, IT-Security for new Generation, Moscow, 2009, p. 12 – 14.

4. *Barton.* Multimedia-Strafrecht. Ein Handbuch für die Praxis, Neuwied 1999, S. 8; *Лоскутов И.* Сравнительный анализ международных норм законодательного регулирования Интернета в различных странах. Режим доступа: <http://www.medialaw.kz>.

5. Подробнее см.: *H. Jescheck/T. Weigend.* Starfrecht Allgemeiner Teil, 5. Auflage, Berlin 1996, S. 171 ff.; *Oehler D.*, Internationales Strafrecht, 2. Auflage, Köln 1982, S. 1 ff.

6. *Paramonova S. L.* The Principle of Universality. N 26, Revista Penale Universidad de Huelva, Spanien, 2010, p. 220 ff.

7. См. спор по поводу международной уголовно-правовой специфики: *Eser A.* Internet und internationales Strafrecht, Heidelberg, Müller, 2002, s. 305; *Ambos K.* Internationales Strafrecht, Rn. 1-5.

8. *Jescheck H. / Weigend T.* Allgemeiner Teil SR, S. 163; *Schroeder.* DA 68, 353; *Lehle.* Der Erfolgsbegriff und die deutsche Strafrechtszuständigkeit im Internet, S. 31.

9. *Troendle H.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze. 48. Auflage. Muenchen, 1997. S. 23.

10. *Wessels/Beulke*, Allgemeiner Teil SR, Rn. 44.

11. *Urheberrechtsgesetz* (Закон об авторских правах) vom 9. September 1965, BGBl. I S. 1273.

12. *Oehler D.* Internationales Strafrecht, S. 134, 135.

13. *Парамонова С.Л.* Уголовная юрисдикция в Интернет-пространстве: территориальный принцип в российском и немецком законодательстве / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения (ИЗИСП), 2009, N 4, с. 77-85.

К ВОПРОСУ О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАНИНА КАК ОБ ОБЪЕКТЕ ПОВЫШЕННОЙ ОХРАНЫ

С. И. Гутник

Сибирский федеральный университет

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, которая провозгласила высшей ценностью права и свободы человека и гражданина, в значительной степени изменился подход к пониманию прав человека. Так, в

ст. 2 Конституции указывается, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Вместе с тем, существуют различные аспекты жизнедеятельности человека, которые в значительной степени могут быть подвержены опасному воздействию со стороны внешних сил. Это так называемые объекты повышенной охраны. Они определяются как важнейшие свойства (отношения) системы, утратив которые она либо разрушится, либо трансформируется в другую [1, с. 12].

В качестве объектов повышенной охраны выделяют такие, как жизнь здоровье, честь и достоинство, половая неприкосновенность, собственность и иные конституционные права и свободы человека и гражданина. В целом, можно говорить, что объектами повышенной охраны называются наиболее важные стороны человеческой жизни.

К таким важным сторонам, на наш взгляд, следует относить и персональные (личные) данные гражданина.

Сегодня очень часто встает вопрос о том, имеется ли необходимость охраны личных или персональных данных гражданина, стоит ли за этим социально-криминологическое основание. Наша цель – доказать, что на сегодняшний день персональные данные нуждаются в усиленной охране со стороны государства.

О персональных данных как об особом объекте охраны стали говорить в России с подписанием Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке данных личного характера от 28.01.1981 (ETS N 108) [2]. Согласно указанной Конвенции государства-члены Совета Европы стремятся к уважению частной жизни граждан и в то же время соблюдения принципа свободного потока информации.

Впервые регулирование вопросов, связанных с персональными данными, было определено в Федеральном законе 1995 года «Об информации, информатизации и защите информации» (на сегодняшний день утратил силу). В нем персональные данные были представлены как информация о гражданах, то есть сведения о фактах, обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Такая информация сразу была отнесена к разряду конфиденциальной информации [3].

Затем вопросы защиты персональных данных были затронуты в Трудовом кодексе в связи с его принятием, ибо ТК РФ содержит отдельную главу 14 под названием «Защита персональных данных работника». В указанном нормативном акте персональные данные понимаются как информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника.

С введением в действие Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 года №152-ФЗ было сформулировано легальное определение персональных данных. Так, согласно этому закону, **персональными данными** называется любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на таком основании физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя отчество, год, месяц, дата и место

рождения, адрес, семейное и социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и иная информация.

Из данного определения можно сделать вывод, что законодатель предпочел перечислить виды персональных данных, оставив перечень таких персональных данных открытым. Однако такое определение понятия персональных данных через перечисление их конкретных видов представляется нам неправильным. При определении того или иного понятия, прежде всего, необходимо исходить из его внутреннего содержания.

Персональные данные – это личная информация. Ее определяют также как сведения об окружающем мире, которые уменьшают степень неопределенности, неполноты знаний о них [4, с. 206-207].

Применительно к персональным данным также необходимо выделять признак относимости к определенному субъекту. В данном случае субъектом всегда должно выступать физическое лицо. Сложно говорить о персональных данных иных субъектов правоотношений, таких, как юридические лица или публично-правовые образования.

Как указывает исследователь Э.А. Цадыкова, право на неприкосновенность частной жизни означает неприкосновенность личной информации [5]. С таким мнением можно согласиться. Однако понятия «персональные данные» и «личная информация» не следует между собой разводить. Дело в том, что личная информация представляет собой, другими словами, личные сведения о человеке (в нашем случае – гражданине). То же самое мы можем говорить и о персональных данных. Поэтому, на наш взгляд, законодательно было бы корректнее использовать понятие «персональные данные».

С точки зрения права, каждый гражданин представляет собой индивидуальное лицо, которое можно идентифицировать по определенным отличительным признакам. Такие признаки относятся к различным сторонам и сферам его жизни. Исходя из вышеизложенного, разумно было бы вывести определение персональных данных. С указанных позиций под **персональными данными** следует понимать информацию, сведения о физическом лице, которые позволяют отличить его от иных лиц.

Так, информация о семейном положении гражданина или информация о месте его работы составляет личную информацию о гражданине. Такая информация, прежде всего, необходима самому гражданину для того, чтобы непосредственно распоряжаться своими способностями к самореализации. Как указывают некоторые исследователи, каждому гражданину принадлежит изначально право определять объем личной информации, который может быть известен неопределенному кругу лиц [5]. Работая с определенными программами, каждое лицо идентифицирует себя в цифровом пространстве с помощью персональных данных, то есть соглашается с выдачей части информации о своей частной жизни. Однако в таких условиях информационный аспект частной жизни может быть подвержен различным правонарушениям. М.Е. Петросян и Н.Н. Разумович в этой связи справедливо указывают, что вторжение в сферу частной жизни приобретает очертания серьезного соци-

ального бедствия, в котором замешаны государство, влиятельные общественные организации, крупные монополии, потому что информация о личности рассматривается «как экономически выгодный товар и как источник власти» [6, с. 6].

Чем же характеризуются правонарушения в области персональных данных? Во-первых, правонарушения в отношении персональных данных гражданина имеют латентный характер, поскольку субъект персональных данных может и не догадываться о совершенных в отношении его незаконных сборе, обработке, хранении, уничтожении и передаче персональных данных, а также внесении в эти данные преднамеренных искажений [5]. Дело в том, что персональные данные как информация заносятся на определенные информационные носители, которые могут представлять из себя различные базы данных, документы, данные обработки и т.д. Таким образом, если они выпали из поля зрения субъектов персональных данных, а находятся в руках иных лиц, возможны различные злоупотребления с их стороны.

Во-вторых, само по себе распространение персональных данных не столько наносит ущерб личности, сколько создает возможность для причинения ущерба. Другими словами, распространение той или иной информации о гражданине может и не причинить напрямую ущерб этому гражданину. Однако если эти персональные данные становятся известны лицам, которым эта информация необходима для совершения с ее помощью неправомерных действий, то в таком случае распространение персональных данных становится фактором, способствующим совершению правонарушений и последующего причинения вреда.

В-третьих, персональные данные гражданина могут содержаться в документах, на которые распространяется режим охраняемой законом тайны – банковской, коммерческой, государственной и т.д. Поэтому персональные данные становятся частью информации, которая напрямую охраняется в силу положений закона.

Персональные данные могут охватывать практически все сферы жизни индивида. Потому совершенно очевидно, что ввиду такой сложной природы они могут потенциально охраняться на условиях других режимов конфиденциальности/секретности, в частности на условиях режима государственной тайны, коммерческой тайны, служебной тайны и многих видов профессиональных тайн (врачебной, нотариальной, тайны усыновления и т.д.). На подобный вывод наталкивает анализ целого ряда положений Закона, по смыслу которых персональные данные составляют одновременно: государственную тайну (ч. 2 ст. 1), личную, семейную тайну, тайну частной жизни (ст. ст. 2, 12), врачебную тайну (п. п. 3 - 4 ч. 2 ст. 10 и ст. 12), тайну следствия (п. 6 ч. 2 ст. 10), тайну правосудия и оперативно-розыскной деятельности (ст. 11) [7, с. 34-37].

Исходя из вышесказанного, мы видим, что персональные данные как информация личного характера о гражданине может быть объектом посягательства со стороны различных субъектов. Если нет четкого механизма регулиро-

вания охраны персональных данных, то отсутствие охраны изначально означает высокую криминогенность данного явления. Наличие потенциальных посягательств на персональные данные гражданина объясняет необходимость их усиленной охраны со стороны государства.

Сказанное ранее позволяет сделать вывод о том, что о персональных данных гражданина следует говорить как об объекте повышенной охраны. В связи с чем, государство должно предпринять все меры, чтобы этот объект был надежно защищен.

В заключение отметим, что на сегодняшний день принято множество нормативных актов, содержащих в себе указание на правовые меры по защите персональных данных. Использование мер безопасности по отношению к персональным данным позволит надежно и эффективно их защитить.

Литература

1. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности: лекция / Краснояр. гос. ун-т; Н.В. Щедрин. Красноярск: Юридический институт КрасГУ, 2006.
2. Полякова О.Н. Персональные данные: отсрочка на год / О.Н. Полякова // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2010. №1.
3. Интернет-ресурс // <http://www.gpntb.ru/win/ruszak/ip/pravo1.html>
4. Междисциплинарный словарь по менеджменту / Под общ. ред. С.П. Мясоедова. М., 2005.
5. Цадыкова Э.А. Гарантии охраны и защиты персональных данных человека и гражданина / Э.А. Цадыкова // Конституционное и муниципальное право, 2007. №14.
6. Петросян М.Е., Разумович Н.Н. Информация и личность. Правовые аспекты: Научно-аналитический обзор литературы США. М., 1979.
7. Баранов В.М. Категория "частная жизнь" // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Н. Новгород, 1999.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ И ДИНАМИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Е. В. Пуляева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Реализация права на образование, как выражение социальной активности человека находит свое отражение практически во всех сферах его жизнедеятельности и таким образом образовательные нормы вплетены в структуру многих отраслей законодательства (законодательство о культуре, об охране

здоровья граждан, о физкультуре и спорте, миграционное законодательство (экспорт образовательных услуг) и т.п.).

Право на образование постоянно стремится к своему расширению, прежде всего за счет раздвижения границ в возможностях удовлетворения образовательных потребностей человека (например, в виде расширения форм получения образования - дистанционное обучение, расширения правовых возможностей осуществления интеллектуальной деятельности и использования ее результатов в процессе образования - создание малых инновационных предприятий высшими учебными заведениями, в целях практического применения результатов интеллектуальной деятельности). Отсюда, раздвижение границ правового регулирования связано с активным вовлечением норм технико-юридического характера с целью обеспечения возникновения и развития правоотношений в соответствующей части в сфере образования. Однако, обратной стороной возрастающей роли норм технико-юридического характера - процесс передачи знаний начинает носить все более технологичный характер, является ограничение граждан в реализации принадлежащих им прав в сфере образования функциональными способностями применяемых технологий. Активное влияние на себе испытывают процедурные гарантии реализации прав граждан. Так, оценка знаний в рамках итоговой аттестации с применением компьютерных технологий, в частности ЕГЭ, полностью зависит от соблюдения формальных требований при даче ответа.

Государство же гарантирует каждому право на образование (ст. 43 Конституции РФ). Отсюда, вытекает, что государство с помощью различных условий и средств необходимо должно оказывать содействие гражданам в реализации их права на образование. Между тем, в реализации данной функции, акцент смещается в сторону использования инструментов «опосредованного» действия. Когда в создании условий и предпосылок для реализации образовательных прав все более участвуют негосударственные институты, в том числе органы местного самоуправления (образовательные организации дошкольного уровня образования, дополнительное образование, бесплатность образования в рамках федерального государственного образовательного стандарта и т.п.) – государство институализирует их участие, налагая обязательства. Приоритетный же характер приобретает направление обеспечения качества образования, но прежде всего усложнение и ужесточение правовых режимов в осуществлении контрольных функций за качеством образования, что отражается на всех уровнях нормативной регуляции и в том числе локальных актах образовательных организаций. Практически относительно всех видов локальных актов приняты инструкции об их структуре и содержании. Наличие и качество уставных и иных документов, регламентирующих деятельность образовательного учреждения является критерием оценки эффективности работы государственных образовательных учреждений.

Однако, здесь необходимо отметить, что поскольку образовательный процесс по своему содержанию носит творческий, и не следует забывать воспитательный характер (преамбула Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об

образовании»), требования, обеспечивающие качество образования обращены к формальной стороне вопроса, и как следствие, увеличивая документальный оборот внутри образовательной организации и с органами управления образованием.

Здесь уместно вспомнить, что немецкие социологи Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Пьер Бурдьё отмечали в качестве одного из важнейших постулатов тезис о том, что в случае нарушения метода полученный результат не может являться истинным и искажает объективную реальность [1].

Реализация права на образование испытывает воздействие экономических, политических факторов. Так, задача динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе видится в свете повышения конкурентоспособности российского образования [2], что определяет направления законодательного развития трудового (например, не требуется разрешение на работу для иностранных граждан, обучающихся в Российской Федерации в образовательных учреждениях профессионального образования и выполняющих работы (оказывающих услуги) в течение каникул, а так же в свободное от учебы время в качестве учебно-вспомогательного персонала в тех образовательных учреждениях, в которых они обучаются [3]), миграционного (упрощенный режим въезда – выезда в РФ и из РФ), гражданского (изменение статуса бюджетных учреждений) и иных отраслей законодательства.

Таким образом, рассмотрение вопроса реализации права человека и гражданина на образование свидетельствует о крайней подвижности законодательного регулирования в сфере образования, а также как его активного влияния на иные отрасли законодательства, так и подверженности обратному влиянию.

Литература

1. См.: Социология права в Германии: Сб. научных трудов / РАН ИНИОН / Отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2008.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», информационные материалы РИА «Новости» о Международном Петербургском экономическом форуме 2010 г.
3. Пункт 4 ст. 13 Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации".

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е. Ю. Бойко

Российский государственный торгово-экономический университет

Назначение гарантий заключается в обеспечении каждому человеку наиболее благоприятной обстановки реализации права на свободу и личную неприкосновенность и защиты его от произвольного ограничения, в частности незаконного задержания и заключения под стражу, незаконного личного обыска, нарушения сроков содержания в СИЗО и местах лишения свободы.

По мнению автора, наиболее полной представляется трактовка гарантий конституционного права человека как общих условий и специальных (юридических) средств, закрепленных в Конституции РФ и других нормативных правовых актах, создающие фактическую возможность пользоваться основным правом, удовлетворять интересы и надежно защищать его [1, с. 305; 2, с. 190; 3, с. 150-160]. К общим условиям (гарантиям) реализации права на свободу и личную неприкосновенность человека относят *политические гарантии* (в частности, политическая свобода, являясь гранью личной свободы, проявляется через действия человека как активного участника политического процесса путем его волеизъявления на выборах, публичного выражения своих мыслей); *экономические гарантии* (проявление личной свободы в сфере предпринимательства через свободное использование своих способностей и имущества для незапрещенной законом деятельности, право на возмещение причиненного вреда, запрещение принудительного труда); *социальные гарантии* (условия, обеспечивающие достойный уровень жизни и социальную защищенность: выплаты пенсий, пособий в случае болезни, инвалидности и иных случаях); *культурные гарантии* (условия, обеспечивающие духовное развитие человека: общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных учреждениях, участие в культурной жизни общества и связанная с ним свобода творчества).

Под юридическими гарантиями права на свободу и личную неприкосновенность человека понимаются закрепленные в законодательстве средства, являющиеся правовым оформлением общих условий и обеспечивающие реализацию и защиту данного права в случае его нарушения [1, с. 314-327; 4, с. 244-245]. Разделяя мнение Т.В. Синюковой о выделении в структуре юридических гарантий в качестве элементов: правовые нормы, процедуру их реализации и организационно-правовую деятельность государственных органов и должностных лиц [3, с. 150-160], заметим, реальное осуществление и обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность человека зависит от практической деятельности соответствующих органов, в частности Конституционного Суда РФ.

Сама по себе правовая норма статьи 22 Конституции РФ «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность», закрепляющая данное право выступает гарантией автономии, независимости личности в ее взаимоотношениях с обществом, государством, поскольку Конституция РФ является актом прямого (непосредственного) действия, то есть невозможно отказаться от ее применения, ссылаясь на отсутствие конкретизации конституционного положения в другом нормативно-правовом акте.

Право на свободу и личную неприкосновенность человека не имеет четко установленных форм осуществления, например, реализовать указанное право возможно путем заключения между уполномоченным и охранным предприятием договора на личную охрану. Но ограничение права на свободу и личную неприкосновенность человека посредством ареста, заключения под стражу и содержания под стражей осуществляется в процедурно-процессуальной форме, допускается только по судебному решению. Акт правосудия выступает в качестве конституционной гарантии обеспечения защиты права на свободу и личную неприкосновенность человека, так как ограничение данного права связано с совершением действий принудительного характера.

Большой перечень гарантий исследуемого права, вытекающих из законодательно установленных норм, обусловлено тем, что свобода, личная неприкосновенность затрагивает различные стороны жизни человека, является условием гармоничного развития личности. Законодательные гарантии представляют собой систему, включающую в себя как конституционные, так и гарантии, содержащиеся в других отраслях права.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища, право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, являясь самостоятельными конституционными правами, гарантируют свободу и личную неприкосновенность человека. Названные права создают «зону безопасности» человека через запрет разглашения сведений личного характера, произвольного вторжения в жилище – место уединения человека, незаконного вмешательства в интраперсональную и межличностную коммуникацию (тайна дневников, переписки, телефонных и иных сообщений), запрет произвольного ограничения физической способности передвигаться, выбирать место пребывания, жительства в пределах России, выезда за пределы РФ и возвращения гражданина РФ в Россию.

Право ознакомления с документами и материалами, затрагивающими права и свободы человека, если иное не предусмотрено законом; наличие судебного решения для применения ареста, заключения под стражу и содержание под стражей; презумпция невиновности; право задержанного (обвиняемого) иметь защитника относятся к уголовно-процессуальным гарантиям свободы и личной неприкосновенности и в силу общественной значимости возводятся в ранг конституционных.

В отраслевом законодательстве, кроме названных выше гарантий, закреплены и другие, в частности основания и порядок производства обыска, выемки, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров (статьи 182-186 УПК РФ), ряд составов преступлений против личности (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, побои и др.); основания и порядок применения административного ареста (статья 3.9 КоАП РФ), административного задержания (статья 27.3 КоАП РФ), достав-

ления (27.2 КоАП РФ). Нормы гражданского законодательства защищают нравственно-психологические ценности и имущество гражданина, закрепляя порядок и условия компенсации причиненного вреда (глава 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», статья 1070 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда»).

В заключение отметим, в полном объеме реализовать право на свободу и личную неприкосновенность человека возможно через взаимосвязь закрепления в Конституции РФ и отраслевом законодательстве гарантий названного права с деятельностью государственных органов по созданию условий для его осуществления, центральное место в ней отводится деятельности Конституционного Суда РФ по защите исследуемого права в случае нарушения.

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
2. Гасанов К.К. Конституционный механизм защиты основных прав человека: Монография. М., 2004.
3. Синюкова Т.В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности // Вопросы теории государства и права. Перестройка и актуальные проблемы теории социалистического государства и права: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.9. Саратов, 1991. С.150-160.
4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. М., 2003.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Л. О. Петрина

Всероссийская государственная налоговая академия Минфина РФ

Российская Федерация – светское государство, в котором Конституцией гарантирована свобода вероисповедания, как в индивидуальной, так и в коллективной форме (право создавать объединения, в том числе и религиозные) [1]. Согласно статье 117 действующего Гражданского Кодекса РФ [2] общественные и религиозные организации являются некоммерческими организациями. Статья устанавливает единый правовой режим для общественных и религиозных организаций, но вместе с тем допускает возможность издания законов, устанавливающих особенности юридического статуса организаций отдельных видов. Так, Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон о свободе совести)[3] регулирует правовой статус религиозных объединений, которые могут

быть созданы в формах групп и организаций. Однако и он нуждается в дополнениях, способствующих конкретизировать правовой статус религиозных организаций, в частности, представляется необходимым уточнить ряд субъектов, которым следует запретить участвовать в деятельности религиозной организации в качестве учредителей в связи с преступлениями религиозных организаций, прикрывающихся религиозной деятельностью, к примеру, лицам, в отношении которых вступившим в законную силу решением суда, установлено, что в его деятельности содержатся признаки экстремистской деятельности, террористической деятельности, либо совершенные иные преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти либо вражды.

Правоспособность религиозных объединений как юридических лиц возникает с момента их государственной регистрации. Учредителями религиозной организации могут быть как граждане, так и другие религиозные организации. Так, учредителями местной религиозной организации могут быть граждане в количестве не менее десяти (п.3 статьи 8 Закона о свободе совести). Но данное положение не носит рамочный характер, так как не определен круг лиц, которые не должны быть допущены к учреждению религиозных организаций (объединений) в силу ряда объективных причин. Так Министерство юстиции Российской Федерации к осени 2009 года разработало законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором говорится: «Не могут быть учредителями, членами и участниками религиозной организации лица, осужденные по приговору суда за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни или иные преступления экстремистского характера» [4], крайне спорным это положение законопроекта представляется и с точки зрения конституционной нормы о свободе вероисповедания. Данный законопроект нуждается в доработке и на сегодняшний день ещё не внесен на рассмотрение Государственной Думой Российской Федерации. В свою очередь, Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" [5] в пункте 1.2 статьи 15 запрещает быть учредителями (участниками, членами) некоммерческих организаций лицам, в отношении которых вступило в законную силу решение суда, в котором говорится, что в действиях лица содержатся признаки экстремистской деятельности. Следовательно, если у лица судимость по статьям, связанным с экстремистской деятельностью ныне действующего Уголовного Кодекса РФ, погашена, то негуманно, без особых на то оснований (например, включения лица в перечень особо опасных преступников-экстремистов, который представляется целесообразным создать для предотвращения «попадания» данного рода лиц в ряды религиозных организаций) лишать его конституционного права на свободу вероисповедания.

Государство стремится совершенствовать законодательство о свободе совести, что является важной предпосылкой для практического обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Законодательные инициативы имеют почву для совершенствования, но их некоторые моменты могут быть как

противоправны (чрезмерное ограничение основных прав человека), так и конструктивны (предложения о выделении круга лиц, права которых должны быть дополнительно ограничены).

Литература

[1]"Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993)/ "Российская газета", N 7, 21.01.2009

[2] См.: Гражданский Кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ/ СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301

[3] См.: Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 23.07.2008) "О свободе совести и о религиозных объединениях"/ СЗ РФ , 29.09.1997, N 39, ст. 4465

[4] «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»/ Радонеж/ <http://www.radonezh.ru/main/getprint/9733.html>

[5]Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях"/ СЗ РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 145

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КОНЦА XIX В.

В. В. Андрощук

Высшая школа экономики при Правительстве РФ

Колдовство и суеверия до середины XIX в. считались религиозными преступлениями, но в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. были помещены в раздел преступлений против общественного порядка.

Колдовство в старинных представлениях являло собой магические приемы, с целью воздействовать на силы природы и людей, чтобы исцелить или, наоборот, навести на них болезни [3, с. 277].

В дохристианском Риме наказуемость колдовства обуславливалась вредоносностью деяния и преследовалось постольку, поскольку приносило вред тому или иному лицу.

В Средневековье и до середины XVIII в. общество было убеждено в возможном союзе человека с дьяволом. Папы признавали существование колдунов и ведьм, создавали особые учреждения для рассмотрения дел об их деяниях и назначали специальных лиц для борьбы с колдовством. В странах Европы колдовство наказывалось сожжением на костре. В России людей, заподозренных в колдовстве, казнили путем утопления или сожжения. Только в XVII в. колдунов начинают рассматривать скорее как мошенников, чем лиц, обладавших сверхъестественными способностями.

Ст. 933 Уложения 1885 г. преследовала виновных в распространении, «ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды», сообщений о «чуде», свидетелем которого они были, а также тех, кто, пользуясь легковерностью людей, выдавал свои действия за чудо [4, с. 86]. Православная церковь допускала появление людей, обладавших чудотворной силой, но преследовала тех, кто: а) оскорблял религиозные чувства верующих, выдавая за святое то, что не было таковым; б) сообщением о чуде вводил в обман с корыстной целью. Наказывалось заключением в смирительный дом на срок от 4 до 8 месяцев, за повторное совершение – до одного года. Подобное наказание было адекватно преступным деяниям, но не было слишком суровым для того, чтобы понесшие его обрели образ мучеников среди своих последователей [1, с. 325–326].

Показательным является случай, описанный в деле Минской духовной православной консистории, о распространении суеверных слухов. В рапорте уездного исправника сообщалось, что крестьянка Ю. Конон, православного вероисповедания, 1 августа 1879 г. рассказывала в своей деревне о том, что «как будто видела в лесу неизвестную, богато одетую женщину, имевшую зонтик в руках, которая, несмотря на то, что был сильный дождь, была не обмокшая». Женщина стала спрашивать Конон о том, с кем та находилась в лесу и что они там делали. Узнав, что вместе с Конон было еще три женщины и один мужчина, собиравшие грибы, женщина сказала, что «грибы потреблять в пищу вредно». После этого женщина сообщила, что в д. Вересково «умрет 60 человек, советовала молиться Богу и служить обедни», после чего – исчезла. После беседы священника с крестьянкой Конон выяснилось, что «она распустила слух о виданной якобы ею женщине единственно с той целью, дабы настрашать других крестьян не ходить в урочище Хохлово, где много народилось грибов, чтобы самой только ими воспользоваться». Крестьянке Конон было сделано «надлежащее внушение» настоятелем местной церкви о том, «чтобы она подобных ложных слухов не распространяла больше и не смущала бы крестьян» [2].

Под колдовством ст. 935 понимала мошеннические действия с целью получения денег. К ним относились: продажа талисманов, напитков и составов, представление видений. Исключение делалось для «чародеев или кудесников» иноверных народов Сибири, которые совершали обряды по суеверным правилам своих традиций и в отношении своих единоверцев: шаманство, колдовство и чары являлись составляющей частью их религии. Колдовство наказывалось арестом на срок до трех месяцев, а повторное совершение – тюремным заключением до восьми месяцев. В случае, если употребление распространяемых напитков и составов повлекло расстройство здоровья, виновный заключался в тюрьму на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев [4, с. 87].

В ст. 938 говорилось о религиозном самозванстве с целью вызвать среди народа волнения и неповиновение законной власти, а лицо, совершавшее указанные действия, выдавал себя за святого или обладавшего сверхъестест-

венной силой. Предусмотренное наказание – ссылка в Сибирь на поселение – было типичным для нарушения общественного порядка. Если целью деяний было совершение государственного преступления, за них полагалось наказание, как за государственное преступление [4, с. 87].

Церковь через уголовное законодательство преследовала проявление языческих обычаев. Устав о предупреждении и пресечении содержал: ст. 28 о запрете накануне Рождества проводить «игрища по идолопоклонническим преданиям», и «заводить на улицах пляски и петь соблазнительные песни»; и ст. 29 о запрете в течение пасхальной недели купать или обливать водой лиц, не бывших у заутрени [5, с. 74].

Вопросы суеверий и колдовства долгое время не были актуальными в обществе и считались пережитком прошлого. Однако, начиная с 1990-х, в России стали популяризироваться услуги народных целителей и предсказателей, проводиться их публичные сеансы.

Государство не осталось в стороне от регламентирования деятельности, наносящей моральный, материальный и физический вред гражданам. В 2010 г. Госдумой РФ был принят законопроект, направленный на предотвращение случаев обмана граждан относительно эффективности и безопасности оккультно-мистических услуг, а также на пресечение мошеннической деятельности с использованием их рекламы.

Литература

1. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 35582.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2007.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи. Том XV. СПб., 1900.
5. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. Том XIV. СПб., 1900.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУДАВШЕЕСЯ СОУЧАСТИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНА

Н. Алиев

Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана

Как известно, соучастие признается оконченным не с момента выполнения соответствующего действия соучастником (организатором, подстрекателем или пособником), а с момента окончания преступления в целом (выполнения всех действий исполнителем или наступления преступного результата). Вместе с тем, несмотря на все усилия соучастников, преступление может

вообще не состояться в силу отказа исполнителя от совершения преступления. Преступная деятельность может быть также прервана до момента, когда исполнитель воплотит в жизнь намерение остальных соучастников. В свою очередь не доведение преступления до конца может быть обусловлено и иными причинами: пресечением преступной деятельности соучастников правоохранительными органами или иными лицами (иными словами, не доведением преступления до конца по причинам, не зависящим от воли виновного) либо добровольным отказом исполнителя. Во всех указанных случаях намерения соучастников по совершению конкретного преступления оказываются нереализованными (неудавшимися). Строго говоря, в данном случае не может быть речи о соучастии, поскольку отсутствуют либо преступные действия исполнителя, либо объективная связь между действиями исполнителя и других соучастников (1, с.449).

Неудавшееся соучастие имеет место в случаях, когда, несмотря на все усилия соучастников, исполнитель отказывается от совершения преступления, а также при его добровольном отказе от доведения преступления до конца. В последнем случае оценка содеянного как неудавшегося соучастия обусловлена тем, что иные соучастники в отличие от исполнителя не отказываются от преступления. При не доведении преступления исполнителем до конца по не зависящим от него обстоятельствам действия всех иных соучастников, точно так же как и исполнителя, должны квалифицироваться по норме о неоконченном преступлении (ст. 28; 29 УК Азербайджанской Республики). Действующий УК предусматривает правила квалификации лишь в отношении неудавшегося подстрекательства. Согласно ст. 33.5 УК «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления».

О неудавшихся организационных и пособнических действиях закон не упоминает. Полагаем, что это является пробелом в законе, поскольку в судебно-следственной практике возможны случаи, когда несмотря на все выполненные действия по организации преступления или пособничеству ему исполнитель либо не принял предложенную ему помощь, либо, первоначально согласившись с ней, затем отказался от выполнения преступления. Однако в отличие от подстрекательства организационные и пособнические действия могут совершаться как в процессе подготовки преступления, так и в процессе его совершения. Если речь идет, например, о приискании соучастников либо о предоставлении орудий совершения преступления, то такие действия создают необходимые условия для совершения преступления и, следовательно, так же как и неудавшееся подстрекательство, должны расцениваться как приготовление к преступлению. Следует только отметить, что ответственность за приготовление наступает лишь в случаях, когда речь идет о тяжком или особо тяжком преступлении.

Особое правило, касающееся оценки действий организатора преступления, содержится в ст. 34.7 УК Азербайджанской Республики, согласно кото-

рой «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана». Законодатель не оговаривает, к какому этапу развития преступной деятельности относится данное положение. В юридической литературе правильно отмечается, что в данных случаях речь может идти только о неоконченных преступлениях, поскольку нелогично оценивать оконченное преступление как неоконченное и тем самым необоснованно занижать общественную опасность содеянного. Если создание организованной группы образует самостоятельный состав, то содеянное должно квалифицироваться как оконченное преступление (1, с.450).

Неудавшимся подстрекательство и пособничество будут и тогда, когда подстрекатель и пособник сделали все для совершения преступления, но исполнитель не мог его совершить в связи со своей смертью, утратой вменяемости и т.д. (2, с.279).

Иначе решается данный вопрос в зарубежном законодательстве. Так, во Франции установлена ответственность за неудавшееся подстрекательство к совершению некоторых политических преступлений: измены, шпионажа, сдачи всей или части национальной территории, саботажа и некоторых других. Согласно ст. 411-11 УК Франции, прямое подстрекательство путем обещаний, предложений, давления, угроз или насильственных действий к совершению перечисленных преступлений в случае, если это подстрекательство не повлекло последствий по не зависящим от воли исполнителя обстоятельствам, карается семью годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 тыс. франков. Таким образом, речь идет именно о неудавшемся подстрекательстве. Подстрекательство, которое привело к своему результату, рассматривается согласно ч. 2 ст. 121-7 УК как вид соучастия (3, с.324-325).

По французскому праву не наказывается, например, тот, кто предоставив средства для совершения преступления или проступка, затем их изъял и в дальнейшем не помогал главному исполнителю при осуществлении его намерения. Правда, ответственность исключается только в случае положительных (активных) действий, но не бездействия. Лицо должно сделать все возможное, чтобы преступный результат не наступил.

Согласно ст. 24 УК ФРГ если в деянии участвуют несколько лиц, то за покушение не наказывается тот, кто добровольно препятствует доведению этого деяния до конца. Однако его добровольного и настойчивого усилия воспрепятствовать доведению деяния до конца достаточно для его ненаказуемости, если деяние не осталось неоконченным без его содействия или продолжилось независимо от его прежнего содействия (4).

По УК Италии возможен добровольный отказ одного из соучастников. Однако необходимо, чтобы соучастник, отказавшийся от совершения преступления, исключил свой вклад в достижение преступного результата или выполнил действия с целью воспрепятствования его наступлению (3, с.541).

Согласно ст. 19 УК Испании, когда в совершении одного деяния участвуют несколько лиц, от уголовной ответственности освобождаются те лица, которые отказались окончить уже начавшееся преступление и препятствовали или пытались препятствовать решительным образом его завершению, за исключением случаев, когда действия этих лиц составляют другое преступление или проступок (5).

В ч. 3 ст. 20 УК Грузии указывается, что организатор преступления, подстрекатель к преступлению и пособник преступления не подлежат уголовной ответственности, если они переубедили исполнителя, своевременном сообщением органам власти или иным образом воспрепятствовали исполнителю либо иному соучастнику и этим не позволили довести преступление до конца. Пособник преступления также не подлежит уголовной ответственности, если до начала совершения исполнителем преступления отказался от выполнения обещанных деяний либо до окончания исполнителем преступления вернул переданные для совершения преступления орудия или средства. А в ч. 7 ст. 25 УК Грузии указано, что уголовной ответственности за приготовление к преступлению подлежит также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления.

По УК Узбекистана добровольный отказ организатора, подстрекателя или пособника исключает ответственность за соучастие в преступлении, если лицо своевременно предприняло все зависящие от него меры для его предотвращения (ч. 5 ст. 30 УК).

Соучастие следует считать состоявшимся, когда умышленными совместными действиями двух или более лиц был причинен вред как результат совершения умышленного преступления. Под неудавшимся соучастием в широком значении этого понятия следует понимать умышленную попытку совместными действиями двух или более лиц причинить преступный результат, который не наступил по самым различным, но всегда не зависящим от этих лиц (лица) обстоятельствам.

Различные функции соучастников, а также многообразие причин, по которым не наступает преступный результат, предопределяет различные варианты анализируемого уголовно-правового понятия. Некоторые, наиболее типичные варианты неудавшегося соучастия, как уже отмечалось, закреплены в ст. 33.5 УК Азербайджанской Республики, однако, по нашему мнению, - далеко не все, что свидетельствует об очевидных пробелах в законе. Например, в упомянутой норме говорится о лице, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления. Это явление в уголовном праве принято называть неудавшимся подстрекательством к преступлению. Однако в ней ничего не говорится о соответствующей деятельности организатора и пособника, когда первому не удастся организовать совершение преступления, а второму - способствовать его совершению. Так, если потенциальный пособник был задержан работниками правоохранительных органов в процессе транспортировки оружия (или дру-

ного орудия преступления), то его действия следует признать неудавшимся пособничеством. Означает ли отсутствие указания в законе, что такого рода деятельность (неудавшаяся организация преступления, неудавшееся пособничество) не влечет уголовной ответственности, либо это просто недостаток законодательной техники в виде пробела в законодательстве?

Полагаем, что в данном случае мы имеем дело именно с пробелом в законе, который необходимо устранить. Неудавшаяся организация преступления, неудавшееся пособничество по своей сути означают "покушение" на соответствующий вид деятельности, и поэтому как и неудавшееся подстрекательство, должны влечь уголовную ответственность по правилам о приготовлении к соответствующему преступлению. Как приготовление к преступлению должны расцениваться действия других соучастников и в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления. Однако и этот вариант неудавшегося соучастия не предусмотрен в законодательстве, что также свидетельствует о наличии в нем пробела.

Исходя из изложенного, полагаем, что ст. 33.5 УК в целях устранения имеющихся в ней пробелов и иных неточностей может быть изложена в следующей редакции: "В случае не доведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или за покушение на преступление со ссылкой на соответствующую часть ст. 32 настоящего Кодекса.

Лица, которым не удалось по не зависящим от них обстоятельствам организовать либо склонить других лиц к совершению преступления, а равно оказать им содействие в его совершении, несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению. В случае добровольного отказа исполнителя от доведения преступления до конца другие соучастники несут уголовную ответственность также за приготовление к преступлению".

Литература

1. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф.Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М.Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
2. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Издательство НОРМА (издательская группа НОРМА – ИНФРА.) М, 2001. С. 279.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. И.Д.Козочкина.- М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С.Грибоедова, 2003. С. 324-325.
4. Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001.
5. Уголовный кодекс Испании. М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1998.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Н. Р. Исмаилова

Высшая военная школа им. Г. Алиева (Баку)

Целью исследования является выявление соответствия законодательства Азербайджана в области социально-правового положения военнослужащих с нормами международно-правовых актов.

Объектом исследования являются права и свободы человека военнослужащих. Посредством сравнительных таблиц сравниваются универсальные права человека военнослужащих, отраженных в национальном законодательстве и универсальных международно-правовых актах. За основу национального законодательства берется Конституция Азербайджанской Республики, Закона АР «О статусе военнослужащих», Военная доктрина Азербайджанской Республики и другие подзаконные акты, а также такие международно-правовые акты, определяющие стандарты по правам человека, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

В национальном законодательстве в сфере гражданских, политических, экономических, культурных и социальных прав военнослужащих выявляются ограничения или же прямые запреты. В целом, они соответствуют ограничениям и запретам, предусмотренным нормами международно-правовых актов и объясняются интересами государственной или общественной безопасности, общественного порядка, здоровья, нравственности населения, а также прав и свобод других. Оговорки запрета принудительного труда в отношении военнослужащих, содержащиеся в национальном законодательстве, не подпадают под соответствующие оговорки международно-правовых актов, и могут, таким образом, считаться единственным несоответствием, прямо противоречащим нормам международного права. Вместе с тем, существуют несоответствия некоторых законодательных и подзаконных актов Основному закону страны – Конституции Азербайджанской Республики.

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

И. В. Рубец

Львовский национальный университет им. И. Франко

Проблема женского и мужского бесплодия, к сожалению, очень серьезно обострилась в современном обществе. Научные открытия в области медици-

ны находят пути ее решения в применении методик вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ДРТ). Именно они дают надежду людям, которые несмотря на естественную невозможность зачатия и рождения ребенка более всего о нем мечтают. Одной из таких методик является суррогатное материнство.

Большинство мировых религий отрицают существование суррогатных матерей как неэтичное явление, которое не может быть свойственно человеку [1,С.33]. Законодательство Украины по-другому решает эту проблему. Инструкция о порядке применения ДРТ, утвержденная приказом МОЗ Украины № 771 2008г., определяет суррогатное материнство одной из методик лечения ДРТ. Семейный кодекс Украины 2002г. (далее – СК Украины) в ч.1 ст.123 указывает, что в случае переноса в организм другой женщины эмбриона человека, зачатого супругами в результате применения ДРТ, родителями ребенка являются супруги. Таким образом, отношения, возникающие в связи с этим родом искусственного оплодотворения, практически неурегулированные законодательством, хотя по своей сути они очень сложны. Именно поэтому особую важность приобретает договор о суррогатном материнстве. Такой договор должен выступать основным средством правового регулирования отношений участников программ суррогатного материнства. Договор о суррогатном материнстве – это договор, по которому женщина (суррогатная мать) обязывается выносить и родить ребенка для других лиц (заказчиков), специализированное медицинское учреждение обязывается провести программу суррогатного материнства, а заказчики этих услуг, в свою очередь, обязываются их оплатить и обрести статус родителей этого ребенка.

Договор о суррогатном материнстве есть договором о предоставлении услуг. Предметом договора являются услуги – вынашивание и рождение ребенка. Иным аспектом предоставления услуг в таком договоре есть услуги медицинского учреждения по проведению программы суррогатного материнства. Не может быть предусмотрено в договоре обязательство суррогатной матери передать ребенка заказчикам, поскольку ребенок и без этого есть их ребенком. Эмбрион имплантируется в тело суррогатной матери на конкретный период времени с конкретной целью - выносить и родить ребенка в соответствии с условиями договора. Никаких других прав или обязанностей у нее нет.

В случае отказа суррогатной матери возратить ребенка его законным родителям будет применяться правило ст.136 СК Украины, а именно отнятие малолетнего ребенка от других лиц. А поэтому предлагается дополнить ч.2 ст.163 СК Украины и изложить ее в следующей редакции: «Родители имеют право требовать отнятия малолетнего ребенка от любого лица, которое держит его у себя не на основании закона, в том числе от суррогатной матери, которая отказывается передать ребенка его законным родителям».

В зависимости от статуса суррогатной матери можно выделить договора о гестационном (у суррогатной матери нету генетической связи с ребенком) и

гендерном (суррогатная мать одновременно является генетической матерью ребенка) суррогатном материнстве. Комбинации биологических родителей при этом могут быть самыми разными, ими могут выступать: супруги; партнеры, что проживают в конкубинате; один из них и донор вместо другого; оба донора и др. Но это не будет иметь значения для ребенка, ведь его родителями будут те, кто заключили договор с целью обретения родительских прав и обязанностей.

Кроме уже указанных субъектов, стороной договора может выступать муж суррогатной матери, поскольку на него могут возлагаться некоторые обязанности по договору (например, прохождения обязательного медицинского осмотра с целью выявления инфекционных заболеваний) [3,С.50].

Условия договора должны быть четко определены и соответствовать индивидуальным требованиям, особенностям и пожеланиям сторон. К ним, в частности, следует включать:

- определение медицинского учреждения, где будет проводится программа суррогатного материнства;
- компенсация расходов на медицинское обслуживание;
- оплата услуг суррогатной матери (в случае коммерческого суррогатного материнства);
- определение ее места жительства и перемещения на время беременности;
- обязанности суррогатной матери соблюдать все назначения врача, направленные на рождение здорового ребенка;
- обязанности мужа суррогатной матери;
- последствия рождения неполноценного ребенка;
- последствия возникновения осложнений во время беременности суррогатной матери или во время родов;
- согласие суррогатной матери на запись заказчиков по договору родителями ребенка. В связи с этим следует исключить требование такого нотариально заверенного согласия при регистрации рождения ребенка из п.10 Р. III Правил регистрации актов гражданского состояния в Украине, утвержденных приказом Министерства Юстиции Украины № 52/5 2000г. (в ред. 26.12.2008 г.);
- последствия смерти или отказа от ребенка заказчиков за договором;
- штрафные санкции за неисполнение условий договора;
- случаи возможного расторжения договора и его последствия.

Целесообразным представляется предоставление согласия мужа суррогатной матери на прохождение программы суррогатного материнства.

Для договора о суррогатном материнстве необходимо предусмотреть обязательную письменную форму с нотариальным заверением, для того чтобы на основании исполнительной надписи нотариуса можно было взыскать неисполненные по нему обязательства, а также чтобы нотариус мог убедиться в соответствии условий договора требованиям закона и, в частности, в предос-

тавлении необходимых согласий еще до начала программы суррогатного материнства.

В связи с вышеупомянутыми соображениями СК Украины предлагается дополнить статьей 123, в которой необходимо дать определение договору о суррогатном материнстве, очертить основные его условия, а также предусмотреть обязательную письменную форму с нотариальным заверением.

Литература

1. Красицька Л. Визначення походження дитини при застосуванні форм репродуктивної медицини за законодавством України // Підприємництво, господарство і право. - 2004. - № 7. - С.31-33.
2. Михальчук О. Правове регулювання суррогатного материнства в Україні // Юридичний журнал. - 2007. - № 11. - С.34 - 36.
3. Дронова Ю.А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. - 112 с.

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ХИДЖАБА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Р. В. Губань

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (Киев)

Несмотря на то, что существует значительное количество международно-правовых норм, которые гарантируют право на свободу вероисповедания, встречаются неединичные случаи, когда спортсменкам запрещают принимать участие в соревнованиях, ссылаясь на то, что они отказываются снять хиджаб. В связи с ограниченным объемом публикации, мы приведем лишь некоторые примеры нарушения этого права.

Так, в конце февраля 2007 года одиннадцатилетней Асмахан Мансур было сказано снять хиджаб, или покинуть поле во время турнира по футболу в канадской провинции Квебек. Судья сказал, что хиджаб может создать угрозу ее безопасности. Однако надо отметить, что это решение вызвало неприятие со стороны других спортсменов. После того, как девочку отстранили от игры, ее команда ушла с поля в знак протеста, а четыре другие команды также снялись с соревнований и покинули поле в поддержку Асмахан [1].

Похожая ситуация произошла в Квебеке и с 5 мусульманскими участниками, которые принимали участие по тайквондо в Монреале. Они были поставлены перед фактом, что они не смогут принять участие в соревнованиях на первенство провинции до тех пор, пока не снимут хиджабы «из соображений безопасности». Показательно, что Квебекская Федерация тайквондо поддержала это решение, как соответствующее новым правилам, установ-

ленным Всемирной Федерацией тайквондо, запрещающим платки, ювелирные украшения и другие аксессуары под шлемами бойцов.

Однако президент исполнительного комитета Общественного Мусульманского Центра Монреаля, поддерживающего детские клубы тайквондо, Бассам Хуссейн считает причину безопасности неубедительной, утверждая, что хиджаб почти полностью скрывается шлемом, и не представляет угрозы удушью или захвата [2].

Кстати, Канадский Совет американо-исламских отношений (CAIR-CAN) также признал, что мусульмане не должны выбирать между верой и спортом. Поддержали девочек и их коллеги по команде. Девять одноклубников пострадавших девочек отказались от участия в соревнованиях из чувства солидарности.

Надо заметить, что проблемы с запретом ношения хиджаба возникает не только в Канаде. Так, Немецко-швейцарский союз баскетбола «Probasket», ссылаясь на международные правила, запретил 19-летней мусульманке-баскетболистке Зуре Аль Шавк во время игры в баскетбол носить платок [3].

А одиннадцать каратисток из Ирана не были допущены к соревнованиям "Кубок Кошито" в городе Кальмар на юго-востоке Швеции, так как они отказались снять хиджаб [4].

Запрет на использование хиджаба во время проведения спортивных соревнований даже привел к международному скандалу. Во Франции на товарищеских соревнованиях по дзюдо девятилетней Зейнаб (члену британской сборной по дзюдо) было отказано в желании принять участие в соревнованиях. Представитель французской стороны Жиль Лимузин заявила прессе, что ее решение об отказе Зейнаб основано на том, что выступление в хиджабе противоречит правилам дзюдо, принятым во Франции.

Тренер британской команды Ли Давос был шокирован. Он очень удивился решению французской стороны и заявил, что Зейнаб в Англии занимается дзюдо, не снимая хиджаб, и это не создает для нее никаких проблем. Он отметил, что подобное происшествие за семь лет проведения турниров по дзюдо случилось впервые. Надо подчеркнуть, что в знак протеста британская команда сначала удалилась со стадиона, а потом отказалась от завоеванных медалей [5].

Однако есть и совершенно противоположное отношение к хиджабу во время проведения спортивных соревнований. Так, недавно местная футбольная ассоциация Дании (ДФА) дала разрешение первой в истории девушке в хиджабе играть в сборной не только в Дании, но и в Европы [6].

И все же надо отметить прогресс в проблеме использования хиджаба во время проведения спортивных соревнований. Так, международная ассоциация любительского бокса полагает, что ношение хиджаба на ринге не создаст никаких затруднений. Таким образом, мусульманки, которые будут выступать на соревнованиях по боксу на Олимпийских играх 2012 года в Лондоне, смогут выходить на ринг в хиджабах и в одежде, полностью прикрывающей тело, соответствующей религиозным канонам [7].

Кстати, женская сборная Афганистана по боксу уже планирует появиться на летних Олимпийских играх в Лондоне в 2012 году в традиционной исламской одежде. И представитель Международной ассоциации бокса (ИВА) одобрил желание мусульманских женщин-боксеров и отметил, что на данный момент ничто не мешает им появиться на ринге в традиционной одежде [8].

Противники использования хиджаба во время проведения спортивных соревнований часто ссылаются на то, что хиджаб может представлять угрозу как самим спортсменкам, так и их соперницам. В таком случае, если нельзя модернизировать хиджаб так, чтоб он не мешал проведению соревнований (а тут возможности, практически, безграничны), с нашей точки зрения, можно было бы использовать подход Национальной Федерации Спортивных Ассоциаций Средних Школ штата Мичиган (США). В соответствии с правилами этой Ассоциации, игрок может принимать участие в игре, если он носит головной убор по религиозным причинам, который не представляет опасности для других игроков [9].

Литература

1. <http://musulmanka.ru/23-sport-i-xidzhab.html>
2. <http://islam.com.ua/news/3947/>
3. <http://defacto.am/index.php?name=pages&op=view&id=5170>
4. <http://www.newsru.com/sport/13aug2007/hijab.html>
5. http://www.atheism.ru/library/Orenina_5.phtml
6. <http://www.islam.ru/woman/zvedafut/>
7. <http://www.rosbalt.ru/2009/10/05/677698.html>
8. <http://www.seychas.com.ua/news/2009/10/5/14311.htm>
9. http://islam.com.ua/articles/today/muslim_world/332/

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы VIII Региональной научной конференции молодых ученых
Сибири в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 03.11.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 75 экз. Заказ № 286
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.